

роман

КОРИ ДОКТОРОУ

Выход



Кори Доктороу

Выход

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44

Доктороу К.

Выход / К. Доктороу — «Издательство АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-105093-1

«Выход» – язвительный, трогательный, фантастический триллер о том, как люди грядущего столетия пытаются справиться с болезненными переменами в социальной и политической структуре мира, переменами, до неузнаваемости преобразившими и планету, и само человечество как вид.

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-17-105093-1

© Доктороу К., 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

1	6
2	38
3	82
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Кори Доктороу Выход

Cory Doctorow
WALKAWAY

© CraphoundLLC, 2017

© Перевод. К.В. Круглов, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

*Эрику Стюарту и Аарону Шварцу.
Первые дни, лучшие народы.
Мы продолжаем борьбу.*

1

Коммунистический праздник

[I]

Губерт Вернон Рудольф Клейтон Ирвинг Вильсон Альва Антон Джефф Харли Тимоти Кёртис Кливленд Сесил Олли Эдмунд Эли Вилли Марвин Эллис Николас Эспиноза был слишком стар для коммунистических праздников. Ему, двадцатисемилетнему, было на семь лет больше, чем даже самому старому здешнему тусовщику, и он чувствовал этот демографический разрыв. Поэтому хотелось спрятаться за один из огромных грязных и засаленных станков, которые повсеместно возвышались на полу заброшенного завода; сделать все, чтобы избежать ничего не выражающих взглядов пестрой толпы прекрасных детей, недоумевавших, каким образом в их ряды затесался старик.

– Пойдем отсюда, – сказал он Сету, притащившему его на праздник. Сет все боялся, что вот-вот наступит время выйти из демографической группы прекрасных детей и тогда придется вступить в мир безработных взрослых. Он обладал безошибочным чутьем на самые экстравагантные, передовые, трансгрессивные мероприятия, устраиваемые детьми, считавшими себя самыми прогрессивными представителями общества. Губерт Итд Эспиноза общался с Сетом только потому, что, не желая расставаться с детством, он не мог забыть о своих прежних друзьях. Сет настаивал, а Губерт Итд легко поддавался влиянию.

– Сейчас вообще все будет *нормально*, – сказал Сет. – Почему бы тебе не сходить нам за пивом?

Именно этого Губерту Итд совершенно не хотелось делать. Там, где было пиво, кучковались самые беззаботные подростки: веселая и странная толпа, напоминавшая стайку тропических рыбок, одна волшебнее и трагичнее другой. Губерт Итд хорошо помнил себя в этом возрасте: уверенность в том, что мир катастрофически испорчен и только идиот будет унижаться, принимая его неизбежность. Губерт Итд часто встречался лицом к лицу со своим отражением в стекле душевой кабины, смотрел, не мигая, в глаза, которые подобно птенцам в гнездах были окружены похожими на синяки мешками, и вспоминал, что когда-то отрицал право этого мира на существование, а теперь уже прочно попал в его сети. Губерт Итд не мог уже сделать вид, что ничего не понимает, поэтому любой ребенок младше двадцати раскусит его за считанные секунды.

– *Давай*, братан, иди. Я тебя сюда привел, а ты теперь шевельнись хоть чуток.

Губерт Итд не стал озвучивать вполне очевидные вещи: во-первых, он вообще не хотел сюда идти, а во-вторых, пива он совершенно не желает. Спор с Сетом обязательно зашел бы в тупик, ведь на лице его приятеля уже блуждала улыбка Питера Пена, он уже включил режим «ха-ха-только-серьезно» и мог оставаться в нем сколь угодно долго, а Губерт Итд уже устал от этой ночи.

– У меня нет денег, – сказал Губерт Итд.

Сет многозначительно на него посмотрел.

– А, ну да! – вспомнил Губерт Итд – коммунистический праздник.

Сет подал ему два красных стакана. Очевидно, что цвет был подобран не случайно.

Пока Губерт Итд протискивался к пивным кранам, установленным на вертикальной стальной конструкции, выходящей из пола и возвышавшейся до самых потолочных балок, он пытался понять, кто из прекрасных детей был барменом, кто секретарем, а кто комиссаром. На стальном листе конструкции причудливо сочетались наклеенные штрих-коды безопасности,

образовавшиеся за долгие годы разводы и мельтешение разноцветных огней цветомузыки диджея. Никто не попытался помочь ему, никто не мешал пройти, хотя трое детей и остановились, пристально наблюдая за его действиями.

На всех троих были надеты очки «как у Маркса», они щеголяли большими, развесистыми бородами, таившими, казалось, какую-то сюрреалистичную угрозу, а говорили эти трое, как персонажи видеороликов, снятых с использованием синтезатора речи. Бороды были выкрашены в яркие цвета, и было в них что-то (провода с памятью формы?), что заставляло волосы извиваться как щупальца.

Губерт Итд неуклюже наполнил стакан, и девушка из этой странной троицы предложила подержать его, пока Губерт наполнял другой. Пиво было светящимся или биолюминесцентным, и Губерт Итд подумал, что может быть такого страшного в трансгенных микробах, способных превратить воду в пиво, а девушка смотрела на него из-под своих очков, но взгляд ее невозможно было уловить в этих мигающих огнях цветомузыки. Он выпил.

– Неплохо, – он рыгнул, потом рыгнул снова, – только многовато пены, да?

– Потому что быстроедействующее. Час назад это была обычная дренажная вода. Мы отфильтровали ее, подогрели до комнатной температуры, ввели культуру. Оно, кстати, живое – добавь прекурсор, исходный реагент, и все снова заработает. Выживает в моче. Просто оставь немного, если захочется еще.

– Коммунистическое пиво? – спросил Губерт Итд. Это была самая остроумная шутка, которую он смог из себя выдать. Дайте минутку на размышление – и блистательный Губерт сразит вас своим шармом!

– *Наздаровья*. – Она чокнулась с ним и осушила стакан, и от ее последующей отрыжки он слегка покачнулся. Девушка постучала по груди, что вызвало новую серию отрыжек, потом наполнила стакан.

– Если ты этим писаешь, – поинтересовался Губерт Итд, – то что случится, если кто-нибудь добавит прекурсор в канализацию? Все превратится в пиво?

Она окинула его взглядом, полным подросткового презрения.

– Это же полный бред. Чересчур сильно разведенная культура не сможет метаболизировать прекурсор. Опустоши бачок унитаза, и это будет просто моча. Живность умирает через час или два, поэтому туалет не станет резервуаром долгоиграющей экзистенциальной опасности для водоснабжения. Это просто пиво, – отрыжка, – пенное пиво.

Губерт Итд отпил еще немного. Было вкусно и совсем не напоминало мочу.

– Все пиво арендовано? – спросил он.

– Большая часть пива арендована. Это бесплатное. Понимаешь: «бесплатное», как в маркетинговом выражении «бесплатное пиво». – Она выпила полстакана, пролив немного на свою бороду. На вьющихся волосах бисером блестели капли. – Похоже, ты редко ходишь на коммунистические праздники.

Губерт Итд пожал плечами:

– Вообще не хожу. Я старый зануда. Восемь лет назад мы этим не занимались.

– Чем же ты занимался, дедуля? – сказал кто-то беззлобно, и двое ее друзей, девушка с тем же оттенком кожи, что и Сет, и парень с красивыми кошачьими глазами, захихикали.

– Надеялся найти работу на дирижаблях! – ответил за него Сет, обхватывая шею Губерта Итд рукой. – Кстати, меня зовут Сет. А его – Губерт Итд.

– Итак далее? – спросила девушка с легкой улыбкой на лице. Она понравилась Губерту Итд. Он даже подумал, что, наверное, она ничего себе девчонка и совершенно не считает, что он такой дебил, просто потому что на несколько лет старше и никогда не слышал о ее любимом виде синтетического пива. Он понимал, что эта мысль вызвана не только его верой в гуманизм, в то, что все люди по-своему хорошие, но и ужасным, давящим одиночеством и какой-то неопределенной похотливостью. Губерт Итд был достаточно смысленным, что, впрочем, не

всегда ему удавалось, и мог в той или иной степени управлять своей психикой, поэтому обманывать себя время от времени было очень нелегко.

– Расскажи ей, чувак, – сказал Сет. – Давай, это вообще потрясающая история!

– Это не потрясающая история, – возразил Губерт Итд. – Мои родители дали мне слишком много средних имен, вот и все.

– Много – это сколько?

– Двадцать, – сказал он. – Первые двадцать имен из переписи населения 1890 года.

– Там же всего девятнадцать, – быстро ответила она. – И одно основное имя.

Сет засмеялся, как будто услышал самую смешную шутку за всю свою жизнь. Даже Губерт Итд улыбнулся:

– Большинство людей этого не замечают. Да, чисто технически у меня девятнадцать средних имен и одно основное.

– Зачем твои родители дали тебе девятнадцать средних имен и одно основное? – спросила она. – Ты уверен, что там именно девятнадцать средних имен? Может, десять основных имен и десять средних?

– Думаю, что очень трудно претендовать на несколько основных имен, потому что основное имя несет в себе ту конкретику, которой лишены средние. Это не имея в виду всяких там Мэри-Энн и Жан-Марков, которые по правилам пишутся через дефис.

– Да, все правильно, – сказала она, – Но все-таки, если Мэри-Энн может быть основным именем, то почему не может быть основным Мэри-Энн Таня Джесси Штаны Бананы Рвота Макаки Итд?

– Мои родители согласились бы с тобой. Они хотели высказать свое отношение к именам сразу же после того, как Аноним ввел Политику реальных имен. Они вообще отличались активной жизненной позицией, работали над созданием политической партии, и эта политика вообще страшно их бесила. Ведь очевидно, что если ты «Аноним», то не можешь придерживаться никакой «Политики реальных имен». Они решили дать своему ребенку уникальное имя, которое ни за что не влезет ни в какую базу данных и позволит ему совершенно официально использовать самые разные суб-имена. К тому времени, как я все это понял, я уже успел привыкнуть к «Губерту», поэтому так себя и называю.

Сет взял стакан с пивом из рук Губерта, отпил и рыгнул.

– А я всегда называл тебя Губертом-Итд. Во-первых, круто, во-вторых – легко запомнить.

– Я и не возражаю.

– Ну давай теперь...

– Что? – Губерт Итд заранее знал ответ.

– Имена. Вы должны это услышать.

– Вовсе нет, если не хочешь, не говори, – сказала она.

– Да ладно, ерунда, а то так и останетесь в неведении, – он уже смирился с таким положением вещей, и это стало неотъемлемой частью его взросления. – Губерт Вернон Рудольф Клейтон Ирвинг Вильсон Альва Антон Джефф Харли Тимоти Кёртис Кливленд Сесил Олли Эдмунд Эли Вилли Марвин Эллис Николас Эспиноза.

Она запрокинула голову в комичном потрясении, потом закивала:

– Нужны еще «Штаны Бананы».

– Абсолютно уверен, что в школе тебя немилосердно дразнили, – сказал Сет.

Это разозлило Губерта Итд. Тупая, постоянно повторяющаяся шутка Сета.

– Да ладно. Ты что, действительно думаешь, что детей дразнят за их имена? Причинно-следственная связь здесь другая. Если дети смеются над твоим именем, это потому что ты непопулярен, а не ты непопулярен из-за того, что у тебя такое имя. Если бы самого крутого ребенка в школе звали «Гарри Попин», все бы называли его Гарольдом. Если бы какую-нибудь школьную вонючую овцу звали «Лиза Браун», то ее все называли бы «Засранкой», – он хотел

было добавить: «*Серьезно*, не будь дебилом», но сдержался, так как стремился быть взрослым во всем. Сет бы и не обратил внимание на то, что он, по всей вероятности, ведет себя как дебил.

– А *тебя* как зовут? – спросил Сет у девушки.

– Лиза Браун, – ответила она.

Губерт Итд хихикнул:

– *Серьезно?*

– Нет.

Сет подождал, ожидая, что она скажет настоящее имя, потом пожал плечами:

– Я Сет.

Он повернулся к ее друзьям, которые приблизились на шаг-другой. Один из них предложил затейливое рукопожатие, которое Сет воспроизвел с таким естественным энтузиазмом, что Итд вопреки своим принципам позавидовал и тотчас же смутился.

Танцевальная музыка становилась все громче и громче. Сет наполнил стакан Губерта и унес его с собой на танцпол. Губерт остался стоять с дурацким видом. Девушка наполнила свой стакан и передала ему.

– Классное пиво, – крикнула она, и ее дыхание щекотно прошло по его щеке.

Музыка играла очень громко: автоматический микс раздавался из пульта ди-джея, где было все, даже лазерный локатор и устройство обработки тепловых карт для определения реакции толпы на музыкальные миксы для оптимизации последующих композиций под желания публики. Это все использовалось и в те давние времена, когда Губерт Итд был достаточно юн, чтобы ходить в клубы. Тогда это называлось *Правилом 34* в отношении любых миксов и казалось довольно дешевым. Теперь же – другое дело.

– Немного хмельное.

– Не сам вкус. Энзимы. Содержащееся там вещество способствует распаду, предотвращает образование формальдегидов у тебя в крови. Здорово снижает похмельный синдром. Это турецкая штука.

– Турецкая?

– Ну да, как бы турецкая. Поступает с переработки в Сирии. Там основная лаборатория. Называется «Гези». Если интересуется, пришлю всю информацию.

Она с ним флиртует? Восемь лет назад предоставление контактных данных уже было приглашением. Может, настали времена более неразборчивого контроля пространства имен и менее распущенных социально-половых норм? Губерт Итд желал бы хоть немного понять суть текущей социологии двадцатилетних. Он потерял интерфейсную полоску на своем безымянном пальце и пробормотал: «Контактные сведения», затем вытянул руку вперед. Ее рука казалась теплой, маленькой, мозолистой. Она коснулась полоски, которую носила на шее, что-то прошептала, и он почувствовал подтверждающую вибрацию в своей системе, а затем двойную вибрацию, свидетельствующую о том, что обмен данными завершен.

– Можешь включить меня в белый список.

Губерт Итд хотел бы знать, привыкла ли она так легко обмениваться контактами с первым встречным, не нужно ли позаботиться о спаме или...

– Ты никогда не посещал такие места, – сказала она, снова приблизив лицо прямо к его уху.

– Нет, – закричал он в ответ. Ее волосы пахли жжеными покрывками и солодкой. – Тебе понравится, давай подойдем поближе. Скоро начнется.

Она снова взяла его за руку, и, когда ее мозоли коснулись его кожи, он вновь почувствовал вибрацию, будоражащую внутреннюю щекотку, никак не связанную с его интерфейсной поверхностью.

* * *

Они обходили танцующих, пробирались через листья и облака пыли, которые кружились под мельтешением огней. В пыли витали сверкающие частицы, и казалось, что воздух перенасыщен яркими блестками фей. Губерт Итд увидел, как Сет обернулся назад и посмотрел на него, обратив внимание на всю картину: девушку, положение их рук, то, как они пробираются по затемненным местам для личного уединения. Лицо Сета покрылось морщинами мимолетной зависти и тут же сменилось по-братски хитрым взглядом, который он дополнил поднятыми вверх большими пальцами. Бахнула автоматическая музыка: кантопоп и румба, которые Правило 34 всегда исключало из своего направленного с элементами случайности перебора композиций в заданном музыкальном пространстве.

– Вот здесь нормально, – сказала она, когда они протискивались и поднимались на помост станка. Угловатая ходовая лестница оставила ржавые отпечатки на ладонях Губерта Итд. Когда музыка не громыхала, они могли слышать друг друга, и Губерт Итд начинал снова чувствовать свое дыхание и пульс.

– Посмотри вон туда, – она повернула станок в сторону. Гиберт Итд покосился и увидел ее друзей, двигавшихся между станками. – На тех станках делают мебель, в основном полки. На складе мы нашли тонну сырья.

– Ты помогала организовать все это? – спросил он, обводя рукой завод и танцующих.

Она приложила палец к резиновому носу и медленно подмигнула.

– Страна Советов во всей ее красе, – сказала она, коснувшись дужки очков, и он увидел, как с переливами, фальшивой цветопередачей и стабилизацией увеличилось в линзах изображение ее глаз. – У них все так и было.

Музыка прервалась посередине.

От гула заводских опор завибрировал помост. Танцующие попытались отыскать источник этого шума, затем по цеху прошла волна изумленных возгласов, когда все увидели, как огромный станок начал двигаться, стряхивая с себя клубы пыли. В освещавших его лучах зажигались все новые частицы пыли. Появился новый запах: древесный, наполненный, как казалось, опасными летучими веществами, вскипавшими на разогретых частях оживавшей машины. Гул голосов в зале совсем смолк, когда первая обшивная доска из композитных материалов упала на сборочную площадку и тут же была с высокой точностью выровнена тысячами мельчайших упоров, подготовивших место для падения следующей доски. Теперь доски падали уже через регулярные интервалы, и на площадке вскоре образовалась целая поленница из тонких, прочных, гибких целлюлозных досок, между которыми ловко прокладывались поперечные бруски, затем они выравнивались и намертво соединялись предварительно изготовленными крепежными элементами. Упоры подняли решетку, переместили ее вниз по конвейеру, после чего с такой же быстротой была собрана новая решетка.

Этот цикл повторялся вновь и вновь, после чего станок развернул рулон упаковочного материала, натянул его вокруг каркаса и закрепил. Готовая продукция была поставлена набок и отодвинута в сторону. Через минуту был собран и обтянут второй экземпляр. Одна девушка из танцующих подошла к месту складирования готовой продукции, без труда подняла изготовленный экземпляр и одной рукой вынесла его на танцпол, после чего разрешила упаковку ножом, ярко сверкавшим в лучах цветомузыки. Кровать, самая обычная кровать в несколько щелчков была установлена на полу, оставалось только положить матрас. Танцовщица залезла на решетку кровати и начала усиленно прыгать на ней. Кровать пружинила как настоящий трамплин, и уже через несколько секунд танцовщица разводила в прыжке ноги и даже делала настоящее сальто.

Девушка уселась поудобнее и начала тереть пальцами кудряшки своей бороды.

– Как же хорошо.

Губерт Итд был уверен, что она улыбается.

– Классная кровать, – сказал он, не придумав ничего иного.

– Просто отличная, – ответила та. – Здесь было много прибыльных линеек продукции, но кровати были самыми лучшими. Их хорошо закупали гостиницы, так как такие кровати практически невозможно сломать, а весят они не больше перышка.

– Почему же их перестали выпускать?

– Ничего не перестали. Шесть месяцев назад «Муджи» закрыла завод и переехала в Альберту. Получила огромные субсидии на переезд, провинция Онтарио просто не смогла предложить ничего лучшего. Они работали здесь всего пару лет, весь персонал составлял двадцать человек, а двухлетние налоговые каникулы как раз заканчивались. С тех пор это место пустует. Мы можем производить здесь всю линейку продукции, всю мебель «Муджи», в том числе те вещи, которые идут под брендами «Нестле», «Стандарт-энд-Пурс» и «Моет Шандон». Стулья, столы, стеллажи, полки. Следующий праздник мы собираемся провести в Оранджвилле на пустующем заводе по выработке сырья для логистических цепочек. Если не попадемся, то сможем выпустить мебель для пары тысяч семей.

– Вы это делаете совершенно бесплатно?

Она посмотрела на него долгим, серьезным взглядом.

– Мы – организаторы коммунистического праздника, уже забыл?

– А, ну да! Хотя... как же вы зарабатываете на еду и все такое?

Она пожала плечами.

– Крутимся-вертимся то здесь, то там. Что под руку подвернется. Незнакомые люди, как правило, очень добры.

– Люди приносят вам еду, а вы им даете вот эти вещи?

– Нет, – ответила она. – Мы не поддерживаем принцип натурального обмена. Это подарки. Экономика дарения. Все отдается бесплатно, и взамен ничего не требуется.

Теперь настала очередь Губерта Итд задавать вопросы:

– Как часто вам делают подарок, после того, как вы дарите одну из таких кроватей? Может, кто-то берет кровать, а потом приходит и оставляет что-то для вас?

– Конечно. Очень трудно отучить людей от привычки взаимовыгодного обмена в эпоху дефицита. Но мы-то понимаем, что им *ничего* не нужно приносить. Вот *ты* что-нибудь принес сегодня?

Он похлопал себя по карманам:

– У меня с собой только пара миллионов баксов, ничего серьезного.

– Ну и оставь их себе. Деньги мы точно никогда не берем. Мама всегда говорила, что деньги – это самый дерьмовый подарок. Любой, кто попытается здесь всучить кому-нибудь или взять с кого-нибудь деньги, будет вышвырнут пинком под зад без какого-либо права на возвращение.

– Тогда я вообще не буду доставать кошелек из штанов.

– Правильная мысль! – она была достаточно доброжелательна, чтобы не заметить двусмысленности, от которой покраснел сам Губерт Итд. – Кстати, меня зовут Пранкушка.

– А я думал, что только у меня родители больные.

Борода начала причудливо извиваться.

– Это имя придумали не мои родители, – сказала она. – Это мое партийное имя. Смесь пранка и Золушки.

– Как Троицкий, – ответил он. – Его звали Лев Давыдович. В одиннадцатом классе я делал независимый исторический проект по большевизму. Однако здесь все гораздо интереснее.

– Говорят, что старик Карл поставил правильный диагноз, но прописал не тот рецепт. – Она пожала плечами. – Все будет иначе, когда Коммунистический праздник станет настоящей

партией. Решение еще не принято. Скорее всего, мы попросту схлопнемся. Как это происходит у вас там, на дирижаблях, да?

– Дирижабли *разрываются*, – ответил он.

– Ха! Ха! Ха!

– Извини, – он выставил ноги наружу и облокотился на поручень, который заскрипел, но выдержал. Он вдруг понял, что мог упасть с десятиметровой высоты на бетонный пол. Отдышавшись, он продолжал: – Но все верно, с дирижаблями ничего не вышло.

По документам и чертежам все казалось безупречным. Занялись этим богатые временем и бедные деньгами люди, имевшие друзей по всему свету. Эксплуатация дирижаблей не требовала особых затрат, если, конечно, скорость не имела решающего значения. Возникали сотни новых компаний, шли разговоры об экологическом и подходящем для климата транспорте, люди мечтали о «новом веке авиации». Несмотря на все это возникало неизбежное ощущение золотой лихорадки, игры в «музыкальные стулья», когда очень небольшое число удачливых людей с достаточным количеством денег перестало бы делать вид, что им было дело до хоть какой-нибудь авиации, кроме той, что всегда сопровождается шампанским и теплой маской для сна сразу же после взлета. В отрасли крутилось достаточное количество денег, на правительственном уровне сплошь и рядом шли разговоры о поощрении региональных талантов и появлении новой промышленной реальности. Разговоры сопровождалась гигантскими налоговыми скидками на исследования и разработки, а денежные инвестиции все шли и шли нескончаемым потоком.

Через три года, в течение которых Губерт Итд и те, кого он знал, отдали все, что имели, чтобы запустить гигантские плавающие сигары в небо, все схлопнулось. Еще через несколько лет – стало винтажной модой. Губерт Итд видел в клипе о сверхмодной мебелировке «номер подлинной старинной отделки со всеми удобствами на дирижабле Марк II». Скрупулезно восстановленный мебельный набор для воздушного судна специально для пары, постоянно проживающей на дирижабле, а не для десятков странствующих летающих бомжей. Губерт Итд однажды провел три месяца в кооперативе, выпускавшем модульные помещения, которые были готовы к установке на платформы воздушных судов. Его потом и кровью заработанная доля должна была давать ему право проводить определенную часть года в небе на борту любого судна, где установлено производимое кооперативом модульное помещение, право на путешествие в неизвестность, где можно было подчиняться лишь преобладающим в этом мире ветрам.

– Не вини себя. Такова уж человеческая природа – верить в воздушные пузыри и думать, что ты весь такой из себя предприниматель и сможешь выбиться из общего ряда. – Она отстегнула бороду и сняла очки. Ее лицо походило на лисью мордашку, вмятины, продавленные тяжелыми очками, были усеяны веснушками и покрыты испариной. Она вытерла пот подолом рубашки, а он обратил внимание на ее бледный живот и родинку у пупка.

– А как насчет твоих людей? – ему хотелось еще пива, однако он понял, что так же хочет в туалет, и подумал, не стоит ли потерпеть, чтобы потом побаловать себя свежей партией пива.

– Мы не предприниматели и не собираемся откуда-либо выбираться. Это не предпринимательская деятельность.

– Люди пытались заниматься и антипредпринимательством. Безделье ведь тоже до добра не доводит.

– Мы и не антипредприниматели. Мы так же похожи на предпринимателей, как бейсбол на крестики-нолики. Мы играем в другую игру.

– И в какую же?

– Пост-дефицит, – сказала она почти с религиозной торжественностью.

Видимо, ему не удалось сохранить нейтральное выражение лица, потому что по ее взгляду стало понятно, как она разозлилась.

– Извини, – вряд ли кто-нибудь когда-либо так много извинялся, как он. Как-то на Хеллоуин его сосед по квартире сделал несколько картонных могильных плит и вывесил их как флаги на кухонных шкафах. Губерту Итд показалось, что тот написал: «Извини».

– Что мне твои извинения! Посмотри, Итакдалее, на все это. По документам это совершенно бесполезное место. Все вещи, сходящие с этого конвейера, должны быть уничтожены. Это нарушение товарных знаков; даже если товары сходят с официального конвейера «Муджи» и сделаны из официального сырья «Муджи», на них нет лицензии «Муджи», поэтому такое сочетание целлюлозы и клея является преступлением. Это настолько извращено, что любой, кто обращает внимание на такое положение вещей, уже нарушает все правила игры, и мнение его ничего не стоит. Любой, кто скажет, что мир станет лучше, если этот завод попросту сгниет...

– Мне это вовсе не кажется хорошим аргументом, – ответил Губерт Итд. Когда-то ему часто приходилось вести подобные споры. Он не был молод и не считал себя человеком передовых взглядов, но в этих вещах разбирался. – Это все равно, что говорить людям: все, что вы делаете со своими вещами, приводит к худшим результатам, чем если бы вы делали всякие глупости и давали рынку право отсеять хорошие идеи от...

– Думаешь, кто-то еще верит в эту чушь? Знаешь, почему люди, которым нужна мебель, просто не взломают дверь в этот цех? Это не ортодоксально с рыночной точки зрения.

– Конечно нет. Это просто страх.

– И у них есть все основания, чтобы бояться. В этом мире все устроено так: если ты не добился успеха, то ты полный неудачник. Если ты не забрался на вершину, то валяешься в самом низу. А если ты находишься где-то между, то просто висишь, вцепившись ногтями в надежде, что сможешь перехватиться получше, прежде чем тебя оставят последние силы. Все, кто еле держатся, просто боятся ослабить хватку. Все, кто внизу, слишком устали, чтобы карабкаться наверх. А что же люди наверху? Это те, чье существование зависит от того, чтобы все оставалось без изменений.

– Ну и как ты называешь эту свою философию? Пост-страх?

Она пожала плечами:

– Без разницы. Названий хватает. Ни одно из них не имеет значения. А *вот это* имеет, – она показала на танцующих и на кровати. Станки другого конвейера включились и начали производить складные стулья и столы.

– Как насчет «коммунизма»?

– Что насчет «коммунизма»?

– Это символ, от которого веет историей. Вы могли бы быть «коммунистами».

Она помахала перед его лицом своей бородой.

– Коммунистический *праздник*. Она не делает нас «коммунистами», во всяком случае не больше, чем День рождения делает нас «деньрождистами». Коммунизм – это интересное занятие, в котором я не хочу участвовать.

Лестница начала лязгать, а помост завибрировал, как камертон. Они глянули через край как раз в тот момент, когда показалась голова Сета.

– Привет голубкам! – он был весь взмокший и дрожал под воздействием чего-то явно волнующего. Губерт Итд схватил его, чтобы тот не кувырнулся через перила. По лестнице поднялся еще один человек – один из трех бородачей, которых они встретили рядом с пивным краном.

– Привет-привет! – Казалось, он тоже был под кайфом, однако Губерт Итд не мог определить это на глаз.

– Вот тот парень, – сказал Сет. – Парень с именами.

– Ты Итакдалее, – сказал новый знакомый, широко расставив руки, как будто хотел обнять брата, которого не видел целую вечность, – а меня зовут Бильям. – Он одарил Губерта

Итд долгим объятием пьяного человека. Губерт Итд время от времени встречался с парнями, считал себя открытым для таких отношений, однако Бильям, помимо прекрасных косых глаз, был не в его вкусе и в любом случае слишком обдолбанным. Губерт Итд решительно отстранил его от себя, не без помощи девушки.

– Бильям, – сказала она, – чем вы вдвоем так накидались?

Бильям и Сет посмотрели друг на друга и истерично захихикали.

Она игриво толкнула Бильяма, так что тот отпрыгнул и оступися, закачав ногой над помостом.

– Ага, мета, – сказала она. – Или что-то в этом роде.

Он слышал об этом наркотике, позволяющем иронично и отстраненно взглянуть на окружающие вещи – этакий сиюминутный наркотический экстаз. Конспирологи считали, что его применение стало чересчур распространенным, чтобы быть простой случайностью, говорили, что этот наркотик специально распространяли, чтобы смягчить население, избавить его от ощущения скудности своего существования. Во времена его молодости, восемь лет назад, это средство называлось «Здесь и сейчас». Его давали аудиторам исходного кода и пилотам дронов¹, чтобы их внимание было предельно сконцентрированным и четким, как у роботов. Когда он работал с дирижаблями, то съел, наверное, несколько тонн этого вещества. И благодаря ему чувствовал себя как счастливый андроид. Конспирологи говорили о «Здесь и сейчас» то же самое, что и о «мета». В конце концов, все, что позволяло людям уходить от объективной реальности и концентрироваться на некоем внутреннем ментальном состоянии, можно было трактовать и в пользу выживания вида, и в пользу поддержания равновесия.

– И все-таки, как тебя зовут? – спросил Губерт Итд.

– Какая разница, – ответила она.

– Просто это уже начало сводить меня с ума, – признался он.

– У тебя все уже записано в адресной книге, – ответила она.

Он закатил глаза. Ну конечно! Он потер интерфейсную полосу о манжету и на мгновение прикоснулся к ней пальцем.

– Натали Редуотер? – спросил он. – В смысле *те самые* Редуотеры?

– На свете много Редуотеров, – ответила она. – Мы тоже из их числа. Не из тех, о ком ты думаешь.

– Но близки, близки! – произнес Бильям из своего наркотического, обрывистого, ироничного мира. – Двоюродные?

– Двоюродные, – ответила она.

Губерт Итд заставил себя промолчать, уходя от «золотой молодежи», «раста-иждивенцев», «фальш-богемы» и других слов, которые пронесли в его голове. Это был бы конец их отношениям. Ей совсем не нравилось то, что ее имя было произнесено вслух.

– Двоюродные – это как «отношения с бедными странами», – сказал Сет, все так же остающийся в скрюченном, как уродливый эмбрион, положении, – или двоюродные, как «эй, давай полетаем на твоём небольшом самолете»?

Губерту Итд было стыдно, и не только потому, что девушка ему понравилась. Он знал людей, которые родились в привилегированных семьях, таких полно крутилось вокруг дирижаблей. Среди них встречались хорошие люди, чьи достоинства превосходили незаслуженные привилегии. Сет, как правило, не вел себя по-хамски в таких ситуациях, скорее, именно об этом он никогда по-хамски не шутил, но сегодня под действием веществ его просто понесло.

– Двоюродные, как «достаточно, чтобы беспокоиться в случае похищения» и «недостаточно, чтобы заплатить выкуп», – сказала она с таким видом, будто с трудом повторила некую затертую мудрость.

¹ Небольшие беспилотные летательные аппараты. – Здесь и далее примеч. пер.

Появление двух обдолбанных юнцов лишило эту ночь ее особой магии. Внизу станки отбивали постоянный ритм, и снова зазвучало Правило 34, на этот раз сочетая колдовскую музыку, новый романтизм и синхронизируя их с тактом машин. Это не привлекло большого числа танцующих, однако несколько упрямцев продолжали танцевать, радуя глаз прекрасными сложенными движениями. Губерт Итд засмотрелся на них.

Тут произошли одновременно три вещи: сменилась музыка (сайкобилли и дабстеп), он открыл рот, чтобы сказать что-то, и Бильям произнес нараспев, подхихикивая при этом:

– «Влииииип-ли!» – и показал на потолок.

Они устремили туда взгляд и увидели стайку дронов, отсоединившихся от верхнего перекрытия, сложивших крылья назад и ринувшихся вниз в стремительном, визгливом пике. Натали снова надела бороду, Бильям также суетливо задвигал руками, проверяя, на месте ли его борода.

– Сет, маски! – начал трясти своего друга Губерт Итд. Его друг взял с собой их маски по какой-то очень важной причине, которую, однако, никак не мог вспомнить. Сет выпрямился, поднял брови и самодовольно ухмыльнулся. Прижимая подбородок к груди, Губерт Итд надвинулся на Сета и резко вывернул его карманы. Он прижал маску к своему лицу и почувствовал, как ткань начала неровно прилипать к коже, оставляя бугры и морщины, которые не могли выпрямиться из-за его неровного дыхания, пота и жирной поверхности. Он натянул маску на Сета.

– В этом нет никакой необходимости, – слабо возражал Сет.

– Ага, – отвечал Губерт Итд. – Это все потому, что у меня благородное сердце.

– Ты переживаешь, что они проследят мой социальный профиль и найдут тебя в одной из зон пиковой активности и высокой интенсивности, – улыбка Сета, сиявшая на фоне его почти скрытого в темноте лица, была раздражающе спокойной. И вот она скрылась за маской. Чертова мета. – Тут за тобой и придут. Чувак, они проследят твои данные за несколько прошедших лет и что-нибудь да найдут. Они всегда что-то находят. Они завинтят тебе все винтики, настраивают тебя всевозможными карами, если ты только не станешь наркоманом. Комната 101 от начала и до самого конца, детка...

Губерт Итд врезал Сету по голове снизу вверх, немного сильнее, чем было нужно. Сет беззлобно охнул и заткнулся. Дроны летели, обеспечивая максимальное покрытие, как стая голубей, приближающаяся к пище. Интерфейсные поверхности Губерта Итд задрожали, определив попытки вторжения, и отключились. Губерт Итд регулярно загружал средства противодействия исключительно для борьбы со злоумышленниками, которые могли походя скопировать идентификационные данные, однако сейчас он испугался, переживая, не слишком ли устарели его обновления по сравнению с возможностями полицейских ботов.

Праздник был испорчен. Танцоры бежали, некоторые на бегу не выпускали из рук мебель. Музыка стала невыносимо громкой, звук был настолько мощный, что мог повредить барабанные перепонки. Губерт Итд прижал руки к ушам, когда один из дронов задел двутавровую балку, завертелся волчком и рухнул на землю. Другой дрон пикировал на блок управления звуковой системой и сбросил ее на пол. Звук, казалось, стал еще громче.

Губерт Итд силой усадил лежащего Сета и показал на лестницу. Убрав ладони от ушей, они начали спускаться вниз. Это было сродни пытке: зверский звук, причиняющие боль вибрации металла под руками и ногами. Натали спустилась и показала на дверной проем.

Что-то тяжелое больно ударило Губерта Итд в голову и плечо, так что он рухнул на колени. Он оперся руками о бетонный пол, встал на ноги, пошатываясь. Перед глазами летали искрящиеся звездочки.

Потом он оглянулся, чтобы понять, что так его ударило. Несколько секунд пытался разобраться, что перед ним. Бильям лежал на полу, конечности его были вывернуты причудливой свастикой, голова явно была деформирована, а из-под нее вытекала едва различимая в туск-

лом свете лужа крови. Пытаясь превозмочь головокружение и боль, причиняемую звуком, он наклонился над Бильямом и осторожно потянул за бороду. Она была пропитана кровью. Лицо Бильяма было так разбито, что лишь отдаленно напоминало человеческое: на лбу виднелась уродливая вмятина, задевшая также один глаз. Губерт Итд пощупал пульс на запястье Бильяма, потом на шее, но ощутил только грохот музыки. Он положил руку на грудь Бильяма, пытаясь уловить дыхание, но не почувствовал ничего определенного.

Он поднял глаза и увидел, что Сет и Натали уже достигли двери. Они не заметили, как упал Бильям, не видели, как тот врезался в Губерта Итд. Дрон прошел низко, взъерошив волосы Губерта Итд, которому вдруг захотелось разреветься. Он подавил в себе это чувство, пытаясь вспомнить основы первой медицинской помощи. Не стоит пытаться перемещать Бильяма с места. Но если он останется здесь, то его повяжут. Может, уже слишком поздно. Та часть его мозга, которая была ответственна за трусливое самооправдание, причитала: «Почему бы просто не убежать? Видно же, что ничего нельзя сделать. Он уже, наверное, умер. Уж выглядит точно, как мертвый».

Губерт Итд попытался опознать этот внутренний голос и решил, что он принадлежал какому-то законченному уроду. Пытаясь мыслить за рамками корыстных логических обоснований, он схватил оброненную кем-то сумку и предельно аккуратно повернул Бильяма в устойчивое боковое положение, подложив сумку под голову. Он пытался зафиксировать тело Бильяма в этом положении с помощью сломанного стула и обрезка трубы, стараясь не смотреть на его косые глаза и вяло болтающуюся голову, как вдруг кто-то схватил его за больное плечо. От этого Губерта Итд чуть не стошнило. Он знал, что рано или поздно придет день, когда он окажется в тюрьме.

Но это был не полицейский, а Натали. Она сказала что-то неразличимое из-за громкой музыки. Он показал на Бильяма. Она наклонилась и посветила на неподвижное тело. Ее стошнило, однако в последний момент, сохраняя хладнокровие, она успела подставить сумку. Губерт Итд отстраненно отметил, что девушка явно не хотела, чтобы в руки полиции попали клетки ее пищевода и ДНК. Так же отстраненно он оценил ее предусмотрительность. Она встала на ноги, снова схватила его за ушибленную руку и силой потянула на себя. Он закричал от боли, но этот звук пропал во всеобщем реве. Потом побежал, оставив Бильяма за спиной.

[Ш]

Мета отпустила Сета около 4 утра, когда они сидели в овраге, прислушиваясь сквозь звон в ушах к тихому шуму воды внизу, к шуршанию шин стремительно проносящихся над ними полицейских машин. Он сидел на бревне, все с той же искусственной ухмылкой превосходства на лице, затем заплакал, утопив лицо в ладонях и пригнувшись к коленям, совсем как бесхитростный, не пытающийся ничего доказать ребенок.

Губерт Итд и Натали смотрели на него, не вставая со своих мест у корней деревьев, торчавших там и тут по склону оврага. Наконец, они подошли к нему. Губерт Итд неуклюже обнял Сета, а тот уткнулся ему в грудь. Натали коснулась его руки и что-то прошептала, что показалось Губерту Итд очень *женственным* в самом успокоительном смысле этого слова. Губерт Итд понимал, что Сет плачет, и что это может быть так или иначе обнаружено правоохранительными органами. Это, конечно, несколько мешало ему сопереживать Сету, однако для этого и не было веских причин, ведь Сет сам довел себя до ручки: нажрался дерьмовой наркоты на имиджевой тусовке, на которую вообще не стоило приходить, а теперь Губерт Итд был запятнан высохшей кровью, которую невозможно оказалось смыть влажными от росы листьями и соскрести грязными камнями.

Губерт Итд сильнее прижал лицо Сета к своей груди, скорее для того, чтобы никто не услышал этот плач. В ушах Губерта все еще звенело, в голове пульсировала кровь, а подушечки

пальцев все еще ощущали мягкую кожу искалеченного лица Бильяма. Он был уверен, что, когда они уходили, Бильям был уже мертв, а значит, они не оставили его умирать на танцполе. И, следуя своей природе, Губерт Итд начал сомневаться в этой уверенности.

Натали похлопала Сета по руке.

– Держись, приятель, – сказала она, – тебя просто отпускает. Напрягись и думай. Так будет гораздо легче, ведь ты можешь думать, когда тебя отпускает мета... Это все было включено в пакет удовольствий. Давай, Стив.

– Сет, – сказал Губерт Итд.

– Сет, – поправила ее. Ей так же хотелось, чтобы Сет замолчал, как и ему. – Давай. Думай. Это ужасно, это отвратительно, но это не твоя настоящая реакция, а всего лишь воздействие наркоты. Давай, Сет, думай.

Она все повторяла «Давай думай». Должно быть, именно это следовало говорить людям, которым было плохо после меты. Он тоже повторил эту фразу, и плач Сета начал сходиться на нет. Пару минут он помолчал, затем тихо захрапел.

Натали и Губерт Итд посмотрели друг на друга.

– Что теперь? – спросила Натали.

Губерт Итд пожал плечами:

– У Сета есть жетоны на машину, чтобы добраться домой. Можем его разбудить.

Натали прищурила глаза:

– Отсюда нельзя отправлять никаких сообщений. Ты точно пришел на праздник при полной блокировке?

Губерт Итд не стал закатывать глаза. Его поколение довело полную блокировку до совершенства, так что их системы полностью отключались по пути на подобные мероприятия. Это было непросто, но те, кто был слишком ленив, чтобы обеспечить свою безопасность, оказывались за решеткой вместе со своими друзьями, поэтому защита стала распространяться повсеместно.

– Мы пришли при полной блокировке, – уверил он девушку.

Они дошли до места, из которого можно было быстро попасть в тысячу разных мест по различным статистически возможным маршрутам, затем выбрали самый длинный путь до Праздника. Они не были идиотами.

– Думаешь, уже безопасно снова включиться?

– Безопасно для чего?

Он заметил, как она едва сдержалась, чтобы раздраженно не закатить глаза.

– Я в том смысле, что теперь риск стал более-менее приемлемым. И если ты спросишь «в какой степени приемлемым», я тебе врежу. Ты считаешь, что будет нормально, если мы снова включимся?

– Мне хочется сказать: «нормально по сравнению с чем?». Я не знаю, Натали. Думаю... – он сглотнул. – Ну, почти уверен, что Бильям... – новый комок в горле, – что он мертв. Такая глупая смерть. Что бы там ни было, я думаю, что копы будут предельно жесткими, потому что труп переводит все совершенно в иную категорию. С другой стороны, наша ДНК там повсюду, а после минимального анализа нас найдут и посадят при любых обстоятельствах. С другой стороны, то есть с учетом, так сказать, вышесказанного, если мы сейчас включимся, то просто предоставим еще одно доказательство того, что мы там были, а это значит...

– Достаточно этого параноидального бубнежа. Мы не можем включаться.

– А как ты сюда попала?

– Подруга привела, – сказала она. – Я уверена, что она уже дома, греется под теплым одеялом, а когда проснется и встанет, ее уже будет ждать чашка горячего чая.

Впервые в голосе Натали звучала горечь. Губерт Итд понял, что он наполовину замерз, наполовину истощен от голода и хочет пить так, словно вся полость его рта покрылась слоем крахмала.

– Надо идти, – он посмотрел на себя. В серых предрассветных сумерках высохшая кровь была похожа на грязь. – Думаешь, меня пустят таким в метро?

Она вытянула шею, стряхивая с колен упавшие с Сета соломинки.

– Таким – нет. Надень куртку Стива.

– Сета, – сказал он.

– Без разницы, – она достаточно грубо начала трясти Сета за плечо. – Давай, Сет, пора идти.

* * *

Они пришли на станцию в 5:30. Губерт Итд был одет в куртку Сета, которая была для него слишком велика, а свою он сложил и держал под мышкой. Пришел первый поезд, и они смешались с сонными работягами, ехавшими на утреннюю смену, и дрожащими после веселой ночи тусовщиками. Работяги строго смотрели на тусовщиков. Работяги хорошо пахли, а тусовщики – нет, во всяком случае так казалось Губерту Итд с его притупленным обонянием. Во время финансового пузыря с дирижаблями он брался за работу с самого утра, так как нужно было успевать сделать много дел в ничего не значащие сроки, которые по никому не понятной причине всегда были экстренными и безотлагательными. На работу он всегда добирался на первом поезде. Да что там говорить, он спал прямо в офисе!

Сета, видимо, окончательно отпустило. С него можно было писать идеальную картину маслом «*Мужчина с наркотического похмелья*»: неряшливые цвета, много тени и штриховки. На холодном воздухе цвет его оголенных рук напоминал солонину, однако Губерт Итд не испытывал угрызений совести из-за того, что реквизировал его куртку.

– Посмотрите на них, – сказал Сет театральным шепотом. – Сама благопристойность. – Там были индийцы, персы, белые, но все как один в этих своих униформах уважаемых людей труда. Пара работяг посмотрела на них как на дерьмо. Сет перехватил этот взгляд и начал задираться.

– Перестань, – сказал Губерт Итд в ответ на реплику Сета: «Это предельный самообман. Они считают, что смогут что-либо изменить своей зарплатой. Если зарплата могла бы изменить твою жизнь, думаешь, они бы тебе ее платили?»

Это он хорошо сказал. Но Сет нередко пользовался этим измышлением и раньше.

– Сет, – сказал Губерт, добавив в голос металла.

– Что? – Сет выпрямился и выглядел очень воинственно.

Метро Торонто, как и многие другие системы метрополитена, было местом гражданского невнимания. Здесь требовалось нечто исключительное, чтобы другие люди в открытую признали твое существование. И Сет добился своего. Работяги начали глазеть на них.

Натали наклонилась к уху Сета и, закрыв его рукой, что-то прошептала. Он прикрыл рот ладонью и посмотрел по сторонам, затем уткнулся взглядом в свои ботинки. Она чуть улыбнулась Губерту Итд, потом спросила:

– Куда мы едем?

Губерта Итд очень вдохновило это «мы». Ночью они были товарищами по оружию, и у него были ее контактные данные, однако он уже наполовину убедил себя в том, что она поедет домой, оставив его с Сетом.

«У Фрэна»? – спросил он.

Она скривилась.

– А что, они открыты круглосуточно, там тепло, никто нас никуда не выгонит...

– Да, – сказала она. – Но это дыра.

Губерт Итд пожал плечами. Он помнил, когда закрылся последний ресторанчик «У Фрэна», он еще был подростком. А потом сеть получила второе дыхание, став этаким хобби для младшего Уэстона прямо во время прославления его семьи и его связей с городскими институтами власти. Новые рестораны «У Фрэна» не знали отбоя от посетителей, особенно это ощущалось во время специальных мероприятий, когда вместо автоматов блюда разносили живые официанты. Живые люди, разносившие подносы с едой, лишь подчеркивали тот факт, что ресторан был создан для обслуживания посетителей свободно двигающимися тупыми роботами с минимальным людским надзором. Однако цены были очень низкие, а сидеть там можно было сколько душе угодно.

Он хотел бы предложить что-нибудь получше. Когда ему еще не казалось это пустым и глупым, он постоянно записывал места, куда можно было пойти, если позволяли деньги и была хорошая компания. У Сета и сейчас был такой список, однако говорить с Сетом вовсе не хотелось. Он мечтал, чтобы Сет добровольно вызвался пойти домой и хорошенько выспаться, чтобы избавиться от своей внутренней травмы и наркотического похмелья. Однако это попросту не могло произойти, потому что Сет оставался Сетом.

– Хорошо, – сказала она.

Ее глаза остекленели, она посмотрела на свои колени, накрыла пригоршней интерактивную поверхность на бедре, проверяя сообщения. Это напомнило Губерту Итд, что уже стоит включиться, и его собственные интерфейсные поверхности завибрировали, напоминая о тех делах, которые сегодня предстояло сделать. Он очистил папки входящих сообщений от спама и вирусов. Он отложил активацию предупреждений, чтобы они надоедливо напомнили о себе позже: там было что-то от родителей, от старой подруги, какая-то работа, которую он пытался получить у поставщиков продовольствия.

Они практически доехали до Сент-Клер, и, когда встали, один из работяг с утренней смены занял место Сета. Это был здоровенный мужик со светлой кожей, носом, похожим на большой клюв, и консервативной прической до воротничка. Он был одет в дешевое пальто, под которым виднелась какая-то униформа, возможно даже медицинского учреждения.

– Эй ты, – сказал он, наклонившись вперед. – Болтливый маленький засранец, все прожиралось пособия и веселишься по ночам? Иди найди себе какую-нибудь долбаную работу.

Сет отпрянул от него, но мужик последовал за ним. Они качались, пытаясь удержаться на ногах в замедляющем ход составе. Надпочечники Губерта Итд расширились, занимая непонятно откуда взявшиеся полости, и начали усиленно выделять адреналин. Сердце бешено колотилось. Кто-то должен был получить по физиономии. Мужик был действительно огромным и пах мылом. Люди и стены вагона были обвешаны камерами, однако мужику, по всей видимости, было все равно.

Натали положила руку мужику на грудь и попыталась сильно толкнуть. Он удивленно посмотрел на тонкую женскую руку на своей груди и перехватил своей огромной клешней запястье. Она размахнулась свободной рукой и ударила его по груди сумкой, которая от удара открылась, и вся холодная рвотная масса стекла из нее вниз по его груди. Натали смотрела на это с неменьшим отвращением, чем сам мужик, который, однако, отпустил руку, отпрянул назад, так что она успела выскользнуть с Губертом Итд и Сетом в закрывающиеся двери вагона. Когда они повернулись, мужик недоверчиво обнюхивал свою руку, говоря на языке своего тела: *Я просто не могу поверить, что ты вылила на меня целую сумку блевотины...*

– Натали, – сказал Сет на эскалаторе, когда другие пассажиры, вышедшие из того же вагона, отошли от них на безопасное расстояние, – почему ты носишь всякую тошноту в сумочке?

Она покачала головой:

– Я совершенно об этом забыла. Мне стало плохо, когда... – она закрыла глаза, – когда увидела Бильяма.

– Я тоже об этом забыл, – сказал Губерт Итд.

– Надеюсь, оттуда ничего важного не вывалилось, когда я стукнула этого придурка, – сказала она. Ее сумочка, средних размеров, с винтажным абстрактным узором на искусственной коже, висела у нее через плечо. Она осторожно открыла сумочку и скривилась, взглянув в эти отвратительные внутренности.

– Я понятия не имею, как это очистить. Я бы выбросила ее прямо сейчас, но внутри наверняка есть то, что еще можно отмыть.

Сет наморщил нос:

– Перчатки и маска. И чья-то рвота. Подруга, ты вообще что ела?

Она сердито посмотрела на него, но на губах читалась легкая ухмылка.

– Пригодилось ведь, разве нет? Стив, мы провели просто дерьмовую ночь. Можно же было не выпендриваться, ни с кем не цапаться?

Ему хватило ума, чтобы показать, что его пристыдили. Губерта Итд пробрало от ревности с головы до ног, и он захотел столкнуть Сета вниз по эскалатору. Он сказал:

– Сейчас все в плохой форме. Надо что-то съесть. И выпить кофий.

Сет и Натали воспрянули при упоминании кофия.

– Дааааа, – протянула Натали, – пойдете быстрее! – Она поспешила вверх, перешагивая по две ступеньки за раз, и вскоре они прошли турникеты, вышли в мерцающее яркое утро, погрузившись в толпу элегантных людей, направлявшихся этим субботним утром за покупками в яркие и стильные павильоны. Заново отстроенный ресторанчик «У Фрэна» представлял собой узкий стеклянный фасад между салоном компании по перепланировке ванных комнат и каким-то местом, где продавались гигантские бетонные статуи.

– Помните неоновые вывески «У Фрэна»? – спросил Губерт Итд. – Такой потрясающий был цвет: «дикий красный». – Он показал на светодиодный тубус. – Это кажется просто каким-то издевательством! Хочется подкрутить ползунок гаммы цветов нашей реальности.

Натали весело посмотрела на него. Они сели на диваны у свободного столика, который сразу же зажегся, высветив различные меню. Когда биометрические датчики автоматов распознали их, на соответствующем меню перед каждым появились приветственные выноски с указанием прошлых заказов. Губерт Итд увидел, что Натали в прошлый раз заказывала лазанью с двойным чесночным хлебом и что это было четыре года назад.

– А ты нечасто здесь бываешь, а?

– Была всего один раз, – ответила она. – В день открытия. – Она некоторое время касалась меню, заказывая двойной шоколадный солод, хэш из солонины, драники, дополнительный HP-соус² и майонез, а также половину грейпфрута с тростниковым сахаром. – Мы были приглашены Уэстоном. Семейные дела. – Она посмотрела ему прямо в глаза, провоцируя сболтнуть что-нибудь о ее привилегиях. – Ты говоришь, неоновая вывеска? Мой папа ее купил. Сейчас она висит в нашем коттедже рядом с Мускокас.

Губерт Итд мужественно попытался сделать так, чтобы ни один мускул не дрогнул на его лице.

– Мне хотелось бы когда-нибудь увидеть ее, – сказал он спокойно. Потом подождал, не добавит ли чего Сет.

– Меня зовут Сет, а не Стив. – Его самодовольную ухмылку нельзя было ни с чем спутать. Он наклонился через стол и прокрутил заказ Натали, перетащив копию на свой столовый набор.

² HP-соус – соус, который выпускался компанией HPFoods в Великобритании. Считается одним из символов британской культуры.

– Какого хрена, – Губерт Итд схватил заказ Сета и скопировал его и на свой столовый набор. Они выбрали большой сосуд кофия, и Натали хлопнула ладонью по кнопке отправки заказа.

– Ну давай, – сказала Натали, – скажи все, что ты думаешь.

– А что тут говорить, – ответил Губерт Итд. – Твоя семья знает Уэстонов.

– Да, – сказала она, – знаем. Ведь мы «Тасо».

Губерт Итд кивнул, как будто всегда знал значение этого слова, однако Сету совсем было не ведомо чувство стыда. – Что такое «Тасо»?

– Традиционные аристократические семьи Онтарио, – ответила она.

– Никогда не слышал такого термина, – сказал Сет.

– Я тоже.

Она пожала плечами:

– Нужно принадлежать «тасо», чтобы знать, что такое «тасо». В летнем лагере ни у кого с этим не было проблем.

Тут к их столу пристыковался колесный робот, на котором были установлены заказанные блюда. Они сняли верхний поднос, повернули карусель, чтобы снять следующий, потом пришла очередь третьего. На четвертом подносе стоял кофий. Натали поставила его на стол, а Губерт Итд не мог наглядеться, как напрягались мышцы на ее руке. Он заметил, что она не брила подмышки, и почувствовал некую интимность этого своего открытия. Они разобрали тарелки и налили кофий.

Он взял ярко-красную черешню с самого верха горки из взбитого крема на своем коктейле и съел ее вместе с черенком. Натали сделала то же самое. Сет ошпарил язык кофием и, размахивая руками, разлил воду со льдом.

Натали превратила край своей тарелки в палитру, где намешала бежевую смесь из HP-соуса и майонеза. Она насаживала на вилку небольшие порции еды, тщательно вымешивала их в этой смеси и отправляла в рот.

– Выглядит просто *отвратительно*, – это сказал Сет, а не Губерт, так как он не хотел показаться нахалом. Сета же можно было сравнить с портативным внешним идентификатором. Не всегда удобен, не всегда приемлем, но, тем не менее, полезен.

– Это называется «смуглая любовь», – девушка промокнула губы полосатой красно-белой салфеткой, помедлила мгновение, ожидая, что Сет сделает какой-нибудь пошлый намек, но тот молчал. – Изобретено еще в школе. Не хочешь попробовать, твое дело.

Она насадила на зубцы еще кусок драника и нацелила вилку на своих собеседников. Поддавшись ее убедительному тону, Губерт дал ей отправить этот кусок прямо ему в рот. Это было на удивление вкусно, а от звука удара зубов о вилку у него пошла по коже приятные мурашки, словно он только что облегчился после нескольких выпитых кружек пива.

– Это просто фантастика! – и он действительно имел это в виду. После чего начал готовить собственную смесь, сверяя цветовой оттенок по тарелке Натали.

Сет отказался пробовать, чему Губерт Итд втайне порадовался. Еда в этом заведении была лучше, чем прежде, насколько он мог вспомнить, но точно дороже. В его бюджет не были заложены эти посиделки, и Губерт горестно прикинул, насколько отощает его счет.

Он размышлял над этим, стоя над писсуаром, вдыхая запах мочи с активной культурой, напоминавший запах спаржи. Думая о деньгах, об этом запахе, он почти что заставил себя остановиться и решил было сбегать за кружкой, чтобы сохранить немного культуры на потом. Бесплатное пиво было бесплатным пивом, даже если в качестве основы бралось уже использованное пиво. Вся вода, в сущности, была использованным пивом. Но все ушло в слив, прежде чем его мысли смогли побудить какие-либо действия.

Когда он вернулся к столу, рядом с Натали уже сидел какой-то пожилой мужчина.

Его шевелюра была аккуратно подстрижена, а кожа лоснилась, как на лучшей фешенебельной мебели. На нем был фабричный, крашенный в цвет цемента вязаный кардиган с крапчатыми роговыми пуговицами, пришитыми ярко-розовыми нитками. Под кардиганом – черная футболка, позволявшая оценить его мускулистую грудь и плоский живот. На пальце мужчины носил простое обручальное кольцо, ногти на руках были короткие, чистые и ровные с нарочито-показным отсутствием маникюра.

– Привет, – сказал он. Губерт Итд сел напротив. Мужчина протянул руку. – Меня зовут Джейкоб. Я отец Натали.

Они пожали друг другу руки.

– Меня зовут Губерт, – сказал он одновременно с репликой Сета «Зовите его Итак-далее». – Зовите меня Губерт, – повторил он. Его внешний идентификатор был настоящим шилом в заднице.

– Приятно познакомиться, Губерт.

– Мой отец следит за мной, – сказала Натали, – поэтому приехал сюда.

Джейкоб пожал плечами:

– Могло быть и хуже. Я же не прослушиваю твой телефон. Всего лишь использую общедоступную информацию.

Натали положила вилку и отодвинула от себя тарелку:

– Он покупает записи с камер слежения, отчеты по кредитным картам, которые составляются в режиме реального времени, рыночную аналитику. Типа, проверка биографических данных кандидата на должность. Однако делает это постоянно.

Сет сказал:

– Это ненормально. И дорого.

– Ну, не так уж и дорого. Могу себе позволить.

– Папа уже перешел в категорию старых богачей, – сказала Натали. – Деньги его совсем не волнуют. А вот бабушка с дедушкой такими не были. Он знает, что фактически является представителем другого биологического вида, и не может понять, почему это не следует скрывать.

– А моя дочь все играет в ту же надоевшую игру: как смутить меня на людях. Начала еще в десять лет и с тех пор постоянно совершенствуется. Однако меня не так просто вывести из равновесия.

– А почему тебя вообще должно что-то смущать? Чтобы смутиться, тебе не должно быть все равно, что думают о тебе другие люди. А тебе вообще наплевать, поэтому какое уж тут смущение!

Губерт Итд смутился за них обоих, почувствовал, что нужно хоть что-то сказать, хотя бы для того, чтобы Сет не перетянул на себя все внимание.

– Мне кажется, что ему не все равно, что ты о нем думаешь, – рискнул он.

И отец, и дочь ухмыльнулись, и тотчас же явственно проявилась поразительная семейная схожесть, вплоть до идентичной двойной ямочки на правой щеке.

– Поэтому я так себя и веду. Я словно посредник для общения с любым человеком, недостойным его внимания. И в этом посредничестве нет ничего веселого, независимо от того, что он там себе думает.

– Я не замечал, чтобы ты отказывалась от своих привилегий, Натти, – сказал Джейкоб, обняв ее за плечи. Он позволила ему поддержать руку в течение, казалось, строго вымеренного времени, затем сбросила ее.

– Не надо, – сказала она.

Его молчание было красноречиво скептическим. Он передвинул ее тарелку на свое место, нажал на появившееся на столе сообщение «ЗАПРЕЩАЕТСЯ ДЕЛИТЬСЯ ЕДОЙ» и помахал контактной поверхностью на своем рукаве над этим сообщением, затем нарисовал графический ключ большим и указательным пальцем. Он съел последний хэш из солонины и потянулся

за ее коктейлем. Она остановила его, сказав: «Это мое». Он довольствовался парами глотков ее кофия.

– Ну что, может, пригласишь своих маленьких друзей на свой детский праздник? – Он вытер рот и поставил тарелки на робота, который пристыковался к столу.

– Вы, мальчики, не хотите помыться?

Сет стукнул по столу, так что меню заплясало, пытаюсь понять эти новые инструкции.

– Классно, брат, и вечером поедим!

Губерт Итд пихнул его локтем.

– Надо рассчитаться, наверное, – сказал он.

– Все уже сделано, – ответил Джейкоб.

Он подвигал своим рукавом, потом сказал:

– Машина приедет через пару минут.

[Ш]

Конечно, эта машина была не из службы проката автомобилей. Редуотеры – одна из старинных и славных фамилий: был мэр Редуотер, генералы Редуотеры, министр финансов Редуотер и много всяких исполнительных директоров Редуотеров. Машина все же оказалась небольшой, для ограниченного числа пассажиров, однако бесспорно отличалась прочностью, надежностью и, самое главное, матовыми резиновыми шинами на колесах. Губерт Итд подумал, что если заглянуть под кузов, наверняка увидишь нечто любопытное. Многие детали этой машины казались интригующими, например малоприметный логотип «Лонджинс»³ в самом углу лобового стекла. Подвеска сделала что-то умное, активно скомпенсировав его вес, и это так отличалось от повсеместных допотопных пружин! Он разместился на сиденье, обращенном назад, и увидел, что окна на самом деле вовсе не являются таковыми. Это была толстая броня, покрытая экранами высокого разрешения. Джейкоб сел на другое откидное сиденье и скомандовал:

– Домой!

Машина дождалась, пока все пассажиры усядутся и пристегнут ремни безопасности, затем тронулась и проворно нырнула в поток автомобилей. С его места было хорошо видно, как все остальные машины просто разъезжались в стороны, уступая им дорогу.

– Я, наверное, никогда так быстро не ездил в городских пробках, – сказал он.

Джейкоб ему по-отечески подмигнул.

Натали дотянулась через большой внутренний отсек и шлепнула отца по бедру.

– Он выпендривается. Здесь установлена особая прошивка, которая позволяет наполовину сокращать стандартный габаритный допуск, что заставляет другие машины отъезжать в сторону, ведь мы сейчас несемся как непредсказуемые козлы.

– А это вообще легально? – спросил Губерт Итд.

– Это гражданское правонарушение, – сказал Джейкоб. – Штрафы оплачиваются прямым списанием средств.

– А что, если вы кого-нибудь убьете? – Сет, как всегда, смотрел в корень.

– Это уже уголовное дело, а значит, более серьезно. Однако этого не произойдет. В прогнозировании, которое выполняет машина, очень многое взято из теории игр. Выполняется моделирование различных съездов и выездов, закладывается очень большой коэффициент безопасности. Конечно, здесь все круче, чем в заводской прошивке, но это исключительно потому, что у данной машины более высокие характеристики торможения, ускорения и управления, чем у простых серийных автомобилей.

³ Марка дорогих швейцарских часов.

– А еще потому, что вы просто пугаете системы, установленные на других машинах, и те уходят в сторону, – сказал Сет.

– Все верно, – сказала Натали, прежде чем ее отец смог что-либо возразить.

Тот пожал плечами, и Губерт Итд вспомнил, как она выразилась о нем как о «старом богаче», который даже не думал, что кому-то может не понравиться купленная им возможность быстрого движения в транспортном потоке.

Они мчались по улицам города. Натали закрыла глаза и откинулась на спинку кресла. Под ее глазами стали заметны темные круги, она была напряжена, и это напряжение чувствовалось с той минуты, как появился ее отец. Губерт Итд старался не смотреть на нее.

– Где вы живете? – спросил Сет.

– Овраг Эглинтон, рядом с Парквей, – ответил Джейкоб. – Я построил там дом около десяти лет назад.

Губерт Итд вспомнил школьные походы в Научный центр Онтарио, попытался вспомнить там овраг, но в памяти всплыл только лес, который мелькал за окнами ускоряющегося школьного автобуса.

Пища, что он съел в «У Фрэна», увесистым камнем давила на его желудок. Он подумал о крови на своей одежде и следах ее под ногтями, о грязи на ботинках, которая теперь комьями прилипла к роскошной обивке сидений. Машина резко устремилась вперед, и в его животе заурчало. Машина затормозила и быстро перестроилась в другую полосу движения, едва не задев ехавшую сзади машину: маленький арендованный автомобиль, пассажир которого, элегантная арабская дама в офисном маникюре тревожно смотрела на них, пока они не перестроились в следующую полосу.

[IV]

Три дома стояли в ряд, обращенные окнами на противоположный край оврага, в конце извилистой, изъезженной дороги, скрытой в густой сени деревьев. Дверь гаража отъехала в сторону, когда они подкатили к крайнему правому дому. Она закрылась, после чего сработал замок: огромные блестящие металлические стержни ушли глубоко в пол, в стены и потолок. Двери машины открылись, и Губерт Итд оказался в большом, хорошо освещенном помещении, которое простиралось под всеми тремя домами и было наполнено различными транспортными средствами. Джейкоб подал руку Натали, но она проигнорировала этот жест и, выходя, чуть споткнулась, пытаясь сманеврировать так, чтобы отец не взял ее за локоть.

– Пойдемте, – сказала она Губерту Итд и Сету, направившись к другому концу гаража.

– Спасибо за поездку, – проговорил Губерт Итд, ускоряя шаг, чтобы успеть за девушкой. Джейкоб облокотился на машину, наблюдая, как они уходят. Губерт Итд так и не смог понять выражение, застывшее на его лице.

Девушка провела их по узкой лестнице в просторную неприбранную комнату, где можно было сесть на диваны и смотреть в огромное панорамное окно с видом на овраг – зеленый, крутой обрыв, в низине которого текла белая, пенящаяся река Дон, спускаясь перекатами к озеру Онтарио. В комнате странно пахло несвежим бельем и немытой посудой – запах, который тщетно пытались заглушить ароматическими свечами. Одна стена от пола до потолка была обляпана детскими пальчиками, которые обмакивали в краску, изрисована фломастерами, блестящими маркерами и шариковой ручкой.

– Детское крыло, – сказала она. – Моя сестра учится сейчас в университете Рио, поэтому я здесь совершенно одна. Родители заходили сюда, наверное, раз пять, не больше, с тех пор, как построили дом.

– И все это – один дом? – спросил Губерт.

– Да, – ответила она.

– По тому, как этот дом построен, нельзя сказать, что вы хотели выглядеть богатыми в глазах других людей, – заметил он.

Она покачала головой:

– Тут вся проблема была в зонировании. Люди на другом краю оврага, – она махнула рукой в сторону окна, – не хотели смотреть во время завтрака на гигантский дом. Они богатые люди, и мы богатые люди, комиссия по зонированию не знала, что делать, папа договорился, что построит гигантский дом, который будет смотреться как три разных дома.

Она сбросила лишние вещи с дивана.

– Еда в кладовке. Я пойду в ванную комнату этажом выше. Вы можете воспользоваться той, что находится этажом ниже. Можете использовать любые туалетные принадлежности.

Она поднялась по лестнице и скрылась за углом.

Сет многозначительно посмотрел на Губерта Итд и ухмыльнулся. Бессловесный комментарий к тем романтическим чувствам, которые пробудились у него к Натали. Однако сейчас Губерт был совершенно не в настроении. Недавно он держал на руках мертвого человека. Он был покрыт кровью, очень устал и практически засыпал.

– Я простою под душем целый час, – сказал он, – поэтому лучше иди первым.

– А откуда ты знаешь, что я не простою под душем целый час? – и снова эта сводящая с ума ухмылка Сета.

– А ты не стой, – он заметил полотенца на полу у каменного камина. Передав одно полотенце Сету, он встряхнул другое и положил его на каминную полку.

Рядом стоял розжиг, лежали газеты и щепки. Он развел огонь, потом нашел большую футболку, почти без запаха, с имитацией прожженных дырок практически по всей поверхности, а также пару трико, которые, как он подумал, вполне ему подойдут. Он снял свою рубашку, штаны и куртку, затем бросил их в огонь. Он не знал, на что способны криминалисты, если примутся изучать кровь на его одежде после стирки, однако точно был уверен, что пепел ничего им не скажет. Вшитые интерактивные поверхности расплавились и едко задымили. Он походил туда-сюда в незнакомой одежде, размышляя, кому она принадлежала. Может, Бильяму?

Натали вышла из-за угла и встала, окинув взглядом и своего гостя, и царивший здесь беспорядок.

– Стив в ванной?

– Сет. Да.

– Можешь сходить в мою, пойдем.

Вот так запросто он оказался в спальне у странной девушки. По виду спальни можно было сделать вывод, что ее владелица еще совсем недавно училась: сертификаты в рамках, полки, уставленные учебниками и наградами, прикрепленные к стене плакаты различных музыкальных групп и умных изречений, поверх которых то здесь, то там были развешены политические плакаты. На столе грудой валялись сломанные интерактивные поверхности, тщательно изготовленные вручную вейперы, способные испарить титан в ингалируемый дым. Ворон бумажных денег, свидетельствовавших о каких-то незаконных операциях, и громоздкий, наполовину функционирующий сеточный экран по стенам, полу и потолку – попытка ребенка защитить себя от родительского электронного надзора. Эта оперативная безопасность была выстроена лучше, чем то, что создавал в юности Губерт Итд, но он не был уверен, что она работает как задумано.

Натали была одета в свободную пижаму с черно-белыми полосами, на ней не было лифчика, но он не глазел и даже не пытался подглядеть. Она провела рукой по краю двери в ванную комнату: это место засалилось за долгие годы из-за постоянных прикосновений пальцев и ладоней, выглядело грязно, однако дверь открылась.

– Полностью в твоем распоряжении.

Он прошел в дверной проем и повернулся, чтобы закрыть дверь. Она смотрела на него:

– Можешь оставить одежду себе, – в ее глазах стояли слезы.

– Мне... – он запнулся. – Мне очень жаль, что такое случилось с Бильямом.

– Мне тоже, – слеза покатилась по ее щеке. – Он был уродом, но нашим уродом. Слишком быстро удеывался на любой вечеринке. И в этом его вина. Мне будет его не хватать.

Еще одна слеза.

– Хочешь, обнимемся?

– Нет, спасибо. Просто иди в душ.

Ванная комната ничем не отличалась от тех, что обычно устанавливают в выставочных залах. Активное шумоподавление делало звук льющейся воды практически неслышимым; интеллектуальные алгоритмы управления струями повышали и понижали давление, прогнозируя, куда он хотел направить струю и какую мощность использовать; интерактивные поверхности по двойному нажатию превращали все, что угодно, в зеркало, так что он мог хмуро рассматривать свою задницу и затылок; после того, как он выключил воду, циркуляторы воздуха начали приятно обдувать его теплым потоком, одновременно устрняя конденсат на всех поверхностях ванной комнаты.

– Извини, – сказала она. В ее глазах уже совсем не было слез. Он вытянул руку с использованным полотенцем и вопросительно посмотрел на Натали. Та взяла полотенце и бросила его на пол.

– Пойдем посмотрим, что там делает Стив.

– Сет.

– Да какая разница.

Сет нашел кладовку и очистил кофейный столик, аккуратно сложив все вещи на незанятый участок пола. Он освободил три стула. На столе возвышалась ваза с фруктами, чайник, кружки и круассаны, пахнущие просто восхитительно.

– Перекусим?

– Молодец, Стив! – Натали была вполне искренна.

– Обращайтесь в любое время, – Сет даже не стал ее поправлять.

Они ели в полной тишине. Губерт Итд хотел спросить о доме и о еде. О Бильяме, празднике, о том, кто был третьим человеком с бородой, о другой девушке, соучастнице преступления. Однако сон уже сковывал его тело, его веки слипались. Натали посмотрела на него и на Сета, который также готов был упасть со стула, и сказала:

– Ладно, мальчики, ложитесь на диванах. Я тоже пойду спать.

Она поднялась наверх, а Губерт Итд растянулся на наименее загроможденном диване и закрыл глаза, уткнувшись лицом в щель между диванными подушками. Прежде чем заснуть, на мгновение он увидел скрюченное тело Бильяма и явственно ощутил на своих пальцах бесформенную массу, вытекавшую из его черепа. Его пробрало от макушки до пят, сверху вниз и обратно, а потом он погрузился в успокоительный сон.

* * *

Разбудили его приглушенные голоса. Мутным взглядом он прошелся по комнате, пытаясь сориентироваться: спина Сета на противоположном диване, стена, разукрашенная детскими пальчиками. Он поднял голову, пытаясь преодолеть ударившее в затылок ощущение похмелья, и с трудом определил, откуда слышится разговор. Натали стояла в дверном проеме в дальнем конце комнаты и приглушенно спорила с кем-то через открытую дверь. Другой голос принадлежал взрослому мужчине и звучал так спокойно, словно говорил автомат. Джейкоб. Он тяжело опустил голову. Надо было вставать. Мочевой пузырь был до боли переполнен.

Так же странно и неловко, как происходило все в его жизни, одетый в чужую одежду, с диким похмельем, в чудной комнате, где странная привлекательная девушка спорила со своим

богатым отцом, он, стараясь не привлекать внимание, начал пробираться к туалету. Натали посмотрела на него с ничего не значащим выражением лица и вернулась к своему спору.

Когда Губерт Итд вернулся, вытирая руки о заднюю часть трико, Натали и ее отец сидели с каменными выражениями лиц друг напротив друга. Джейкоб сел на диван, с которого только что встал Губерт Итд, а девушка сидела на стуле. Сет спал.

Губерт прошел к кладовке: включилось мягкое внутреннее освещение, он увидел дверь с другой стороны и понял, что какие-то *слуги* наполнили ее. Он достал морковь, сельдерей и хумус, положил на поднос, а поднос поставил между двумя Редуотерами. Те смотрели друг на друга, не мигая.

– Спасибо, Губерт, – сказал Джейкоб Редуотер, сунул морковь в хумус, но есть не стал. Губерт сел рядом с ним, так как больше садиться было некуда.

Натали сказала:

– Губерт, что важнее: права человека или права собственности?

Губерт Итд поставил вопрос несколько иначе. Этот ему показался слишком некорректным.

– А права собственности являются правом человека?

Джейкоб улыбнулся и хрумкнул морковью, а Губерт Итд почувствовал, что он сказал что-то не то.

Натали была мрачнее тучи.

– Ты мне скажи. Тот завод, что мы вчера включили. Он и списанным-то стоит больше, чем стоил, когда работал. Какая-то владевшая им организация потребовала, чтобы он стоял и гнил без всякой пользы, хотя много людей нуждались в его продукции.

– Если им нужен был завод, они должны были купить завод, – сказал Джейкоб.

– Мне не кажется, что такие люди смогут купить завод, – сказал Губерт Итд, взглянув на Натали, как бы спрашивая у нее разрешения. Она нехотя кивнула.

– Для этого и предназначены фондовые рынки, – сказал Джейкоб. – Если ты планируешь зарабатывать с помощью актива, который больше никем не используется, ты составляешь бизнес-план и идешь с ним к инвесторам. Если ты прав, один из них обязательно тебя профинансирует, а может, и не один. Потом ты продаешь то, что изготовил.

– А что, если никто не профинансирует? – спросил Губерт Итд. – Я знаю сотни молодых компаний, которые начинали заниматься дирижаблями, а потом попросту закрылись, потому что не могли получить деньги, даже если и производили классные вещи.

Джейкоб глубоко вздохнул, как будто пытался растолковать сложный вопрос малому ребенку.

– Если никто не хочет финансировать, значит, твоя идея слишком плоха для финансирования или ты не тот человек, который сможет воплотить эту идею в жизнь, так как не можешь никого уговорить вложить в тебя деньги.

– А разве это не замкнутый круг? – спросила Натали. – Если ты не можешь никого убедить заплатить деньги и запустить завод, чтобы производить нужные для людей вещи, то этот завод вообще не следует запускать?

– А какое решение предлагаешь ты? «Бесплатно для всех»? Пришел, сломал двери и сказал: «Это теперь мое»?

– А почему нет, если завод больше никому не нужен?

Взгляд у отца был таким, как будто он разговаривал с несмышленным младенцем:

– Потому что он не твой.

– И что?

– Наги, ты ведь не будешь радоваться, если толпа вломится в этот дом и вынесет отсюда все твои драгоценные вещи?

Зная ее всего один день, Губерт Итд уже понял, что Натали не хотела, чтобы ее звали «Натти». Знал это и Джейкоб, просто пытался подловить свою дочь, расставляя сети. Это было нечестно.

– Мне было бы все равно, – сказал Губерт Итд. – Мне нечем похвастаться в житейском плане, а для всего, что имеет значение, есть резервные копии. То есть, если я могу найти кровать и одежду на завтра, то мне будет все равно.

– У Натти здесь, в ее гнездышке, есть гораздо больше всяких ценностей, нежели чем обычная смена белья и кровать, – ответил Джейкоб. – Натти нравятся хорошие вещи.

– Нравятся, но мне хочется, чтобы они были и у всех остальных, – казалось, что этот взгляд мог разрезать сталь.

– Ну так пускай они все это заработают, как заработала наша семья.

Натали фыркнула.

Джейкоб посмотрел на Губерта Итд:

– Ты был на той вчерашней вечеринке?

За окном-картиной смеркалось, розово-красный свет покрывал овраг, причудливо раскрашивая рябь реки.

– Был.

– Как ты воспринимаешь взлом частной собственности и кражу того, что там лежит?

Губерт Итд пожалел, что не притворился спящим. Он был абсолютно уверен, что Сет лежал сейчас и делал вид, что спит.

– Никто ведь не использовал этот завод, – он посмотрел на Натали. – Водородные ячейки были наполнены, поэтому ветряные генераторы крутились вхолостую. Сырье практически ничего не стоило.

Натали сказала:

– В чем смысл частной собственности, если она попросту сгниет?

– Ой, я тебя умоляю! Частная собственность – самая эффективная собственность. И временная потеря производительности ничего не меняет. Только всякие психи и недалекая шпана думают, что кража чужой собственности – это разновидность политической деятельности.

– Только клептократы используют терминологию «временная потеря производительности», описывая такие расточительные извращения, как тот завод «Муджи».

– Очень легко говорить о клептократах, когда папочка позвонил кому-надо, чтобы убрать полицейских подальше от твоей ленивой задницы. Натти, они арестовали сегодня очень многих, но не тебя вместе с твоими друзьями.

– Не выдавай за щедрость свой политический позор. Дай им меня запереть.

– Может, и дам. Два года тяжелой работы в тюрьме заставят тебя оценить то, что ты имела.

Она посмотрела на Губерта Итд:

– Он пугает меня отправкой в тюрьму с десяти лет. Раньше пугал страшными местами на частных островах, пока их все не закрыли за «коррекционные изнасилования». Теперь пришла очередь тюрем для совершеннолетних. А в конце концов, папа, почему бы нет? Ты один из крупнейших акционеров во всех этих тюрьмах, они сделают тебе скидку. Я, можно сказать, тесно познакомлюсь с семейным бизнесом – так сказать, взгляд изнутри.

Джейкоб демонстративно рассмеялся.

– Как будто я доверю тебе руководить чем-либо! Бизнес – это меритократия, дитя мое. Ты считаешь, что получишь какое-нибудь теплое местечко, потому что ты мой ребенок...

– Я ничего не считаю, тем более что никаких «рабочих мест» не осталось. Только финансовая инженерия и политика. И я полный ноль в обеих областях. Более того, я не могу даже спокойно выговорить слово «меритократия».

Губерт Итд заметил, что она попала точно в цель. Это ободрило его:

– Согласитесь, это корыстный взгляд с каких-то заоблачных высот, где, замкнутые в порочном круге, сидят нескольких человек. «Мы лучшие из известных нам людей, мы на вершине мира, поэтому у нас тут такая меритократия. Откуда мы знаем, что мы лучшие? Потому что мы наверху. Что и требовалось доказать». Самое примечательное в меритократии – то, что множество выдающихся отраслевых лидеров не замечает одного: она слеплена из настолько радиоактивно очевидного дерьма, которое разглядит даже слепой. – Он мельком взглянул на Натали. Та одобрительно кивнула, и это придало ему дополнительные силы.

Джейкоб выглядел очень разозленным. Отстраненно Губерт Итд подумал: как такой всемогущий человек смог оказаться настолько ранимым? Джейкоб встал и посмотрел на них.

– Болтать легко, но, насколько мне не изменяет память, вы двое не сделали чего-нибудь значимого для других и полагались только на «дерьмо», которое не дало вам оказаться за решеткой.

– Вот, опять ты про тюрьму! Наверное, тюрьма – это единственный способ победить в споре, если ничего больше придумать не удастся.

– Это традиционный способ, – сказал Сет, отрывая лицо от подушек. – Испанская инквизиция. СССР. Саудовская Аравия. Гуантанамо.

Джейкоб вышел, с чувством собственного достоинства закрыв межкомнатную дверь. Он даже не хлопнул ей, но смог показать свою раздраженность. Губерт Итд чувствовал себя победителем.

– Какая-то шумная здесь гостиница, – Сет перевернулся на спину, потянулся так, что оголился его волосатый живот, ставший более рыхлым с тех пор, как Губерт Итд лицезрел его в прошлый раз.

– Однако обслуживание номеров на высоте, – заметил Губерт Итд, – а по ценам вообще конкурентов не найти.

Сет сел.

– Это что, твой папа?

– Я понимаю, что ненависть к предкам – жуткий штамп, когда тебе исполнилось двадцать, но он такой козел, – сказала Натали. – Он реально верит в эту меритократию. Вот на полном серьезе верит. Ему остался один шаг до того, чтобы заявить о том, что в его венах течет королевская кровь.

– Вот чего я никогда не понимал, – сказал Губерт Итд, – так это как человек может настолько заблуждаться и владеть при этом половиной планеты? Я еще могу понять, насколько полезны могут быть заблуждения, когда ты командуешь людьми и обдираешь всех подряд, но ведь это рано или поздно дает сбой? На дворе все еще капитализм. Если твой конкурент привлекает кого-нибудь, не обремененного такими заблуждениями, он же просто тебя обанкротит!

Натали сказала:

– Можно быть умным в разных областях. Такие люди, как папа, полагают, что если они умны и знают, как быть злыми уродами, то они умны во всем и всегда...

– А так как они умны во всем и всегда, – подхватил Сет, – то нет ничего страшного в том, чтобы быть злыми уродами?

– Именно так, – сказала она, – поэтому такие люди, как мой отец, точно знают, как вынести твою компанию с помощью «умных людей», чтобы ее объявили незаконной, чтобы можно было завладеть всеми ее наработками, или же просто купить ее, извлечь максимальную финансовую выгоду, с толком использовать ее, чтобы в конце от нее не осталось ничего, кроме экзотических вторичных ценных бумаг и налоговых субсидий. Но ведь и этого ему недостаточно! Он *хочет* считать, что он в числе одного процента от одного процента от одного процента тех, кто наверху, потому что обладает всевозможными талантами и добродетелями, а не потому что система в корне порочна. Вся его самоидентификация основана на той идее, что система

полностью легитимна и он получил свое место в ней благодаря своим трудам и заслугам, а все остальные – просто нытики.

– Если они не хотели жить в бедности, то должны были использовать смекалку, чтобы родиться в богатстве, – сказал Сет.

– Без обид, – добавил Губерт Итд.

– Все в порядке, – она порылась в груди одежды и вытащила свободный вязаный кардиган цвета баклажана, на рукаве которого висели скрученные трусики. Она раскрутила их над головой и запустила в сторону лестницы. – Я знаю, что моя семья богаче Скруджа МакДака⁴, но я не притворяюсь и не говорю, будто причиной тому служило что-либо, кроме удачи в далеком прошлом, а также незаконные доходы, коррупция и непорядочность, что позволило увеличить прибыль от этой былой удачи и построить себе такое место, как это, и еще десятки других.

– А что насчет прошлой ночи? – спросил Губерт Итд, ободренный ее откровенностью, – Что насчет того праздника и всего остального?

– А что насчет нее? – игриво и вызывающе сказала она.

– Что насчет организации коммунистического праздника, когда ты богаче, чем Скрудж МакДак?

– А почему бы и нет?

– Я не говорю, что ты должна...

– Но я могу себе это позволить. Тут надо помнить, что дело не заканчивается тем, что, мол, «каждому по потребностям». Дальше еще идет «от каждого по возможностям». Я знаю, как искать заводы, которые идеально подходят для прямых, решительных действий. Я знаю, как проникнуть на них. Я знаю, как запустить станки и линии обработки. Я знаю, как организовать такой праздник, чтобы земля закачалась! У меня есть эта незаслуженная, незаработанная привилегия. Помимо того, чтобы убить себя как врага человеческого рода, можешь ли ты придумать для меня более подходящее занятие?

– Ты могла бы отдать деньги...

Он почувствовал, как индевет от ее взгляда.

– Ты разве еще не понял? Раздача денег ничего не решает. Просить сверхбогачей, которых мы называем зоттами⁵, искупать свои грехи путем раздачи денег направо и налево, это значило бы признать, что они все это заслужили и вправе сами решать, кто должен получать подачки, а кто нет. Это как обманывать себя и всех, что ты можешь стать богатым, не будучи бандитом. Если дать им право решать, кто должен получить деньги, это словно объявить планету гигантской корпорацией, которой должны править крупнейшие акционеры. Это означает сказать, что правительство всего лишь посредник, который нанимается и увольняется по манию директоров.

– Кроме того, если ты веришь во все это, совершенно не нужно раздавать свои деньги, – сказал Сет.

Она не разозлилась.

– Зачем нам вообще нужны деньги? Пока вы продолжаете притворяться, что деньги – это все, что угодно, кроме общепринятой галлюцинации, в которую нас погрузила правящая элита, чтобы убедить вас в том, что в этой жизни необходимо копить только все самое лучшее, вы никогда не сможете что-либо изменить. Стив, проблема не в том, что люди неправильно тратят деньги, и не в том, что деньги сосредоточены в руках не тех людей. Проблема в *самих* деньгах. Деньги работают только в том случае, если оборот всего остального недостаточен, если

⁴ Персонаж серии мультфильмов компании «Дисней», известный своим огромным состоянием и страстью к накоплению богатств.

⁵ Зотта – вымышленное название, однако это слово было предложено в качестве приставки СИ для обозначения 10^{25} (ср. созвучной приставкой «зетта», обозначающей 10^{21}).

тебя убедили, что дефицитные вещи более-менее справедливо распределены, но это все тот же аргумент узкого круга меритократов, который Итакдалее так удачно разбил в споре с моим отцом: рынки – это самый справедливый способ решить, кто что должен получить, и именно рынки привели к текущему ужасному распределению благосостояния, поэтому текущее ужасное распределение благосостояния и является лучшим решением этой серьезной проблемы.

– Каждый раз, когда кто-то говорит, что деньги – это ничего не значащее дерьмо, я хочу проверить, сколько у него денег. Без обид, Натти, но говорить о том, что деньги – это ничего не значащее дерьмо, гораздо проще, когда они у тебя есть.

Сет присел и начал с усердием тереть свои ноги. Засохшая грязь комьями слетала с его джинсов.

Она фыркнула:

– Это все, что ты можешь сказать? «Социалист с шампанским»? Думаешь, что если я родилась в семье, где много денег – просто *много* денег, больше денег, чем ты когда-либо мог себе приставить, – это не дает мне права сформировать собственное мнение?

Сет сходил в кладовку и вытащил продукты: свежие фрукты, регидрационный напиток на основе маточного молочка, пицца в коробке «Пицца, готовая к употреблению»⁶, язычок которой он тут же вытянул и подготовил к открытию. Повисло неловкое молчание. Губерт Итд уже хотел что-то сказать, но Сет опередил его:

– Я встречал много полицейских с идиотскими теориями о преступлениях и человеческой природе. У генералов явно извращенное мнение о том, насколько серьезна смерть человека. Каждый священник, раввин и имам знает много всего о невидимом, всемогущем существе, которое, похоже, всего лишь сказочный персонаж. Поэтому да, наличие больших денег, скорее всего, не дает тебе права говорить о том, что ты хоть что-то об этом знаешь. – Он открыл пиццу, уклонившись от поднимающегося пара. – Хочешь кусочек? – спросил он, когда запах чеснока, томатов, маринованной кукурузы, анчоусов и орегано наполнил воздух.

Губерт Итд ждал, когда Натали взорвется. Сет был мастером провокаций. Однако ничего не случилось.

– Есть какая-то доля правды в твоих словах. Скажем так, у нас разный взгляд на деньги. Скажи мне, Стив, ты считаешь, что сможешь тратить и перераспределять средства так, чтобы сделать этот мир лучше?

– Вообще понятия не имею.

Губерт Итд притянул к себе коробку пиццы и взял кусок. Она была неплохой для пиццы быстрого приготовления. Соус был терпким и острым, к нему можно было привыкнуть так же быстро, как к крэку⁷.

Когда он понял, что может съесть столько пиццы, сколько захочет (что, кстати, служило наглядным примером возможностей резиденции Редуотеров), он взял еще два куска.

– Я подозрительно отношусь к любым планам по устранению несправедливости, постулирующим, что первым шагом будет разрушение всей системы и замена ее на более совершенную, – особенно если ты не можешь ничего сделать до тех пор, пока этот шаг не будет принят. Из всех способов детского самообмана людей, чтобы сидеть ровнехонько и продолжать дальше ничего не делать, это самый корыстолюбивый.

– А как насчет ушельцев? – спросил Губерт Итд. – Похоже, они делают то, что действительно изменит мир. У них нет денег, они не притворяются, будто деньги что-то значат, и происходит вот это все прямо сейчас, в наше время.

Натали и Сет посмотрели на него, а он с аппетитом приканчивал уже третий кусок.

⁶ MRE, Meal Ready-to-Eat – сухой паек, принятый на снабжение Вооруженными силами США.

⁷ Дешевый кокаин с примесями.

– Они довольно-таки странные и мутные ребята, но, конечно, главное при этом, что они уничтожают наш мир, каким мы его знаем, и строят на его месте новый, – добавил он.

– Он же шутит, правда? – спросила Натали.

– Совершенно без понятия, – сказал Сет. – Он вообще странный. Итак далее, ты же шутишь?

Губерту Итд стало приятно, что он сумел оказаться в центре внимания.

– Я говорю совершенно серьезно. Послушайте, я тоже в курсе всех этих историй. Не знаю, насколько они правдивы, но если вы на полном серьезе говорите о вещах типа «давайте изменим наш мир», то вы не можете не обращать внимания на несколько миллионов чокнутых, которые поставили перед собой именно такую цель. Вы не можете игнорировать их только потому, что вам не нравится их стиль жизни. Мы же, к примеру, не говорим, что самоподогревающаяся пицца является неотъемлемым общественным институтом, которым мы как вид наслаждались в течение тысячелетий.

– Что ты предлагаешь?

– Я, как бы, ничего не предлагаю. Однако если бы вы захотели, то могли получить всю нужную информацию о том, как стать ушельцем, буквально за десять минут, а уже завтра могли бы двинуться в путь и жить так, словно это первые дни лучшей нации⁸, ну или более чокнутого мироустройства.

Натали долго смотрела на темнеющее закатное небо.

– Бильям постоянно шутил об ушельцах. Всегда находилась какая-нибудь пара ушельцев, которая приходила на коммунистические праздники и что-нибудь совершенствовала то здесь, то там. Игнорировали нас, не смотрели в глаза, но после них все работало гораздо лучше. Бильям сказал, что мы все рано или поздно станем ушельцами.

– Он был твоим лучшим другом, да? – Губерт Итд почувствовал себя идиотом.

– Я время от времени проводила с ним время в течение последних трех лет. Он не был моим лучшим другом, но нам было весело. Да, он был хорошим человеком, хотя я видела его и настоящим, первосортным уродом.

Сет удивил Губерта Итд, сказав:

– Это не очень-то вежливо.

Она раздраженно выдохнула:

– Ерунда. У меня нулевая терпимость к тем, кто говорит: «О мертвых либо хорошо, либо ничего». Бильям был на шестьдесят процентов хорошим парнем, а на сорок процентов полным уродом. Это ставит его где-то посередине графика нормального распределения всего человечества. Он ненавидел всяческое дерьмо с той пылкостью, которую можно встретить, наверное, только на солнце. Он был моим другом, не вашим.

Губерт Итд почувствовал, как на глазах наворачиваются слезы, и совершенно не понимал, почему. Он ушел в туалет, сел на крышку унитаза, посидел с закрытыми глазами, потом уставился в зеркальную поверхность, дав показать себя в анфас и профиль, а также сверху. Он выглядел совсем плохо. Однако, поразмыслив немного, понял, что нет, выглядел он вполне обычно, таким же, как миллиарды других людей, ничем не лучше и ничем не хуже остальных. Он подумал о том, как Натали говорила о графике нормального распределения, и решил, что он сам пребывает в пределах одного или двух стандартных отклонений по каждой оси.

Он умылся холодной водой, затем вышел, ведя мокрой рукой по изрисованной детскими пальчиками стене. Натали и Сет смотрели на него то ли виновато, то ли с тревогой.

– У тебя все хорошо, дружище? – сказал Сет.

⁸ «Первые дни лучшей нации» – фраза, постоянно повторяющаяся в книге, является видоизмененной фразой «Работай так, как будто живешь в первые дни лучшей нации», приписываемой шотландскому писателю Аласдеру Грею, хотя сам автор говорил, что она принадлежит английскому певцу Дэннису Ли. Это выражение выгравировано на стене Шотландского парламента.

– Натали, – сказал Губерт, – я не думаю, что среднестатистический человек на шестьдесят процентов хороший, а на сорок процентов урод. Я считаю, что среднестатистический человек иногда пытается убедить себя, что он является центром мира, и значит, ничего не будет плохого в том, что он сделает другому человеку то, что он не хочет, чтобы сделали ему самому, но, конечно, он не будет слишком усердно над этим размышлять, вроде как я сейчас.

– А, ну ладно, – хмыкнула Натали.

– И еще я считаю, что вся трагедия существования человечества в том, что миром правят те люди, которые очень хорошо научились себя обманывать, такие, как твой отец. Он обманывает себя, убеждая, что он богатый и властный, так как он принадлежит сливкам общества. Но он не дурак. Он *знает*, что обманывает себя. Поэтому под верхним толстым слоем дерьма лежит другая, более осознанная система убеждений: твердая уверенность, что все остальные будут обманывать себя точно так же, как он, если им предоставится такая возможность.

– Все верно, – ответила она. – Его убеждения не возникли на основе идеи, что в самообмане нет ничего страшного, ведь ты такая вся из себя особенная снежинка, которой полагается больше плюшек, чем остальным детям. В основе лежит идея, что самообман – это *человеческая природа* и что если он не возьмет последнюю плюшку, то ее заберет кто-то другой, поэтому лучше быть самым-пресамым самообманывающимся и резвым собирателем плюшек, а иначе кто-то более ужасный, аморальный и жадный прибежит к тарелке быстрее, съест все плюшки и пойдет с пустой тарелкой по кругу, взимая плату с тех, кто хочет выпить молоко.

Сет сказал:

– Здесь стоит упомянуть трагедию общин.

Натали подняла руки вверх:

– Знаешь, я слышала термин «трагедия общин» уже, наверное, тысячу раз, но никогда не пыталась узнать, что это значит. Итак... Что это значит? Что-то связанное с трагической жизнью бедных людей?

– Община – это не простонародье, – сказал Губерт. Он чувствовал, как в нем что-то проснулось и обрело силу. Он хотел сбросить пиццу с кофейного столика и использовать его как трибуну. – Общины. Общая земля, которая никому не принадлежит. В деревнях были общинные поля, куда каждый мог пригнать свой скот на ежедневный выпас. Трагичность здесь в том, что, если эта земля ничья, кто-то может пригнать сюда стадо овец, которое в конце концов оставит здесь лишь пыль да грязь. Все знают, что такой ублюдок рано или поздно придет, поэтому лучше уж *самому* стать таким ублюдком. Лучше, чтобы овцы такого славного парня, как ты, были сыты, чем овцы вон того эгоистичного придурка.

– Фигня какая-то.

– Да, действительно, – сказал Губерт Итд. Что-то двигалось у него внутри, так что в паху и щекам стало щекотно. – Это не просто фигня! Это прожигающая насквозь, злобная, переворачивающая устои мира фигня. Решением трагедии общин не является привлечение полицейского, который будет следить за тем, чтобы социопаты не выпасывали свой скот чрезмерно, что сделает любого, взявшего на себя эту роль, отверженным. Решением является предоставление некогда общей земли барону-разбойнику, потому что он будет эксплуатировать эту землю с выгодой, а значит, заботиться о ней, чтобы всегда получать прибыль.

– И в этом заключается трагедия общин? Сказочка о том, что нужно отдать общественные ресурсы богатым людям, чтобы те построили личные империи, так как именно тогда управление этими ресурсами будет лучше по сравнению с простым принятием свода правил всем народом? Боже, папа будет просто *без ума* от этой истории.

– Это реальная история происхождения таких людей, как твой отец, – сказал Губерт Итд. – Это очевидная фигня для всех тех, чья прекрасная жизнь не зависит от того, чтобы это оставалось неочевидным для всех остальных.

– Ты слышишь, папа? – сказала она, оглядывая комнату. – Очевидно для всех тех, чья прекрасная жизнь не зависит от того, чтобы это оставалось неочевидным для всех остальных, ты, самообманывающийся, социопатический придурок!

– Он что, тебя подслушивает? – сказал Сет.

– В домашней сети у меня есть индивидуальный фильтр конфиденциальности. Но, конечно, постоянно работают поворотные камеры, так что, если меня похитят или убьют, он сможет посмотреть, кто это сделал. Конечно, это все ерунда, и он всегда мог снять блокировки. Он научился этому у меня, когда просматривал журналы аудита и обнаружил, что я могу снимать блокировки. Теперь он выставил все блокировки, но я точно уверена, что иногда он просматривает мои записи. – Натали смотрела куда-то перед собой: – Да, папочка, я знаю, что ты все слышишь. Как это убого.

Губерт Итд вспомнил, как хмурился на свое отражение в ванной, и подумал, нет ли где-то долгосрочной архивной копии этой записи. Он знал многих людей, у которых прослушивались дома, однако как можно было жить, зная, что за тобой постоянно наблюдают? Когда твоя инфографика⁹ говорит, что все недочеты в твоей системе исправлены, лучше ей доверять. Именно поэтому возникла такая паника из-за уязвимостей безопасности «нулевого дня»: внезапное осознание того, что все может быть автоматически взломано случайным злоумышленником или каким-нибудь уродом, использовавшим алгоритм определения рисунка кожи, чтобы поймать тебя за мастурбацией, ключевые слова для пометки тех твоих разговоров, о которых и не хотелось бы вспоминать, – да, в конце концов твои биометрические данные для атаки на твои финансовые счета и социальные сети!

Жить, зная, что мерзкие типы вторглись в твой личный периметр, было *мерзко*. Из всех странных вещей, связанных с жизнью зотт, это было самым странным. Видимо, до поры до времени.

– Извини, – сказал Губерт Итд. – Просто пытаюсь совладать с этой информацией. Как часто он наблюдает за тобой?

– Кто бы знал. Обычно, если я хочу поговорить серьезно, то ухожу куда-нибудь, – она осмотрела большую, просторную, грязную комнату. – Я здесь нечасто бываю.

Ранее Губерт Итд предположил, что это место стало свалкой, потому что Натали была богатой неряхой, которая не осознавала, насколько все хорошо в ее жизни, но теперь понял, что это был хорошо продуманный жест презрения. Это место было не ее домом, а временным пристанищем. У Губерта Итд никогда не получалось поддерживать с родителями хорошие отношения, но здесь был совершенно другой уровень.

– А что насчет твоей мамы? – спросил он. – Она знает, что отец за тобой следит?

– Конечно, – ответила она, – мама тоже нечасто сюда приезжает, она живет в часовом поясе минус восемь или минус девять часов от времени по Гринвичу.

Она в притворном ужасе запрокинула голову:

– Ох, ты, наверное, имеешь в виду какие-то сексуальные проблемы? Нет, точно уверена, что нет. Мой отец всегда посещает нужных специалистов. Он никогда не был каким-нибудь извращенцем. – Она слегка поменяла тон: – Видишь, папа? Я за тебя заступилась. Кем бы ты ни был, ты никогда не волочился за своими дочками. Bravo!

Он почувствовал, как поднимаются волосы на тыльной стороне шеи. То, что недавно ожило в нем, медленно вращалось где-то внутри.

Она посмотрела на Губерта и Сета.

– Да вы как будто призрака увидели! Не переживайте, просто не обращайтесь внимания. Это ничем не отличается от жизни во всем остальном мире, где тебя постоянно регистрируют

⁹ Графический способ подачи информации, позволяющий быстро получить сводные сведения по комплексным данным.

и записывают. Разве может быть что-нибудь хуже? Папа не будет зачищать вас, посылать наемных убийц по вашему следу после того, как мы уйдем.

– После того, как уйдем?

– Разве мы не об этом говорили? Стать ушельцем? Разве не к этому все шло: типа там принц и нищий: «Бьюсь об заклад, я надену шмотки бомжа и буду жить незаметно среди низших классов, смотрите, как круто»?

– Итакдалее, не заставляй меня становиться ушельцем, – сказал Сет.

Нечто продолжало ворочаться внутри Губерта Итд:

– Я что, собирался туда уходить?

Натали перехватила его взгляд. Ее лицо озарилось. Она была просто прекрасна. Прыщи на ее лице, россыпь веснушек, розовая склера ее глаз и подрагивающие веки. Она была преисполнена жизнью, печалью и тем чувством, которое испытала, когда поняла, что постоянные нашептывания взрослых о деньгах и работе – это все лишь внешнее отражение ее глубинного, нескончаемого ужаса. Это был страх, который терзал каждого взрослого человека. Первобытный страх перед тигром, который может ждать у выхода из пещеры.

– По мне, так именно это ты и имел в виду, – сказала она.

– Сет, – сказал он, – а что действительно мешает тебе стать ушельцем?

К его удивлению, Сет выглядел искренне расстроенным.

– Ты шутишь. Эти люди ведь реально поехавшие. Это *бездомные люди*, Губерт. – Губерт Итд обратил внимание, что приятель назвал его просто «Губертом» – четкий признак того, что они добрались до болезненной стороны его души. – Это бомжи. Они жрут отбросы...

– Ну, не совсем отбросы, – возразил Губерт Итд. – Точно так же можно сказать, что пиво, которое мы вчера пили, было мочой. Назови объективную причину. Верность работодателю? Перспективы успешной и насыщенной жизни?

Как и Губерт Итд, Сет нигде не работал дольше шести месяцев, при этом первый месяц «стажировка», никогда не оплачивался. Ни у кого из них уже многие месяцы не было нормальной работы.

– Как насчет страха перед тюрьмой?

– Страх, да? Вчера ты притащил меня на незаконную гулянку. Это скорее приведет нас за решетку, чем любые наши занятия на брошенных территориях...

– Территориях? Включи мозги, наконец, мы сгинем там в первый же месяц.

– Это же поверхность луны! Это места, куда никто не захочет сунуть нос и начать арестовывать население за бродяжничество.

– Конечно, никто их не арестовывает, а сразу сжигает за самовольно-поселенческий терроризм, – кричал Сет. – И потом, там всегда идет стрельба по своим. Это долбаная яма для гладиаторских боев с участием отбросов человечества.

– А в чем-то он прав, – сказала Натали. – Нам следует вооружиться, если мы все-таки пойдем. У папы в убежище полно хитроумных игрушек, есть штуки, которые остаются незамеченными в миллиметровых волнах. Если мы возьмем с собой достаточно материальных средств, то станем королями пустошей! Может все обернуться достаточно весело.

Губерт Итд недоуменно отпрянул:

– Вы что, никогда не видели ушельцев? Они же практически монахи дзен-буддизма. Они не поливают своих врагов из резиновых АК-3DP. Вы пересмотрели дешевых фильмов.

– Я видела ушельцев – тех, что посещали наши праздники Освобождения, но кто знает, как они ведут себя в естественной среде обитания? Не надо быть наивными. Только полностью больной на голову решит, что может прийти в Мордор со стопками вкуснейших пицц с маркировкой «Пицца, готовая к употреблению», и его там встретят как духовного брата.

Губерт Итд расстроился ничуть не меньше, чем Сет.

– Вот вы двое когда-нибудь кого-нибудь убивали? Вы готовы это сделать? Готовы нацелить оружие на другого человека и пристрелить его?

Натали пожала плечами.

– Если встанет вопрос: или он, или я, – то, конечно, готова.

Сет кивнул.

– Вы оба просто несете полную ахинею, – в сердцах добавил Губерт.

Он и Сет уставились друг на друга. Натали была весела, как никогда.

Противостояние могло бы продолжиться, если бы Губерт Итд не посмотрел «Часто задаваемые вопросы». Они вкратце поспорили, какой из анонимайзеров¹⁰ следует использовать: с точки зрения Натали и ее сверстников все те прокси-серверы¹¹, которыми пользовались Губерт и Сет, считались провокационными оперативными разработками для сбора данных о диссидентах. А Натали, в свою очередь, нравился анонимайзер, который Сет и Губерт Итд считали лженаучной вуду-магией, используемой исключительно для самообольщения. Однако оказалось, что обе системы можно было соединить последовательно, поэтому они, неохотно придя к согласию, все настроили и начали искать информацию.

Было столько же «Часто задаваемых вопросов»¹², сколько самих ушельцев. Побуждение уйти из этого мира было связано с потребностью писать мемуары, как Генри Торо¹³, о социальной неудовлетворенности и профессиональных навыках, необходимых, если ты ведешь жизнь без всех удобств в эпоху полной информационной осведомленности. В этих документах приводились сводки для тех, кто не читает длинные тексты, руководствуясь принципом «слишком много букаф»; в сводках приводились видеоролики, ссылки в Даркнет¹⁴, шейп-файлы¹⁵ и формулы аквараспылителя для изготовления собственных энзимов и ГМО в пограничной зоне. Некоторые из этих материалов были настолько невероятно крутыми, что за них читающего можно было сразу вносить в списки обязательного наблюдения, и ему пришлось бы продирааться через целое облако дронов, чтобы просто сходить в ближайший магазин за молоком.

Но про оружие не говорилось ни слова.

Губерт Итд заострил на этом внимание Натали и Сета, пытаясь не быть чересчур самодовольным.

Сет сказал:

– Конечно, никто не упоминает о пушках там, где опасную информацию могут прочесть всякие уроды. Нужно искать глубоко в Даркнете.

– Ты хочешь сказать, что раз мы ничего не можем найти про оружие, это доказывает, что они всю используют оружие, потому что если бы у них было оружие, то о нем бы никто не говорил? – у Губерта Итд был хороший опыт побед в спорах с Сетом. Он с наслаждением заметил, что Натали согласилась и, похоже, была восхищена.

Сет, не сдержавшись, бросил на него злобный взгляд:

– Хорошо. Идем без оружия.

И тут Губерт Итд понял, что это вовсе не было мысленным экспериментом: на каком-то этапе чтения «Часто задаваемых вопросов» и просмотра видео они перестали играть в игру

¹⁰ Анонимайзер – интернет-служба, позволяющая обращаться к веб-страницам и прочим интернет-ресурсам, скрывая исходный адрес пользователя, то есть делая его обращение «анонимным».

¹¹ Прокси-сервер – промежуточный сервер, который позволяет делать косвенные запросы к интернет-ресурсам. Анонимайзер является разновидностью прокси-сервера.

¹² Часто задаваемые вопросы, ЧАВО, FAQ, Вопросы и ответы – способ оформления справочной информации в виде вопроса и ответа на него.

¹³ Американский писатель, мыслитель, натуралист, общественный деятель, abolitionист, предшественник зеленого анархизма.

¹⁴ Темный Интернет, построенный на принципе полной анонимности, вследствие чего стал использоваться для различного рода преступной деятельности.

¹⁵ Векторный формат географических файлов.

«давайте притворимся, что мы уйдем» и начали всё серьезно планировать. Он уже собрал несколько экранов заметок и выгрузил в кэш¹⁶ объемные материалы.

– Мы серьезно собираемся уйти? Seriously, на самом деле?

Натали демонстративно окидывала взглядом комнату. Губерт Итд думал о вечеринках, о праздном времяпровождении, которыми отличалась здешняя жизнь, о странных детях зотт, многие годы игравшими в любимые ими декадентские игры. Он думал о камерах, на которые с разных углов записывалось их спонтанное совещание по планированию, а затем скидывалось в долгосрочный архив.

– Да, – прошептал он и грязно выругался. – Давайте уйдем!

¹⁶ Кэш – краткосрочное хранение информации на случай, если она передается быстрее, чем потребляется, или если ее используют большое количество пользователей. Кэширование – размещение информации в кэш.

2

Встречаемся в таверне

[I]

По воскресным дням в «Бандаже и Брекетах» было больше всего работы, а за право получения лучшей работы жителям всегда приходилось бороться. Первый, кто входил в дверь, включал свет и проверял инфографику. Ее было достаточно легко читать, так что разобраться могли даже зеленые салаги. Но Лимпопо не была салагой. У нее было больше фиксаций¹⁷ в прошивку¹⁸ «Бандажа и Брекетов», чем у кого-либо еще, как минимум на порядок больше, чем у всех остальных. Технически считать свои фиксации было дурным вкусом, а уж тем более соревноваться с остальными. В экономику дарения нужно вкладываться без подсчета своих заслуг, потому что подсчет заслуг подразумевает ожидание вознаграждения. Если ты ожидаешь вознаграждения, то твои действия больше похожи на вложение, чем на подарок.

Теоретически Лимпопо была с этим согласна. На практике же подсчет заслуг был настолько простым, а таблица лидеров настолько удовлетворительной, что она просто не могла удержаться от этого, однако не считала свою победу какой-то привилегией. Вернее, почти никогда этим не гордилась. Однако в это воскресенье, войдя в дверь «Бандажа и Брекетов» первой и стоя в одиночестве посреди большой общей комнаты, где в ряд были выстроены столы и стулья, рассматривая номинальные значения на инфографике, она гордилась собой. Она похлопала по стене жестом собственника, что было уж совсем неприемлемо и порочно. В свое время она помогала строить «Бандаж и Брекеты», проводя долгое время на пустошах в поисках деталей и компонентов, которые отправленные вперед дроны определяли, как приемлемые для строительства. Именно во время этого проекта она и решила стать ушельцем. Это решение полностью овладело ею во время осмотра пустошей. Она поставила на землю свой рюкзак, выбросила из карманов все, что могло привлечь воров и грабителей, положила в рюкзак запасные трусы и ушла на Ниагарское нагорье, незаметно перейдя ту невидимую линию, которая отделяет цивилизацию от не принадлежащих никому земель. Ушла из существующего мира в лучший, тот, каким он мог бы стать.

База исходного кода, разработанная Верховной комиссией ООН по делам беженцев, *много* раз использовалась в полевых условиях. Необходимо было задать нужный тип здания, указать радиус территории для сбора ресурсов и направить дронов для инвентаризации окрестностей. Выполнялось сканирование по нескольким полосам частот, проводились глубокие запросы в базах данных исходного кода по планированию и строительству, чтобы найти подходящие блоки для требуемых строений или конструкций. Составлялась инвентаризация найденных предметов, после чего беженцы или работники гуманитарной помощи (или, в самых постыдных случаях, нелегально вывезенные дети-рабы) разбредались по окрестностям, чтобы достать те компоненты, которые позволили бы возвести здание.

Так появлялся строительный участок. Здание отслеживало и определяло компоновку элементов, постоянно корректируя основные этапы плана строительства с учетом навыков рабо-

¹⁷ Термин в программировании, означающий внесение нового или исправления существующего кода в программном проекте.

¹⁸ Прошивка, или микропрограмма, – программный код, зашитый в ПЗУ и отвечающий за работу устройства. В данном случае под устройствами подразумеваются целые здания и производственные системы.

чих или роботов. Для людей это могло походить на какую-то магию или быть своеобразным ритуальным унижением. Ведь если ты устанавливал что-либо не так, система пыталась найти способ обойти твою глупую ошибку. Если ей это не удавалось, система подавала все более интенсивные тактильные сигналы. Если ты их игнорировал, в дело вступали оптические и даже звуковые предупреждения. Если ты уклонялся и от них, система оповещала других работников о неправильно установленном элементе и давала инструкции по исправлению возникших неисправностей. Такое поведение прошло много А/Б тестирований (все было в открытой базе исходного кода, и модульное тестирование было открыто для всеобщей оценки), и самой успешной стратегией исправления людских ошибок, которую нашли для себя здания, – это делать вид, что людей просто не существовало.

Если вы устанавливали металлоконструкцию таким образом, что здание совершенно не могло ее ни к чему приспособить, и игнорировали целый хор предупреждений, другой работник получал уведомление о единице «неправильно выровненного» материала и получал назначение на исправление ошибки с самым высоким приоритетом. Эту же ошибку здания выдавали, если что-то шло не так. При появлении такой ошибки совершенно не подразумевалось, что человек напортачил вследствие злого умысла или своей некомпетентности. Изначально предполагалось, что, если за ошибку никто не несет ответственность, – это будет лучше сказываться на социальных отношениях. Люди совершали гораздо больше ошибок, особенно в том случае, если их ставили в неловкое положение на глазах у коллег. Те альтернативные версии, где использовался метод прилюдного позора, показали, что попытки виновных в нарушении планов рабочих пылко отрицать свою виновность были самым серьезным препятствием на пути строительства здания.

Поэтому, если ты серьезно напортачил, вскоре появлялся кто-то на механоиде или автопогрузчике, или же просто с отверткой в руке и полученным заданием на проведение работ для устранения тех неуклюжих наработок, которые ты с усердием пытался встроить в систему. Ты мог притвориться, что делаешь ту же работу, что и пришедший на выручку новичок, как будто являясь частью решения проблемы, а не ее причиной. Это позволяло не ударить лицом в грязь, поэтому впоследствии не нужно было убеждать всех, что ты-то все делал правильно, а неправильными были инструкции, предоставленные зданием (как, впрочем, и все остальное в этом мире).

Реальность была настолько по-вкусу более странной, что Лимпопо это безумно нравилось. Выходило так, что если тебя направляли на устранение каких-либо неполадок и ты находил конкретного человека, ответственного за все эти неполадки, то с полной уверенностью мог сказать, что металлоконструкция была смещена на три градуса не из-за относительного скольжения, а из-за того, что напортачил какой-то засранец. Более того, этот засранец понимал: ты знаешь, что во всем был виноват именно он. Однако тот факт, что в квитанции было написано «СРОЧНО ИСПРАВИТЬ СТРУКТУРНЫЙ БЛОК-3 НА 120 °СЕВЕРО-СЕВЕРО-ВОСТОК», а не «СРОЧНО ИСПРАВИТЬ СТРУКТУРНЫЙ БЛОК-3 НА 120 °СЕВЕРО-СЕВЕРО-ВОСТОК, ПОТОМУ ЧТО КАКОЙ-ТО ЗАСРАНЕЦ НЕ МОЖЕТ ВЫПОЛНИТЬ ИНСТРУКЦИИ», делало эти взаимоотношения похожими на манерное представление в театре кабуки, где нужно было постоянно говорить в страдательном залоге: «Балка была смещена» вместо «Ты напортачил с балкой».

Эти условности, которым некоторые исследователи дали название «Сетевой социальной невнимательности», но все остальные называли эффектом «Как это вообще здесь оказалось?», стали серьезным сдвигом в инициативе по строительству распределенных убежищ Верховной комиссии ООН по делам беженцев. До сих пор вся эта хрень сводилась к игровой форме и велись таблицы лидеров по самым идеально выполненным монтажным работам и по самым успешным собирателям отходов. Тестовые сборки сопровождалась разгневанными стычками

и драками. Но даже это было плюсом, ведь каждая сборка¹⁹ в этом случае разбивалась на две или три подгруппы, и все они приводили к строительству обособленного здания. Три по цене одного! Неизбежно эти отколовшиеся проекты становились менее амбициозными, нежели чем подразумевалось изначально планом.

Ранние объекты отличались характерным видом: обычно строились широкие, плоские, низкие здания с тремя этажами вместо запланированных десяти, так как половина рабочих просто ушли. Через сто метров – еще три здания, каждое в два раза меньше оригинала, являющиеся разветвленными и повторно разветвленными проектами зданий, явно построенными специально мстительными раскольниками. На некоторых объектах выстраивались спирали Фибоначчи, состоявшие из становившихся все меньше и меньше проектных разветвлений, что заканчивалось апофеозом враждебности – детским игровым домиком.

Здания давно вышли за пределы репозитория²⁰ Управления верховного комиссара ООН по правам беженцев (УВКБ), ориентированного на ушельцев, и мутировали в бесчисленные разновидности комплексов, выходящих за пределы пантеона больница/школа/жилье для беженцев. «Бандаж и Брекеты» были первой попыткой строительства таверны. Схемы ресторанных кухонь ненамного отличались от лагерных кухонь, а просторные места общего пользования были довольно просты для проектирования, однако сам дух этого места имел качественно новое значение: тысячи исправлений и доработок просто не позволили бы сказать при входе сюда: «Это похоже на жилье для беженцев, переделанное в ресторан». Но «Бандаж и Брекеты» никто бы и не принял за обычный ресторан. Их основным достоинством было проекционное освещение, которое позволяло раскрашивать внутренние поверхности и интерьер в едва уловимые красно-зеленые тона, которые показывали жителям, на какую неисправность следует обратить особое внимание. Это соответствовало плану УВКБ, но, опять же, имелась большая разница между раздачей пайковых пицц беженцам, спасающимся от последствий изменения климата, и сервировкой изысканных коктейлей с сухим льдом, сделанных из порошкового алкоголя посредством иммерсионной печати. Ни один лагерь для беженцев не производил у себя столько зонтиков для коктейлей и соломинок идеальной формы.

В среднем за день «Бандаж и Брекеты» обслуживали несколько сотен людей. По воскресеньям – более пяти сотен. Приток салаг сделал это место излюбленным для тех, кто искал таланты, половых партнеров, поделщиков, товарищей по играм и, несомненно, жертв. Лимпопо первой вошла в дверь, поэтому сегодня она будет метрдотелем.

Аналитика показывала, что пиво, поставленное вчера вечером, хорошо созрело. Уровень водородных элементов составлял 45 процентов, что позволяло «Бандажу и Брекетам» работать еще две недели – подвесные двигатели на крыше функционировали в полную мощность, электролизируя сточные воды и закачивая получаемый водород в элементы. В подвале стояло пятьдесят элементов, добытых из брошенных авиалайнеров, которые в свое время обнаружили дроны. Эти самолеты давно уже не были пригодны к полету, однако в них нашлось столько материальных средств для «Бандажа и Брекетов», например, из сидений удалось сделать десятки скамей. Износостойкая обивка легко чистилась, при каждом движении тряпкой по ее защищенной от грязи поверхности проступали узоры, которые можно было сделать не такими яркими уже следующим движением.

Однако водородные элементы были самой удачной находкой. Без них «Бандаж и Брекеты» были бы совсем другими из-за постоянного дефицита электричества и отключения отдельных потребителей. Лимпопо волновало, что их могут украсть; ей едва хватало сил, чтобы не утратить самоконтроль и не установить наблюдение за всеми коммунальными узлами.

¹⁹ Термин в программировании, означающий компиляцию всего написанного кода по проекту в исполняемую программу.

²⁰ Компьютерный термин, означающий структурированное хранилище.

Состояние предварительно подготовленного пищевого сырья в кладовых отображалось зеленым цветом, однако она не поленилась лично понюхать сырные культуры и потрогать тесто через замесочную пленку. Прекурсоры соуса вкусно пахли, мороженица тихо шумела, лениво насыщая кислородом замерзший крем. Она запросила кофий, а потом села посреди помещения общего пользования прямо под единственный поступающий извне луч света и наслаждалась вкусным, фруктовым, мускусным ароматом, наполнившим пространство.

Первая чашка горячего кофья обожгла нёбо, а ингредиенты раннего действия начали просачиваться в ее кровь через слизистую оболочку под языком. Подушечки пальцев и кожу на черепе стало покалывать, и она закрыла глаза, чтобы насладиться веществами второй волны, которые начали поступать в кровь, как только заработал желудок. Ее слух обрел исключительную остроту, упругие мышцы квадрицепсов, пресса и плеч почувствовали натяжение, как будто она танцевала, находясь при этом в совершенном покое.

Девушка сделала еще один большой глоток и закрыла глаза, а когда снова их открыла, то была уже не одна.

Перед ней стояли настолько явные салаги, что можно было принять их за актеров, присланных из отдела кадров киностудии. Более того, это были шлепперы, что можно было понять по их тяжеленным, огромного размера рюкзакам, туристическим штормовкам со множеством карманов и штанам карго, до отказа набитым всяческими вещами. Они выглядели, как перекачанные воздушные шарик. Шлепперы были невротиками, и они, как правило, через несколько недель уходили назад, оставляя после себя лишь гнетущее чувство вконец испорченных отношений со всем человечеством. Лимпопо стала ушельцем правильно, не взяв с собой ничего, кроме чистых трусов, да и то это было излишним. Она пыталась сохранять хорошее настроение, не осуждая этих троих, особенно в первые пять минут легкого головокружения от кофья. Не хотелось огрублять свое приятное опьянение.

– Добро пожаловать в «Б и Б», – закричала она чуть громче, чем хотела.

Они вздрогнули, потом оживились.

– Привет, – сказала девушка и шагнула вперед. Она была одета в красивую одежду, выкроенную по косой линии и сшитую контрастными швами. Лимпопо мгновенно захотела себе такую же. Позже она вытащит отснятые изображения девушки из архивов, разберет кройку и сделает себе копию. Ей будут завидовать все, с кем она встретится, пока этот дизайн не войдет в моду, а затем станет устаревшим. – Извините, что мы так, без приглашения, но мы слышали...

– Вы все верно слышали, – голос Лимпопо слегка понизился, но все равно звучал громко. Или действие кофья еще не подошло к концу, и она еще не могла полностью контролировать свои действия, или ей требовалось выпить гораздо больше, чтобы вообще ни о чем не беспокоиться. Она тяжело положила руку на зону наливки и поместила чашку под носик. – Открыто для всех, всегда, ежедневно и особенно по воскресеньям – это наш способ поприветствовать наших новых соседей и узнать их поближе. Меня зовут Лимпопо. Как бы вы хотели, чтобы вас называли?

Такая постановка вопроса была свойственна ушельцам – очевидное приглашение начать жизнь заново. Для ушельцев такое приветствие было верхом изысканности, и Лимпопо преднамеренно воспользовалось им, так как эти трое, как ей показалось, уж слишком изнервничались.

Тот из парней, что был ниже своего товарища, с нечесаной перекрученной бородой и уже поросшей щетиной бритой головой, вытянул руку вперед:

– Я Гизмо фон Пудльдакс. Это Зомби МакФекали, а также Итакдалее.

Остальные двое закатали глаза.

– Спасибо, «Гизмо», но лучше называть меня «Стабильные стратегии», – сказала девушка.

Другой парень, высокий, но сутулый, с свиным выражением лица и явно изможденным видом, вздохнул:

– Можете называть меня Итакдалее. Спасибо, герр фон Пудльдакс.

– Очень приятно познакомиться, – сказала Лимпопо. – Почему бы вам не поставить свои вещи и не сесть поудобнее, а я сделаю вам немного кофию, хорошо?

Троица переглянулась, потом Гизмо пожал плечами и сказал:

– Чертовски хорошо. – Он выскользнул из лямок своего рюкзака, позволив ему с грохотом упасть на пол, отчего Лимпопо просто подпрыгнула на месте. Елки-палки, *что* эти салаги тащили с собой через горы и долины? Кирпичи?

Другие также бросили свою ношу на пол. Девушка сняла ботинки и начала тереть ноги. Ее примеру последовали остальные. Лимпопо поморщилась от запаха потных ног и подумала, что надо показать этим ребятишкам, где можно поменять носки. Она нацедила три порции кофия в керамические чашки со стенками не толще листа бумаги, которые были напечатаны переплетающимися, удобными для удержания текстурными полосами. Она поместила чашки на чайные блюдца и добавила к ним небольшие морковные бисквиты и маринованную редиску, затем поставила все на поднос и отнесла на стол салагам, где прикрепила поднос к специальной док-станции. Затем она взяла свою большую кружку и приподняла ее в приветственном жесте.

– За первые дни лучшего мира, – сказала Лимпопо еще одну избитую фразу ушельцев, однако воскресный день как никогда подходил для избитых ушельских фраз.

– За первые дни, – повторил Итакдалее с искренностью, одновременно и удивлявшей, и обескураживавшей.

– Первые дни, – сказали остальные и чокнулись. Затем выпили и замолчали, ожидая первых признаков действия кофия. Девушка жмурилась, как кошка при виде канарейки, и коротко дышала, все свободнее и свободнее распрямляя плечи. Ее спутники не так демонстративно выказывали действие напитка, но их глаза прояснились. Теперь уже Лимпопо приняла оптимальную дозу, и ей захотелось принять этих салаг настолько тепло, насколько это было возможно. Ей хотелось, чтобы они почувствовали себя прекрасно и ощутили уверенность в своем будущем.

– Ребята, хотите позавтракать? Есть вафли с настоящим кленовым сиропом, яйца в любом виде, бекон, ребра цыпленка и, я почти уверена, круассаны.

– Может, чем-нибудь помочь? – спросил Итакдалее.

– Нет, ничего не нужно. Присаживайтесь и отдыхайте, «Бандаж и Брекеты» обслужат вас в лучшем виде. Позже посмотрим, сможем ли мы найти для вас работу. – Она не сказала, что, на ее взгляд, они были совсем салагами, чтобы так запросто получить право вклада в «Б и Б», о котором скромно хвастают ушельцы в радиусе пятидесяти километров. В любом случае, обо всем позаботилась кухня «Бандажа и Брекетоу». Лимпопо понадобилось некоторое время, чтобы понять, что вся пища была прикладной химией, а люди – лаборантами, подчас довольно дерьмовыми, однако после того, как Джон Хенри откололся, уведя за собой все автоматические системы, даже она согласилась, что «Б и Б» производили лучшую пищу в округе при минимальном человеческом вмешательстве. Тем более, у них имелись круассаны, и это было просто прекрасно!

Она *сама* выжала апельсины, но только потому, что любила сжимать руки, тренируя мышцы плеч и предплечий, и могла выдавить сок не хуже любой машины. В любом случае, это были синие апельсины, оптимизированные специально для выращивания в северных теплицах, а такие апельсины можно было выжать без особого труда. Она все сервировала (хотя бы в этом превосходство людей было бесспорным), затем отнесла завтрак к столу.

К тому времени, как она вышла из кухни, в помещении появились другие салаги, одному из которых требовалась медицинская помощь из-за теплового удара. Она входила в раж, а кофий был идеальным вариантом для холодного рационального мышления при одновремен-

ном выполнении нескольких задач. Пришли еще несколько местных, которые быстро все урегулировали и накормили всех остальных. Вскоре «Б и Б» вошли в тот стабильный ритм, который Лимпопо безумно любила: ее неизменно восхищал этот гул сложной адаптивной системы, где люди и программное обеспечение сосуществовали в том состоянии, которое без преувеличения можно было сравнить с *танцем*.

Меню изменялось в течение дня в зависимости от того, какое сырье приносили посетители. Лимпопо ловко перемещалась по помещению от одного красного сигнала к другому, пока все не стало зеленым. У нее практически выработалось шестое чувство на следующую красную зону, и она могла контролировать больше рабочих модулей, чем ей полагалось по должности. Если бы в тот день была составлена таблица лидеров для «Б и Б», она бы, несомненно, превзошла всех. Лимпопо притворялась насколько могла, что ее друзья не замечают ее оживленной активности. Экономика дарения не должна была становиться бухгалтерской книгой учета кармы, где твои хорошие дела выписывались бы в одном столбце, а хорошие дела, сделанные для тебя, – во втором. Сутью ушельцев была жизнь для изобилия и жизнь в изобилии, поэтому зачем было переживать, если ты вкладывал в общее дело столько же, сколько брал себе? Однако дармоеды всегда оставались дармоедами, и совершенно не перевелись еще уроды, которые брали себе все самое лучшее или губили все на свете из-за своей тупости. Люди обращали на них внимание. Уродов не приглашали на праздники. Никто не пытался вернуться назад и найти их, если вдруг они пропадали. Даже если *книги учета* не существовало, так или иначе она все же велась, и Лимпопо хотелось накопить побольше добрых пожеланий и кармы, просто на всякий случай.

Толпа стала редеть около четырех. Было достаточно скоропортящихся продуктов, чтобы «Б и Б» могли объявить празднество и организовать послеобеденный чай. Лимпопо перешла к тем областям зоны приготовления пищи, которые начинали становиться красными, где и встретила этого парня, назвавшего себя Итакдалее.

– Привет-привет, как тебе твой первый день салаги в наших блистательных «Бандаже и Брекетах»?

Он согнулся в поясе:

– Я чувствую, что меня вот-вот разорвет. Меня накормили, напоили, обкурили и дали поспать у камина. Я просто не могу больше сидеть на месте. Может, дадите мне какую работу?

– Знаешь, об этом-то как раз и не следует спрашивать.

– Да, у меня сложилось такое впечатление. Есть что-то непонятно-странное в отношении вас, то есть я хотел сказать «нас», и работы. Ты не должен желать работать, и ты не должен смотреть сверху вниз на халтурщиков, и ты не должен героизировать того, кто пашет как раб. Это должен быть такой самозарождающийся естественный гомеостаз, верно?

– Я так и знала, что повстречалась с умником. Все верно. Если спрашиваешь кого-то, можешь ли ты чем-то помочь, это значит, что ты признаешь его начальником и подчиняешься его требованиям. А это запрещено. Если хочешь работать, делай что-нибудь. Если это не будет приносить пользу, может, я верну все как было и проведу с тобой беседу или просто не обращаю внимания. Это пассивная агрессивность, но так живут ушельцы. Мы ведь все равно никуда не спешим.

Он обдумывал это некоторое время.

– А вообще, оно действительно есть? Оно есть, это *изобилие*? Если все жители Земли завтра станут ушельцами, хватит ли для них ресурсов?

– По определению, – ответила она. – Потому что «достаточно» определяется тобой самим. Может, тебе хочется завести тридцать детей. «Достаточно» для тебя – это более чем «достаточно» для меня. Может, ты хочешь получать нужные калории очень специфическим способом. Может, ты хочешь жить в конкретном месте, где также хотят жить тысячи других

людей. В зависимости от того, как ты на это смотришь, тебе никогда не будет ничего «достаточно» или же ты всегда будешь жить в изобилии.

Пока они болтали, трое других ушельцев подготовили чай, вручную выпекли ячменный хлеб и сделали изысканные бутерброды, а затем расставили горячие чайники и другие блюда на подносы. Она осознанно давила в себе беспокойство из-за того, что кто-то другой выполнял «ее» работу. Если дело было сделано, то какое это имело значение? Если вообще что-либо имело значение. Нет, конечно же имело, но вряд ли во всемирных масштабах. Она поняла, что зациклилась на ерунде.

– Ну вот все и готово, – сказала она, качнув головой в сторону людей, несущих подносы. – Давайте поедим.

– Мне кажется, я не могу больше, – он похлопал себя по животу. – Ребята, вам тут следует установить vomitorium, как помещение у древних римлян, где те могли изрыгнуть излишнюю пищу.

– Это просто легенда, – ответила она. – Vomitorium просто означает узкий проход между двумя залами, откуда с силой выдавливается толпа. Вообще никак не связано с чревоугодием и коллективной булимией.

– Но все же, – он выглядел очень задумчиво. – Я могу установить здесь такое помещение, верно? Подключиться к серверной части, нарисовать схему, заняться поиском подходящих материалов, разобрать вещи и начать вытаскивать кирпичи?

– Технически да, но не думаю, что тебе кто-то с этим поможет, а потом, когда тебя не будет, начнутся восстановления, люди будут устанавливать обратно вытасканные тобой кирпичи. Я хочу сказать, что vomitorium – это не только апокрифичная, но и мерзопакостная задумка. То, что практически никому не нужно.

– Но если бы в моем распоряжении оказалась банда троллей, я ведь смог бы все организовать? Выставил бы вооруженную охрану, стал бы брать плату за вход, начал бы продавать «Биг-Маки».

Беседа с салагой становилась утомительной.

– Да, мог бы. Если бы все прижилось, мы бы построили еще одни «Бандаж и Брекеты» дальше по дороге, а у тебя осталось бы здание, наполненное троллями. Ты не первый гений, что захотел поставить такой интеллектуальный эксперимент.

– Да, абсолютно уверен, что не первый, – сказал он. – Извиняюсь, если вогнал тебя в скуку. Я знаю теорию, но мне кажется, что это попросту не может работать.

– В теории это вообще не работает. В теории мы все эгоистичные уроды, которые хотят иметь больше, чем у соседей, которые не могут быть счастливы в достатке, если узнали, что у кого-то этого достатка больше. В теории, когда здесь никого не будет, любой прощелыга просто стащит то, что плохо прикручено. В теории это все дерьмо. Эти вещи работают только на практике. В теории – все заканчивается хаосом.

Он неожиданно захихикал, совсем как подросток.

– У меня куча вопросов по этой теме, но твой ответ настолько бьет в цель, что я совершенно уверен, что каждый мой вопрос не останется без развернутого ответа.

– Не сомневайся, – сказала она. Он ей нравился, даже несмотря на то, что был шлеппером. – Это масштабируется? Пока, вроде, масштабируется и все хорошо. Что нас ожидает в долгосрочной перспективе? Как сказал один мудрец...

– В долгосрочной перспективе мы все умрем.

– Однако кто знает наверняка, ведь правда?

– Ты же не веришь в эту чушь?

– Ты называешь это чушью, я называю очевидностью. Когда ты богат, то тебе необязательно умирать? С этим все понятно. Пройти целый ряд лечений: выборочную плазменную оптимизацию микробов, непрерывное наблюдение за здоровьем, геномные терапии, приори-

тетный доступ к трансплантатам... Если бы я верила в частную собственность, я была бы абсолютна уверена, что первое поколение бессмертных людей уже живет среди нас. Они обгоняют и опережают свою собственную смертность.

Лимпопо наблюдала, как он пытается возразить, пытаясь не нагрубить сгоряча, и вспомнила, как она сама переживала из-за того, что могла оскорбить людей в те дни, когда только стала ушельцем. Это было так мило!

– Только потому, что деньги можно обменивать в течение ограниченного периода эксплуатации, похоже, что они не масштабируются, – сказал он. – Можно обменять деньги на землю, однако, если попытаешься купить Нью-Йорк, прикупая по одному кварталу, у тебя закончатся деньги независимо от того, какая у тебя была сумма, так как предложение будет постоянно снижаться, – он покачал головой. – Я не хочу сказать, что, когда речь идет о твоём здоровье, можно говорить о спросе и предложении, однако несомненно есть *сокращающиеся доходы*. Верить в то, что наука будет развиваться с такой же скоростью, как приближается смерть, – это какая-то белиберда. – Этот паренек выглядел нелепо. И он ей нравился. – Это испытание веры. Без обид.

– Без обид. Ты не уловил самой главной мысли. Жизнь можно продлить только за счет качества жизни. Примерно в двухстах милях отсюда в той стороне, – она махнула рукой на юг, – живет парень, который стоит дороже, чем большинство стран мира, а выглядит он как помещенные в бочку органы и серое вещество. Бочка стоит в укрепленной по всем правилам сертификации больнице, а больница – в защищенном стеной городе. Любой, кто работает в этом городе, принадлежит микроскопической нации этого парня. Это одно из условий занятости. В твоём теле содержится в сотни раз больше нечеловеческих клеток, чем человеческих. Люди, которые живут в этом городе, составляют девяносто девять процентов бессмертного богатого парня, являясь отростками его тела. Все, чем они занимаются, – поисками способов продления его жизни. Практически все они были лучшими студентами на своих курсах в самых престижных университетах мира. Взятые на работу напрямую оттуда. Получают зарплату настолько высокую, что лучше ее никто предложить бы не смог.

Я встречала человека, который там работал. Бросил все и стал ушельцем. Он рассказал мне, что парень в бочке пребывает в нескончаемой агонии. Что-то в его организме дало сбой, и теперь его чувствительность к боли находится на постоянном, неизменном пиковом уровне. Он чувствует такую острую боль, какую только может вытерпеть человек. Боль, которая никогда не проходит и никогда не притупляется. Он мог попросить их отключить машины, и тогда бы он умер. Однако все еще держится, делая ставку на то, что какой-то исключительный гений в этом городе, мотивированный наградой за поиск неисправностей в системе этого богатого парня, поймет, как исправить проблему с нервами. Если все пойдет как запланировано, будут сделаны по-настоящему прорывные достижения. Поэтому бочка – это его, так сказать, стадия личинки. Можешь в это не верить, но это правда.

– Это история не отличается от многих других, которые рассказывают о зоттах. Однако маловероятно, что твой приятель вообще смог стать ушельцем. Похоже, что при таких обстоятельствах за тобой будут охотиться, как за собакой, вследствие нарушения договора о неразглашении информации...

Она вспомнила того человека, который звал себя Лангерхан, все его странные методы работы, закладки, то, как он пытался не оставлять клетки кожи и фолликулы, тщательно протирая за собой стаканы и столовые приборы.

– Он умел держаться в тени. А что касается того договора о неразглашении информации, то он рассказывал разные странные вещи, но ничего такого, что позволило бы нам начать собственную программу или саботировать жизнедеятельность того парня в бочке. Проницательный тип. Буйный, чокнутый, но проницательный. Я верила ему.

– Все, как я и говорил. Этот парень терпел такую невообразимую боль из-за своего суеверия, что может откупиться от смерти. Однако тот факт, что он в это верил, не имеет никакого отношения к реальности. Может, этот парень проведет сотни лет в нескончаемом аду. Зотты очень хорошо научились себя обманывать. Более того, они уверены, что достигли этого, потому что все из себя такие эволюционные ребята, достойные того, чтобы стоять на ступеньке выше остальных людей. Они просто заряжены на то, чтобы доверять своим чувствам как истине в последней инстанции. А что, кроме слепой эгоистичной веры этих зотт, заставляет нас поверить, что в мире есть что-то еще, кроме пустых фантазий и выдачи желаемого за действительное?

Лимпопо вспомнила уверенность Лангерхана, его низкий, рокочущий голос во время разговора о грядущих близких временах бессмертных зотт, во главе семейных династий которых будут стоять бессмертные тираны.

– Признаюсь, что у меня нет доказательств. Все эти знания я получила из вторых рук, от человека, который был напуган до полусмерти. Это одна из тех идей, ради которых можно притворяться, что они когда-либо станут правдой, даже если это не так. Зотты пытаются отделиться от остального человечества. Они не чувствуют, что их судьбы связаны с нашими. Они считают, что могут политически, экономически и эпидемиологически изолировать себя, забраться на гору посреди прибывающих вод, размножаться и селекционировать свое потомство, летая друг к другу на истребителях.

– Я это поняла после того, как провела среди ушельцев целый год. Именно *это* означает быть ушельцем – не просто уйти из «общества», но признать, что в мире зотт мы – проблема, которая должна быть решена, а вовсе не законопослушные граждане. Именно поэтому ты никогда не слышишь политиков, которые говорят о «гражданах», для них все – «налогоплательщики», как будто основным фактором ваших отношений является ваша способность платить. Как будто государство – это бизнес, а гражданство – программа лояльности, которая поощряет вас с помощью дорог и здравоохранения. Зотты настроили всю систему так, чтобы получать все деньги и владеть политическим процессом, при этом платя только такой налог, который сами для себя выберут. Конечно, это основная часть налогов, ведь они выработали ряд правил, который предоставляет им большую часть денег. «Налогоплательщики» же означает, что государство имеет обязательства только перед богатыми чуваками, а то, что предоставляется детям или старикам, или больным, или инвалидам – это благотворительность, за которую они должны быть благодарны, так как никто из этих категорий населения не платит налоги, обеспечивающие предоставление таких бонусов от ЗАО «Государственная власть».

Я живу так, словно зотты не принадлежат моему биологическому виду, вплоть до неизбежности смерти и налогов, потому что *они* в это верят. Ты хочешь знать, насколько жизнестойчивы «Бандаж и Брекетты»? Ответ напрямую привязан к нашим отношениям с зоттами. Они могут уничтожить нас, стереть до основания уже завтра, если только захотят, но они этого не делают, потому что когда они проиграли все возможные ситуации, то поняли, что им гораздо выгоднее, что некоторые из нас сами «решают» проблему, исключая себя из политического процесса, а ведь именно мы преимущественно и были бы основной занозой в их обществе, если бы никогда не ушли...

– Да ладно! – на его лице появилась широкая улыбка. – Вот они, разговоры о корысти! Почему ты решила, что мы являемся самой большой занозой у них в заднице? Может, все наоборот: с нами проще всего, потому что мы готовы уйти. Как насчет тех людей, которые слишком больны, или слишком молоды, или слишком стары, или слишком упрямы и которые требуют, чтобы государство обращалось с ними, как с гражданами?

– Этих людей проще всего согнать в стадо и институализировать. Именно поэтому они не могут убежать. Это чудовищно, но мы и говорим о чудовищных вещах.

– Это жутковато, – признал он, – и кинематографично. Ты действительно считаешь, что зотты организовали верховный тайный суд, – вот сидят такие и замышляют, как отделить козлиц от овец?

– Конечно нет. В конце концов, если бы они так поступали, мы бы давно послали к ним смертника, обвешанного взрывчаткой. Я считаю, что это стихийный результат. И это еще хуже, потому что он возникает в зоне размытой ответственности: никто не решает сажать бедных в тюрьмы в огромных количествах, это происходит вследствие более строгих законов, меньшего финансирования юридической помощи, высоких расходов на подачу апелляций. Невозможно обвинить какого-то отдельного человека, решение или политический процесс. Это результат работы системы.

– К какому же тогда системному результату приведет жизнь ушельцев?

– Думаю, что этого пока никто не знает. Поживем – увидим.

[Ш]

Его друзья пробудились от послеобеденного сна, когда Итд с Лимпопо мыли тарелки, что означало сбой процедур по очистке посуды и необходимость регистрации конкретных мест сбоя. Хитрость заключалась в том, что половина неисправностей уже была найдена, однако не было до конца понятно, были ли *эти* неисправности теми, что уже были обнаружены, а регистрировать новые неисправности было некрасиво, когда можно было потратить немного времени, чтобы определить, описана ли уже найденная тобой неисправность. Кроме того, внесение дополнительных подтверждений о существовании уже зарегистрированной неисправности повышали шанс на ее скорейшее устранение. Если следовало устранить неисправность, необходимо было всесторонне ее изучить.

Они вяло бродили по помещению, с трудом разлепляя глаза, и от них воняло немытыми телами. Лимпопо предложила посетить *онсэн*²¹ на заднем дворе. Все тут же согласилось и позабыли о неисправностях – пусть их регистрацией займутся другие жители «Б и Б», – надели свои шлепперские рюкзаки и, спотыкаясь, пошли на задний двор таверны.

– Как это работает? – спросила девушка. – Дайте нам «Часто задаваемые вопросы» по этой вашей чудаконатой мыльной штуке. – Лимпопо подумала, что та просто пытается спрятаться за маской, а этот комментарий про «чудаконатую мыльную штуку» был признаком беспокойства от того, что ее сейчас затащат в какую-то ушельскую оргию.

– Это область совместного пребывания, однако не переживайте: у вас не будет никакого времени на удовлетворение сексуальных нужд. Ритуал на тридцать процентов ушельский, на семьдесят – японский. Достаточно официоза, чтобы каждый мог по-настоящему насладиться процедурами, и недостаточно, чтобы переживать о том, что вы сделаете что-то не так. Нужно просто помнить, что ванны предназначены для релаксации, а не для мытья.

То есть в них необходимо погружаться только чистыми и голыми. Никаких купальников. Вы садитесь в душевой кабине, где вас хорошо оттирают и очищают, а потом уже идете в ванну. Использование горячей воды ничем не ограничено. Она пастеризуется с помощью солнечной энергии в бочках на крыше, затем идет трехступенчатый фильтр со слоем напечатанного угля, поверхность которого напоминает поверхность лун Юпитера.

После того, как вы отмоетесь, можете делать, что захотите. Некоторые ванны пропарят вас за десять минут, другие же достаточно холодны, чтобы в них можно было запросто переохладиться, если полежать лишние пару минут. Остальные – нечто среднее. Так что выбирайте по настроению. Мне нравятся ванны на открытом воздухе, однако рыбки в них могут вас напугать. Они едят вашу мертвую кожу, а это щекотно, но всегда то, что вызывает отторжение у

²¹ Название горячих источников в Японии.

одних, становится вкусняшками для других, так что просто отмахивайтесь от них, если не хотите, чтобы они к вам присасывались. Мне вот они нравятся. Небольшие полотенца – общего применения; держите их рядом, но *не* опускайте их в ванны.

– Это все правила? – спросил юморной парень.

– Все.

– А как насчет грязных делишек?

Она закатила глаза:

– Если встретите кого-то, принадлежащего к предпочитаемому вами гендеру, и захотите чем-то таким заняться, помойтесь в душе, оденьтесь и пройдите в комнату. Никаких грязных дел в онсэнэ. Строго платонические отношения.

– Как скажешь.

– А где нам оставить наши вещи?

Это спросил Итакдалее. Да... Она была лучшего мнения о его интеллектуальных способностях. Шлепперы *и все такое*.

– Где угодно.

– А это безопасно?

– Не знаю.

Салаги обменялись взглядами, которые легко было понять: *Это неправильно. Уверен, что все будет в безопасности. Не ведите себя как туристы. Это же все, что у нас есть. Не выставляй нас дураками.*

– Готовы?

Они последовали за ней. Вместе переоделись в сушильню, и она не испытывала стыда, незаметно подглядывая за ними, ведь все гораздо проще, когда ты ушелец. Кожа – это кожа, интересно, конечно, но она есть у всех. Эти трое были молоды и свежи, но не вызывающе. Хохмач сделал себе полную депиляцию, что действительно было стильно, еще во дни ее решения стать ушельцем, однако с тех пор мода двинулась в другую сторону, что можно было понять по обильной растительности, открывшейся у остальных двоих.

Самое смешное в том, что тебе все равно, заметят ли, как ты подглядываешь, – это возможность сразу видеть, как подглядывают все остальные. А эти трое подглядывали друг за другом во все гляделки, что сразу дало ей понять, что ни у кого из этой троицы еще не было сексуальных отношений друг с другом. Второе преимущество наплевательского отношения к подглядыванию, – то, что ты видишь, как подглядывают за тобой, чем эти трое постоянно занимались, а она перехватывала их взгляд и удерживала его открыто и совершенно без каких-либо сексуальных намеков.

Ее долг перед этими салагами заключался в том, чтобы помочь им стать ушельцами у себя в уме, освободиться от смертоносного культа секса и дефицита, среди которого они выросли и от которого решили отказаться.

Но и ей самой необходимо было пройти такое испытание. Умом она понимала, что можно было находиться в присутствии голых людей и совершенно не думать о сексе, она знала, что это было обязательством, а не активом; она осознавала, что работа не была конкуренцией, но вот психике постоянно приходилось напоминать об этом. Привычки забывались тяжело; они были прочно связаны со страхами, а страхи очень трудно игнорировать. Привести салаг в онсэн было необходимой реабилитационной терапией и для нее самой как ушельца.

– Пойдемте в душ. – Она повела их в душевую, делая вид, что не замечает, как тревожно поглядывают они на свои рюкзаки, оставленные в неохраняемой комнате; эти взгляды, однако, были такие же скрытные и мимолетные, как и взгляды на ее голую задницу.

Она начала с самого горячего бассейна, это был способ отвлечь сознание от тяжести утомившихся мышц. Жара совершенно не давала думать, поэтому ей оставалось только предаться теплу и просто *быть*, желая, чтобы каждая мышца перестала напрягаться до причинения боли,

вдыхать пар с примесью минеральных солей, пока она не полностью погрузилась под воду и ее ноги, руки, ягодицы, спина, подошвы и ладони не размякли, как идеально приготовленное на гриле мясо, пока плоть не готова была отделиться от костей и пока успокоительное расслабление на пробралось вверх по позвоночнику до самой шеи. Возникший в голове страх перегрева заставил напрячься мельчайшие мышцы шеи и затылка, но и они вскоре сдались. Последние сантиметры напряжения в тех местах, о которых она даже не подозревала, растаяли в этом всепоглощающем тепле. От нее остались только чувства, игра мускулов и жара, наслаждение, балансировавшее на тонкой как лезвие грани болевого томления. Она еще больше расслабилась; постуральные мышцы, напряжение которых удерживало ее в виде буквы Z, совсем расслабились, ее зад чуть приподнялся над ступенью из пористого камня, и это внезапно появившееся расстояние между плотью и неподатливым камнем привело к еще большему расслаблению, которое началось с поперечных ягодичных мышц и ушло вглубь к тазу и позвоночнику. Она была настолько умиротворена, что расслабился даже ее живот, который обычно был натянут, как жесткий пояс из тугий ткани. Она чувствовала себя как мясо, готовящееся под вакуумом: ткани мышц ослабевали, отделяясь от своей эластичной оболочки. Она издала низкий стон, задрожавший в ее ослабленных голосовых связках:

– Я сейчас сварюсь.

Кто-то находился рядом с ней в воде, должно быть, Итакдалее, судя по количеству вытесненной воды. Он тяжело дышал, пытаясь побороть инстинкт своего тела бежать подальше от безжалостного жара. Она слушала, как успокаивается его дыхание, как начинают раздаваться вздохи, когда его тело подчинилось властному приказу отдыхать. Чувствовалась некая симпатия между их телами, когда водная рябь доносила до них сигналы взаимного расслабления.

Но невозможно вечно выдерживать эту жару и не важно, насколько она была тебе по нраву. Лимпопо держалась до последней секунды, затем быстро встала под холодный ветерок, щекотавший кожу при каждом легчайшем поцелуе. Жар выпарил все чувство неловкости, поэтому Лимпопо как рыба открывала рот, словно пытаясь поймать воздух. Она могла стоять голой у края бассейна и глазеть на испарения, даже не думая о том, что в этом мире может быть хоть какая-то застенчивость и неловкость. Она прошла по маркерам следов, чувствуя их своими полусваренными подошвами, до края самого холодного бассейна. Она опустила в него стоявший поблизости ковш, затем намочила в ковше свое небольшое полотенце, выжала полотенце на себя, начав с макушки, и закашлялась, чувствуя, как ледяная вода бежит вниз по ее бритой налысо голове, стекает за уши, попадает в глаза, нос и рот.

Она еще раз окунула полотенце в ковш, потеряла свою кожу, сжав челюсти, чтобы не издавать никаких звуков. Она заставила себя протереть всю кожу ледяной водой, снова и снова обмакивая полотенце, пока совсем не остыла, а ковш не опустел. Она подумала, не зачерпнуть ли еще ковшик (иногда она доводили их число до трех), но не смогла даже мысленно вынести эту процедуру.

Она зашла в самый холодный бассейн по щиколотку, принудила себя спуститься по ступенькам, только слегка держась за поручень, хотя думала, что немедленно вцепится в него как в единственное средство спасения. Еще шаг, и вот она уже по колено в воде. Еще шаг, и вода стала доходить до бедер, касаться ее ягодиц и вульвы. Невозможно было даже думать о следующем шаге; никто в здравом уме не погрузит в ледяной ад свои самые нежные места. Она знала по опыту, что если на сделает этот шаг, то падет духом. Она перенесла вес вперед, поэтому не осталось никакого выбора, кроме как плюхнуться грудью в воду, через мгновение под воду ушла голова, и уши тотчас же заложило, а лоб и глаза как будто скрутили и притянули к самой макушке.

Подняв голову над поверхностью, она собрала волю в кулак и заставила себя не дышать. Она оставалась в этой карающей воде не больше долгого вздоха, затем вышла по маркированным следам. Воздух, который еще недавно казался прохладным, сейчас был просто раскален-

ным. Она взяла свое небольшое полотенце и пошла к самому горячему бассейну, наполнила ведро и начала все сначала. Вода могла привести к появлению волдырей, к ожогам, к обвариванию, однако она заставила себя омыться этой водой, прежде чем снова погрузиться в самый горячий бассейн.

Пять минут назад она думала, что мышцы уже избавились от накопившегося в них напряжения. Теперь же, когда горячая вода обжигала ее, чувство было просто трансцендентальным! Она закрыла глаза и забыла обо всех невзгодах и проблемах. Не осталось ничего, кроме безграничной звериной радости.

Это ощущение внезапно оборвалось из-за шокирующего крика, донесшегося из самого холодного бассейна. Она спокойно повернулась и увидела в холодной воде Итакдалее: застывшее в гримасе ужаса лицо, раздутые как у коня ноздри, из которых как из паровоза вырывались клубы пара. Надо отдать ему должное: он досчитал до пяти и только потом направился размеренной походкой обратно к самому горячему бассейну. Она лениво улыбнулась ему, когда он вытирался своим небольшим полотенцем. Наконец, он зашел в самый горячий бассейн, и их взгляды встретились.

Лимпопо смотрела ему прямо в глаза, когда он позволил жару, своим мышцам и нервам включиться в своеобразный танец освобожденного тела.

– Ох, *ничего себе.*

– Да.

– Дааа...

Она дождалась его перед следующим погружением в холодный бассейн, и они зашли в воду, не сводя друг с друга глаз, словно бросая друг другу игривый вызов. Они не издали ни звука, даже когда вода коснулась паха, хотя Итакдалее слегка дернулся. Они погрузились по шею, а затем, не говоря ни слова, окунулись с головой и тут же вынырнули. Никто не хотел выходить из воды первым. Они смотрели друг на друга, не мигая, пока он шепотом не процедил сквозь зубы: «Ты сумасшедшая» и направился к ступеням. Она последовала за ним. Она совершенно безэмоционально заметила, насколько симпатичны его ягодицы.

Однако потом поняла, что, видимо, эмоции все же имели место.

Они вернулись к горячему бассейну, хихикая, подзадоривали друг друга вылить на себя ошпаривающую воду, шагнуть в пузырящийся кипяток и быстро окунуться. Третье погружение в жар унесло ее в такие места, о которых она уже позабыла, лишило ее всех сознательных мыслей и превратило в термотропный организм, который реагировал на конвективные течения исключительно стволовым мозгом.

И снова ее тело сообщило, что не может больше оставаться в этом жару ни секунды. Это было возвращением в сознание из блаженного небытия, глаза приоткрылись – сначала узкими щелками, потом полностью, голова всплыла как поплавок над водой. Он вынырнул через пару мгновений, достаточно длительных, чтобы доказать, насколько он мачо и как может выдерживать боль. Она отогнала от себя эту мысль. Если это было правдой, то он лишь вредил себе. Это уже его дело, не ее. А если все не так, то она проявила неоправданную жестокость.

Они стояли рядом с бассейном бок о бок, напряжение полностью оставило их плоть, с лиц не сходило выражение полного блаженства.

– А теперь что? – спросил он.

– Теперь мы пойдем в обычные бассейны. – Она показала на другие бассейны онсэна, где сидели с десятков других купальщиков, тихо беседующих друг с другом или сосредоточенно разглядывающих внутренние поверхности своих век. Его друзья сидели в теплой, пузырящейся ванне на некотором расстоянии друг от друга.

Они приблизились, легко ступая, и, как всегда бывало при купании, Лимпопо поняла, что окружающие стимулы полностью избавили ее от ощущения наготы. Даже их взгляды, направленные на ее тело, не дали ей повода ощущать себя голой. Это был психологический эквива-

лент звона в ушах после того, как выключался долго жужжащий компрессор холодильника. Ее перестало волновать все, даже такие мелкие раздражители, как ее волосатость, прическа на голове или ее отсутствие, то, на каких местах были лишние прослойки жира, где выступали кости, виднелись ли на коже следы от одежды, были ли заметны остальные шрамы ожогов.

Она соскользнула в воду рядом с салагами. Со своей стороны, после прохождения недавних контрастных процедур она видела, что эти трое за прожитые годы были изуродованы дефолтной²² реальностью. Принадлежность денежному культу смерти и соответствующему статусу накладывало на тебя определенный отпечаток. На них же эти отпечатки виднелись невооруженным глазом. Она хотела бы рано или поздно полностью их стереть.

– Можно к вам присоединиться?

– Вы уже здесь, – заметил полный иронии парень, но шутка была доброй. Он сидел между ней и Итакдалее, который последовал за ней в воду и сразу же по-братски пихнул юморного парня локтем под ребра. Они чувствовали себя комфортно друг с другом, прямо как братья, розовое плечо к бронзовому плечу, безволосая грудь рядом с волосатой рогожей Итакдалее.

– Герр фон Пудльдакс, – сказала она, – что вы скажете о наших скромных ваннах?

– Декадентство, – фыркнул тот. – Наверняка это рассадник чего-то совершенно неблагоприятного для здоровья.

– Не слушайте его, – сказала девушка. – Это просто восхитительно!

Итакдалее сказал:

– Вам надо попробовать эту горячую и холодную штуку. Она настолько крутая, что полностью меняет сознание.

– Может, позже, – сказал юморной парень.

– Конечно, позже, – подтвердила девушка. – А откуда у вас этот шрам?

Нескромный вопрос с ее стороны, но хороший вопрос с точки зрения ушельцев, так как он нарушал все нормы дефолтного мира. Лимпопо изогнула туловище, выставив шрам из воды, и повернулась, чтобы самой посмотреть на следы огромного ожога, который шел вниз от ребер до бедра. Она провела по нему пальцем, почувствовала его упругость и неровную поверхность, что теперь уже не вызывало в ней ужаса.

– Это случилось через пару недель после того, как я стала ушельцем. Мы строили два десятка землебитных домов на нагорье. Настоящие роскошные апартаменты для беженцев: электричество, вода, гидропоника для свежей зелени и мягкие кровати. На поддержку работоспособности всего объекта требовалось всего три часа в день. Остальное время мы воссоздавали греческую школу на открытом воздухе, где учили друг друга музыке, физике и поэтическому экспромту. Это было очень здорово! Я помогла построить гончарную мастерскую, и мы изготовили странные с виду гончарные колеса, эксцентричное вращение которых адаптировалось в зависимости от ваших рук и массы, поэтому невозможно было сделать непригодный для использования горшок.

Мы находились прямо на краю дефолтного мира, почти на границе. Было здорово: ежедневно к нам приходили однодневщики, с которыми мы могли поговорить о том, что происходило в их мире. По правде говоря, мне нравилась эта пограничная жизнь, потому что рядом всегда был этакий аварийный выход. Если что-то пошло бы не так, я могла оставить все и вернуться назад. Позвонить маме.

Однодневщики не всегда были настроены дружелюбно. Была группа ребят, соседский дозор, которые появлялись, когда что-то шло не так в их укрепленных многоквартирных домах. Кого-то ограбили: конечно же, виноват ушелец. На стенах появилось граффити? Нарисовали

²² Здесь и далее компьютерный термин, означающий исходное, постоянное состояние. Компьютерный термин появился в 1966 г. на основе финансового термина, означавшего неспособность выполнять свои обязательства, то есть изначально дефолт в компьютерной технике было возврат в исходное, постоянное состояние вследствие каких-либо причин, например сбоя или ошибки.

ушельцы. Убийство? Несомненно, это сделал один из нас, ведь цивилизованный гражданин просто не может пойти на такое.

Для людей, живших под постоянным наблюдением, их уровень преступности просто зашкаливал. Нарушением прав частной собственности занимались собственные их дети, выяснившие, как отключить папины шпионские программы, чтобы заниматься всякими шалостями. Если вы считаете, что дроны могут запретить подросткам трахаться, то вы явно не в своем уме.

Не знаю, кто был убийцей. Слышала только, что само убийство было ужасным. Поджог. Кто-то взломал целый квартал домов и что-то сделал с их датчиками безопасности, утечка газа и *ба-бах*. Свыше двадцати трупов, в том числе дети. В том числе младенец. Не могу представить, как у кого-то могла подняться на это рука, но я точно знаю, что никто из нашего поселения не пошел бы на такое преступление. Причиной чего-то подобного могла быть только личная неприязнь.

Трое салаг увлеченно слушали, и скоро их лица исказила гримаса ужаса, когда они поняли, куда клонится ее рассказ. Однако все-таки Итакдалее не удержался:

– Возможно, полный социопат. Событие по концепции шести сигм²³ в человеческой нейротипичности. Говорить, что это сделал кто-то из своих, будет, конечно, совершенно бесчеловечно, но не стоит сразу списывать со счета школьных стрелков и умалишенных.

– Я думала об этом. Думала, что должны были работать провокаторы из-за того, что произошло дальше, – она снова провела пальцами по шраму. – Те землебитные дома были очень просты в строительстве. Стандартная сборка включает датчики состояния окружающей среды, предохранительные устройства и сигналы тревоги. Они вывели экскаваторы, чтобы преградить путь в дома с основного и заднего входа, насыпав целые тонны грязи и щебня прямо перед дверями. Спокойные как роботы, они прошли по улице, разбивая окна и бросая в каждое по коктейлю Молотова. Затем они прошли с другой стороны и сделали то же самое с окнами на задних дворах.

Нас спасло то, что те окна оказались ударопрочными. Они долго спорили, что делать с ними. А мы в это время организовывались внутри. Землебитные дома состояли из двух этажей: гостиная и кухня на первом и две небольших спальни с туалетом на втором. Они строились с терморегуляцией, чтобы оставаться прохладными летом и теплыми зимой: в каждой соединительной стене имелись отверстия под циркуляционные каналы с шумовыми лабиринтами, напоминавшими раковину наутилуса, которые пропускали воздух и приглушали звук.

Мой дом, где я жила с тремя соседями, находился в самом конце, и как раз напротив него они стояли и обсуждали, как же разбить окна. Я понимала, что надо выбирать: все помещения были полны дыма и огня. Мы находились на верхнем этаже, в спальнях, так как все случилось как раз посреди ночи. Это означало, что на нашем этаже не было пламени, но весь дым поднимался к нам. Мой друг выбил ногой шумовой лабиринт, и мы смогли протиснуться через него в следующий дом, где жили пять человек, которые разломали стенку между спальнями, чтобы объединить комнаты в один большой спальный зал. Они паниковали, потому что один человек уже лишился сознания, наглотавшись дыма. Они хотели бежать к двери. Мы успокоили их, объяснив, что происходит снаружи, и отправили их через шумовую перегородку в соседний дом.

Нужно было рассказать всем, что происходит, и направить людей в крайнее помещение, поэтому я задержалась и отправила всем сообщения, вдыхая последние остатки свежего воздуха. Затем я последовала за другими. В следующем доме уже никого не было, как и в последующем, а пожар там разгорелся не так сильно, поэтому я приостановилась, чтобы отправить дополнительные сообщения.

²³ Методология менеджмента, разработанная компанией «Моторола».

Я недооценила концентрацию дыма. Лишилась сознания. Один из моих друзей понял, что меня нет, и вернулся, протаскил меня еще через три шумовых перегородки, пока не достиг основной массы жителей. Они разбились на две группы: одна пошла вниз по ступенькам, чтобы погасить огонь, другая пыталась выбить крайнюю стену. Землебитная стена была очень крепкой, но ее можно было колоть и откапывать, и я думаю, что там было достаточно людей, чтобы быстро выполнить эту работу.

Я отправилась вниз, чтобы потушить пожар. Конечно, стены не поддавались горению, однако коктейли Молотова сами состояли из воспламеняющегося топлива, а в помещениях было достаточно бумажной мебели и пластмассовых кухонных принадлежностей, которые сгорали, если становилось слишком жарко. Я приложила к лицу влажную тряпку, но она высохла, и мне было очень трудно смотреть или дышать. Я даже не заметила, как загорелась моя футболка, пока одна из женщин не сбила меня с ног и не стала катать по полу.

К тому времени они выкопали в стене на верхнем этаже здоровенную дыру и выбросили целую гору белья и одежды на землю снаружи, после чего мы выпрыгнули на эту гору так тихо, насколько могли.

Линчеватели поняли, что происходит, и попытались нас нагнать. У них было много мотовездеходов, а также дронов. К нашим спинам липла одежда, а некоторые уходили совсем нагие. Мы разбежались. Я позволила женщине, которая сбила с меня огонь, увести меня в заросли, где мы спрятались в грязной канаве, высунув на воздух только носы и рты, чтобы нас не засекли по инфракрасному спектру. Я не выдержала первой, жар уже покинул мое тело, и начиналось переохлаждение. Я понимала, что это такое, знала, что скоро погибну, если не согреюсь.

Моя подруга пыталась удержать меня, но я знала, что права. Что бы там ни происходило, мне нужно было согреться, чтобы не умереть. Я встала. Я вся дрожала, и вот здесь очень болело, – она показала рукой на шрам. – Моя подруга умоляла не идти обратно к поселению, уверяла, что нас убьют. Однако пошла за мной. Безопаснее действовать сообща.

Да, безопаснее действовать сообща – это великая мысль. К тому времени, как мы подошли к дымящимся руинам, практически все уже там собрались. Ушельцы выглядели ужасно: травмированные, кашлявшие, замерзшие. С другой стороны домов на нас смотрели линчеватели, враждебные и неуверенные в себе. У них случилось массовое помешательство, заставившее их сжечь дома своих соседей. Они были разъяренной толпой с размытым чувством ответственности, – часто проявляющееся у социальных масс чувство, которое потом практически полностью сошло на нет.

Моя группа организовала лазарет прямо у них на глазах и начала лечить раненых теми лекарствами, что смогла найти. Были люди, которые травмировались при падении, некоторые содрали кожу, продираясь сквозь заросли. Только на заре, проведя переключку и наладив сеть, мы поняли, что не хватает четырех человек. Двое пришли позже. Еще двоих мы нашли в домах, обугленных до костей. Одному из погибших едва-едва исполнилось пятнадцать, и никто не знал, как связаться с его родителями, которые жили где-то в дефолтном мире.

Новости об этом пожаре распространялись по округе. Прилетало много беспилотников, и не только коптеры²⁴ и планеры, но и жужжащие дирижабли с медпомощью и продуктами питания. Вскоре пришли другие люди, еще больше ушельцев, поэтому натуралы вконец распахивались и стали вооружаться, отстроили крепостную стену, чтобы защититься от расправы.

Однако мести не последовало. Натуралы стащили наше оборудование для земляных работ, чтобы возвести крепостную стену, однако уже через несколько дней у нас появились новые экскаваторы. Не знаю, кто их приволок. Я слегла в лихорадке с тяжелой инфекцией. Когда пришла в себя, мне сказали, что не питали надежд на то, что я выживу. В течение нескольких дней я была настолько плоха, что мне практически не оказывали помощь. Только

²⁴ Винтовые беспилотные летательные аппараты, способные аналогично вертолету зависать на месте.

один раз заработали принтеры иммерсионной печати и мне напечатали таблетки от инфекции – какие-то антибиотики в серебристой оболочке, которые помогли справиться с болезнью.

Они внимательно слушали. Затем девушка затрясла головой, как будто ей в ухо попала оса:

– Я правильно все поняла? Вас подожгли сумасшедшие линчеватели, которые убили твоих друзей и почти убили лично тебя, и вы решили никуда не уходить?

– Мы не просто решили никуда не уходить, – она улыбнулась, что-то вспоминая. – Мы начали строить все заново. Нормальные наблюдали из своей крепости, словно осторожные ополченцы, но мы не искали боя. Сначала мы отстроили кухню, затем испекли пироги, так как при строительстве землебитного жилья проголодаться можно в два счета. Каждый раз, когда мы готовили печенье или батончики-мюсли, мы выносили им поднос, подняв белый флаг, и оставляли его на земле. Подносы оставались на земле нетронутыми, пока вдруг в один день не исчезли. Не знаю, съели ли они наше подношение или нет.

Все происходило почти по заветам Ганди, хотя у меня всегда волосы вставали дыбом от одной мысли, что они проверяли на нас всю свою оптику. Они переводили свои лазерные прицелы в видимый спектр и заставляли точки плясать на наших лбах и сердцах. Но когда мы разместили видеоролики и включили в них кадры с красной точкой прицела на груди женщины, находящейся на последней стадии беременности, просто пришедшей нам помочь, то линчеватели получили такое количество яростных сетевых комментариев, что прекратили свое никчемное занятие.

Когда мы построили новые дома, то снесли старые бульдозерами. Мы жили в гексауртах и палатках, так как наше старое жилье стало непригодным для жизни. Присутствие двух мумий наших мертвых товарищей побуждало нас к работе и позорило линчевателей. После того, как мы снесли старое жилье, то посадили там дикие цветы и траву в надежде на то, каким прекрасным когда-нибудь будет это место.

Новое поселение разрослось втрое. Многие добровольцы захотели остаться с нами, появлялись новые ушельцы, которые почувствовали такое отвращение к линчевателям, что оставили защищенный воротами город. Некоторые из них были двойными агентами, но в этом не было ничего страшного, так как у нас не было никаких секретов. Секреты – это всегда затраты.

Приближалось время заселения, и всю ощущалась атмосфера праздника. На стенах зданий, покрашенных нами в белый цвет, мы показывали фильмы. Мы всегда красили свои вещи в белый цвет, чтобы внести свой небольшой вклад в альбедо нашей планеты. Мы наполнили место выемки грунта водой из ручья, превратив его в бассейн. Машины для земляных работ стали площадками для крепления тарзанок и платформами для ныряния.

Я находилась в бассейне, когда линчеватели вернулись. Они сбили наши дроны высокочастотными радиочастотами, затем использовали болевые лучи и ультразвуковые фонари, чтобы согнать нас на площадь между четырьмя рядами домов. Затем какой-то мужчина с полувоенным нагрудным знаком частной вневедомственной охраны достал мегафон, чтобы предупредить нас о том, что власти округа предоставили ему полномочия на выселение всех с этой территории и у нас есть десять минут на сбор вещей. После этого последовало что-то вроде лицензионного соглашения с бесправным пользователем о том, что они могут нас уничтожить в соответствии с Законом о противодействии терроризму от такого-то числа, если наше поведение будет представлять опасность для жизни или частной собственности. Как только он закончил, они сразу же врубили чертов болевой луч. Никто даже не думал возвращаться за своими вещами. Люди чувствовали себя так, будто их лица плавятся. В группе были дети младше десяти лет, и они кричали, словно их резали на куски. Вы слышали истории о родителях, которые собственными руками поднимали машины, чтобы вытащить из-под них своих детей, однако это было ничто по сравнению с происходившим там. Я видела родителей, идущих прямо под болевой луч, чтобы спасти своих детей. Одна из женщин упала на землю и

забилась в судорогах, а ее друг поднял ее на плечо как пожарный, обняв другой рукой ребенка. Не думаю, что видела когда-либо что-то настолько впечатляющее.

Мы не могли прятаться в лесах. Все пространство просматривалось беспилотниками, следовавшими за нами целыми стаями, пока мы не отошли на двадцать километров. Я хромала весь день и всю ночь, а когда отставала, с неба падали маленькие коптеры и толкали меня, подгоняя как отбившуюся от стада овцу. Я пошла с этой парой, которая несла своего ребенка. Они остановились, пытаясь разбить лагерь, так как их малыш не мог больше идти самостоятельно и ни у кого из нас не было сил его тащить. Я встала в охранении, отбивая коптеры веткой с листьями. Сверху спускалось все больше и больше этих тварей, в конце концов мы решили двигаться дальше. Они выпросили велосипеды у пары некомбатантов, встретившихся по дороге, после чего уже я начала их замедлять. Пришлось идти своей дорогой.

В конце концов, я упала, но, должно быть, уже вышла за зону действия коптеров, потому что они только кружились в отдалении, стрекоча как цикады. Я отключилась, а когда пришла в себя, их уже не было. Должно быть, полетели на дозаправку, и линчеватели не считали нужным посылать мне эскадрилью медпомощи.

– Что было дальше? – спросила девушка. Ужас в ее глазах... слезы в уголках... видно было, что она переживает рассказ гораздо сильнее своих спутников. Лимпопо догадалась, что она была самой богатой из них, поэтому для нее все это казалось совершенно невероятным.

Лимпопо пожалала плечами, почувствовала напряжение, поняв, что вывела ее из пьянящей неги, рассказав о своей жизни. Это произошло три года назад, однако у нее до сих пор не прошло посттравматическое стрессовое расстройство. Рассказ пробудил яркие воспоминания. Эти трое напомнили ей о том, кем в прошлом была она сама – новичок-ушелец, и да: шлеппер. Пожар и вынужденный переход выжгли в ней инстинкт шлеппера, заставив ее понять бесполезность привыкания к *вещам*.

– Я ушла – вот и все. Это огромный мир, и большая его часть приемлема для жизни. Не важно, где ты находишься и что тебя окружает, если можешь удовлетворить свои основные потребности и найти себе полезное применение. Я влилась в эту команду, сделала ответвление от конструкции лагеря для беженцев, разработанного УВКБ, в виде таверны, и вот мы встретились.

– А как же остальные люди из вашего лагеря?

– Живут здесь и там. Некоторые работают в «Бандаже и Брекетах». Некоторые ушли в другие места. Одна пара пропала с радаров ушельцев, и я думаю, что они вернулись обратно, так как эта жизнь оказалась для них слишком большим испытанием, но это «их личное дело и ничуть не волнует меня», как в песне поется. Однако я сходила на прежний объект. Он очень хорошо охраняется по периметру. Здания снесены бульдозером. Мои посадки невредимы, дикие цветы все так же прекрасны, как и прежде. Я сделала мир ощутимо лучше в отличие от тех ублюдков, которые преследовали нас.

– Да будет так, – торжественно сказал Итакдалее. – Это совершенно сумасшедшая история, и я очень рад, что ты нам ее рассказала. А теперь я хочу пойти в другой бассейн. Вы со мной?

– Конечно, – сказал хохмач. – Вы говорили, что здесь есть бассейн, где рыбки доставляют посетителям оральное удовольствие?

– Следуйте за мной, – сказала она и повела за собой мокрых голых людей через прохладный воздух приближающегося вечера в новый бассейн шикарно горячей воды. Приплыли рыбки и съели их мертвую кожу, пока они лениво размокали в бассейне и становились существами, состоявшими только из нервов и легкого дыхания.

[III]

Кто-то сказал, что идеально было бы выпить виски, еще кто-то заметил, что просто потрясуще было бы съесть тост с сыром, кто-то пробормотал, что глаза слипаются и нужно найти что-нибудь мягкое, чтобы поскорее заснуть, ну, а если не мягкое, то хотя бы горизонтальное. Лимпопо решила, что пора заканчивать с водными процедурами.

– Давайте устроим полуночный пир, а потом пойдем спать.

Она подумала о диванных подушках в большом помещении на третьем этаже, которые бы идеально подошли, чтобы всем вместе завалиться спать, а ведь этого как раз сейчас так не доставало.

Они снова мылись в душе в общей прихожей, теперь уже полностью расслабленные. Не говоря ни слова, даже без каких-либо признаков показной сексуальности, они терли друг другу спины. Было это сексуальным или нет, но они находили какое-то звериное наслаждение в том, что за ними кто-то ухаживал, и это еще больше усиливало чувство сладостного декаданса.

Их бдительность настолько притупилась, что лишь пять минут спустя они осознали: кто-то украл все вещи.

До этого они просто бродили вокруг и искали свою одежду. Затем появилось чувство тревоги, и, наконец, девушка сказала:

– Нас ограбили.

Два парня сказали:

– Вот черт.

Они посмотрели на Лимпопо. Ее одежда лежала там, где она ее оставила. Такую одежду можно было достать в любом месте, где собирались ушельцы.

Лимпопо глубоко вздохнула:

– Что ж, бывает.

– Да ладно. Нам нужно идти искать наши вещи... – сказала девушка.

– Для этого нужно сначала одеться, – заметила Лимпопо. – Мне не хочется этого говорить, но вы вряд ли что-нибудь найдете. Если что-то крадут, то краденое быстро исчезает.

– Забавно, что ты об этом так хорошо осведомлена, – сказала девушка. – Забавно, что ты знаешь, почему не стоит пытаться искать наши вещи, которые ты попросила нас оставить здесь.

– Я не просила вас оставить их здесь, – сказала Лимпопо. – Я просто сказала, что вы не можете взять их с собой. Я прямо сказала, что не знаю, будут ли они в безопасности.

Она посмотрела на них, расстроенных и отравленных ядом подозрительности. Больше всего хмурилась девушка, но и парни выглядели так, как будто в чем-то ее винули. Они хотели винить кого-то, потому что иначе пришлось бы винить себя. Лимпопо стало грустно. Ей просто хотелось, чтобы они отправились на боковую.

– Я знаю, это неприятно. Но здесь такое иногда происходит. Не все в этом мире такие уж славные ребята.

– Почему вы не сделали шкафчики? – спросила девушка. – Если не все такие славные, как вы, почему бы не обеспечить для ваших гостей хоть какую-то минимальную безопасность? Как насчет видеонаблюдения? Ведь здесь же есть камеры? Давайте привлечем гребаных криминалистов, напечатаем плакаты «Разыскивается»...

Лимпопо покачала головой, и девушка еще больше рассвирепела.

– Извини, – снова сказала Лимпопо. – В «Б и Б», конечно, есть датчики, но в буфере²⁵ хранятся данные всего лишь за несколько секунд. Это в прошивке здания, и любое изменение этого параметра будет отменено за считанные миллисекунды. Люди, которые пользуются этим

²⁵ Компьютерный термин, означающий место краткосрочного хранения информации, чаще всего в оперативной памяти.

местом, решили, что пусть лучше их грабят, лишь бы только не наблюдали. Вещи – это всего лишь вещи, однако постоянное наблюдение – это гадко. Что касается шкафчиков, вы, конечно, можете их сюда поставить, но не думаю, что они долго просуществуют. Как только вы поставите шкафчики, вы тем самым дадите всем понять: все, что находится вне шкафчиков, – не защищено...

– Так оно и было не защищено, – заметил Итакдалее.

– Да, – ответила она. – Это, конечно же, важное замечание. Но с ним спора не выиграть.

Итакдалее сел. Они все были голые, а Лимпопо стыдилась прикрыть себя одеждой. Она взяла большие пушистые полотенца из стопки и передала их по кругу.

– Спасибо, – сказал Итакдалее.

– Да, спасибо, – сказал хохмач. – Похоже, что твоих друзей ничего не убедит. Почему бы нам сейчас не пойти и не взять чего-нибудь у них?

Она улыбнулась.

– Я как раз хотела это предложить. Конечно, никто этому рад не будет. Кража вообще скверное дело, и тот, кто это сделал, конечно, урод из уродов. Если мы поймаем кого-нибудь за этим, то, скорее всего, вышвырнем вон.

– Что, если он попытается вернуться?

– Попросим его уйти.

– Что, если он не будет слушать?

– Будем его игнорировать.

– Что, если он приведет с собой кучу друзей и начнет распоряжаться вашими вещами?

Насыт в джакузи и выпьет все ваше бухло?

Она повернулась к Итакдалее:

– Ты ведь уже знаешь ответ на этот вопрос?

– Они уйдут, Сет, – сказал он.

– Это мое рабское имя, – ответил тот. – Зови меня... э-э-э... – Он выглядел потерянным.

– Гизмо фон Пудльдакс, – сказала Лимпопо. – Я хорошо ориентируюсь в пространстве имен.

– Зовите меня Гизмо, – сказал он. – Предположим, я понял. Они уйдут. Построят другое подобное здание где-нибудь еще, затем кто-то придет вслед и займет это новое здание, или спалит его, или еще что-нибудь сделает.

– Или не сделает, – ответила она. – Послушай, в мире столько же философских концепций ушельцев, сколько самих ушельцев. Вот моя: «истории, что ты рассказываешь, становятся правдой». Если ты не доверяешь кому-то, то строишь свои системы так, что даже лучшие из лучших должны будут вести себя как самые худшие из людей, чтобы хоть что-то сделать. Если ты считаешь, что люди в основе своей нормальны, то жизнь становится более простой и счастливой.

– Но у тебя сопрут все ценное!

– А у меня нет ничего настолько ценного, что можно было бы своровать. Это значительно упрощает жизнь. Я уже многие годы не ношу с собой рюкзак. Прогулки и походы стали *гораздо* более приятными. Никому не нужно меня грабить.

– В том рюкзаке у меня было все, – угрюмо сказала девушка.

– Дай угадаю, – сказала Лимпопо. – Деньги. Удостоверение. Еда. Вода. Запасная одежда. Чистые трусики.

Девушка кивнула.

– Ну, значит, все верно. Понимаешь, здесь тебе не нужны ни деньги, ни удостоверение. Здесь есть еда и вода. Чистые трусы и прочая одежда – не вопрос. Мы дадим вам доступ к сети, и вы сможете восстановить резервные копии, – она заметила, как осунулись их лица. – Вы ведь создали резервные копии в сети ушельцев?

– Еще нет, – сказал Итакдалее, – но это входило в наши планы. Наверное, у меня еще что-то осталось в облаке, там, в «дефолтном мире». – Он произносил словосочетание «дефолтный мир», неловко обозначая кавычки интонацией.

– Хорошо, мы можем «просочиться» и достать для вас необходимую информацию. Есть места, где сеть ушельцев выходит в сеть дефолтного мира: глубокие туннели и большие задержки. В конце концов, если хотите, то можете вернуться назад. Некоторые так и поступают. Жизнь ушельцев – не для всех. Потом иногда они снова становятся ушельцами. За это вас никто не осудит.

Кроме вас самих, – этого она не сказала, так как это было слишком очевидным.

Девушка выглядела очень подавленно:

– Я просто не могу в это поверить! Не могу поверить, что ты вообще не берешь на себя ответственность. Ты нас сюда привела. Теперь нас отымели, у нас ничего не осталось, а ты просто стоишь и выдаешь пачками маленькие божественные афоризмы, как этакий хипстерский будда.

Лимпопо вспомнила те времена, когда это вывело бы ее из себя, и ощутила удовлетворение от того, что сейчас она совершенно не злилась. Она хотела бы, чтобы не было и этой гордыни, однако утешила себя тем, что никто не совершенен.

– Я прошу прощения, что так произошло. Я помогу вам снова вернуться к нормальному существованию. Грабеж рано или поздно случается со всеми ушельцами. Это, можно сказать, ритуал посвящения. Если у вас есть что-то невосполнимое, это означает, что нужно сделать все, чтобы это невосполнимое не забрал у вас кто-то другой. Но как только вы избавитесь от этого образа мыслей, все станет гораздо проще.

Было похоже, что девушка сейчас набросится на Лимпопо. А она так надеялась, что дело не дойдет до физического столкновения.

– Послушай, относись к этому проще. Это всего лишь *вещи*. Знаю, у тебя была классная одежда. Я даже тайком сфотографировала ее, чтобы можно было сделать такую же и разместить ее на сервер версий «Б и Б». Можешь сидеть и переживать, можешь бегать кругами, пытаясь найти уroda, который более привязан к обладанию вещами, чем ты, или можешь успокоиться, пойти со мной и получить новый комплект вещей. Мы можем сделать дубликаты тех вещей, что были на вас надеты, или можете выбрать что-нибудь из каталога. Или можете побежать домой, завернувшись в полотенца. Выбор за вами.

– Ты скопировала ее одежду? – сказал хохмач.

– А что, тоже хочешь такую? Это унисекс. Можем модифицировать ее под тебя, или же можешь выбрать себе что-нибудь более гендерное. Но думаю, что тебе она подойдет. – Едва сказав это, она поняла, что не ошиблась. Интеллектуально ее привлекал другой парень – Итакдалее, однако к таким, как этот Герр фон Пикльпенс, она испытывала слабость; она была бы не прочь поэкспериментировать с его внешним видом, если бы только он перестал болтать.

– Неужели? А почему бы и нет, – ответил тот. Он точно знал, насколько был симпатичным, и это слегка отвращало.

– Пойдемте, подберем для вас одежду и обувь.

Из солидарности она оставила свою одежду на скамье, завернулась, как все, в полотенце, взятое из онсэн, и повела их обратно в «Бандаж и Брекеты».

* * *

Производственная лаборатория «Бандажа и Брекетоу» располагалась во внешнем строении, которое называлось «конюшной», однако ни в нем, ни в ближайших окрестностях не было никакого домашнего скота. Она нашла для них балахоны и тапки, показала салагам, как выпол-

нять запросы по запасам «Б и Б» для поиска не востребуемых вещей, и провела их по первым двум этажам, открывая ниши и ящики, пока они наконец не нашли все, что было нужно.

– Можете оставить это все себе, – сказала она, – или же вернуть обратно в ящики и сообщить об этом «Б и Б». Если просто бросите эти вещи где-либо, кто-то, конечно, мненамесит их, но это считается грубым.

– Мненамесит? – спросил Итакдалее. Он словно ожил во время поиска одежды, воодушевляясь все больше и больше с каждым шагом. Она даже порадовалась за него.

– Материя не на месте. Мусор. Если ты видишь какой-то хлам, то можешь его переработать, убрать в ячейку хранения или присвоить себе. «Б и Б» отслеживает не востребуемый мненамес в своих хранилищах, помечает вещи, которые валяются без дела уже несколько месяцев, специально для средства отслеживания неполадок, а потом кто-нибудь исполнит, наконец, свои обязанности и утилизирует их.

– Может, наши рюкзаки попали в мненамес?

– Вообще без вариантов. Они не лежали там слишком долго, тем более что любые сумки или рюкзаки в раздевалке не становятся мненамесом, если их только там не забыли. Ваши рюкзаки просто украли. – Она открыла дверь в конюшню. – Забудьте о них.

В производственной лаборатории пахло лазерами, горелым деревом, летучими органическими соединениями, красителями для тканей и машинным маслом. Здешние водородные элементы, совершенно не связанные с элементами таверны, были полностью заряжены. Лаборатория была практически пуста, если не считать хихикающих подростков, которые наверняка печатали себе какие-нибудь новые причудливые пистолеты. Она отметила их закладкой для последующего жесткого разговора, затем вывела экран на стену.

– Самый простой способ начать – это запросить запасы походных вещей: для теплой погоды, для холодной погоды, дождевик, палатка, еда, аптечка – при этом надо учитывать доступные продовольственные запасы и рейтинг популярности. – Работая, она крутила свои интерфейсные поверхности, и вскоре на экране уже виднелась текстовая компоновка в несколько столбцов. – Заполняйте корзины, а когда закончите, детализируйте, чтобы выбрать размеры и опции.

Они быстро освоились, начали везде нажимать, тыкать и предлагать что-то друг другу. Она смотрела, взвешивая их выбор по своим собственным критериям. Когда она была шлеппером, то твердо считала, что один в поле воин, и держала под рукой все, что могло бы понадобиться. А уяснив, что к чему, брала с собой на день только минимум вещей, необходимый для преодоления типичных трудностей при переходе с места текущего пребывания до следующей стоянки. Когда она жила в дефолтном мире, то считала и свой дом, и свой ящик в школьном шкафчике, и свою работу местом складирования повседневных вещей, которые не нужно было постоянно носить с собой. Достаточно было знать, что это всегда было под рукой.

Став ушельцем, она выбрала путь шлеппера только потому, что четко задала границы места, которое она собралась занимать в пространстве. Она решила использовать только то, что носила с собой. Выбить это из головы помогло понимание простой вещи: все, что было нужно, лежало повсюду, вещи в мире ушельцев представляли собой нормализованное облако возможностей, доступных по первому требованию. Упущенная выгода из-за отсутствия нужной вилки для салата, когда ей хотелось поесть салат, была ниже упущенной выгоды от невозможности пойти, куда только она пожелает, не таская за собой тонны ненужного барахла и не зарабатывая грыжу и боли в спине.

Ни секунды не сомневаясь, она думала, что корзина с минимальным набором вещей будет у Итакдалее, а с максимальным – у девушки. И ошиблась. У девушки был только самый минимум вещей, что несколько пристыдило Лимпопо.

– Ты не думаешь, что нужно брать с собой побольше? – она не могла пройти мимо искушения незаметно надавить на весы, когда на них кто-то взвешивается.

– Всего, что у меня есть, – достаточно, чтобы добраться до следующего места типа этого. Пусть эти мужланы таскают с собой горы вещей. С другой стороны, рядом всегда кто-то, у кого можно взять что-нибудь взаймы, а я, в свою очередь, могу помочь им в плане каких-нибудь бытовых мелочей, – девушка выразительно подняла брови и ухмыльнулась. – Думаешь, ты единственная здесь, которая это понимает? Мы салаги, а не идиоты. Я уже много лет организовываю коммунистические праздники. Я высвободила достаточно материально-технических ресурсов, чтобы организовать нечто подобное вашему здешнему поселению. Да, я взяла с собой много ерунды, но только потому, что не знала, во что ввязываюсь. Но если все выглядит подобным образом, – она обвела рукой конюшню, – то действительно, зачем кому-то нужно что-то еще?

– Ты права, я думала, что вы дети буржуа, которым нужно показать философию ушельцев во всей ее красе. Концепцию «чем меньше, тем лучше» проще понять сердцем, чем умом. И, конечно, очень печалит то, что случилось с вашими вещами. Даже если мне кажется, что вы взяли с собой больше вещей, чем нужно, ужасно чувствовать себя обворованным. Конечно, это не добавит ощущения безопасности и любого выведет из равновесия.

Одним из столпов пути ушельцев было незамедлительно и искренне извиниться, если ты действительно в чем-то виноват. Когда-то это стало трудным уроком для Лимпопо, но она его очень хорошо усвоила.

Мальчики тайком начали выкладывать вещи из своих корзин, и она заметила, что девушка тоже обратила на это внимание. Они понимающе улыбнулись друг другу и сделали вид, что ничего особенного не увидели. Дать другим людям почувствовать себя убудками – это наихудший способ отучить их от этой убудочности.

– Не все места похожи на наше, – сказала Лимпопо. – «Б и Б» – это самое большое место ушельцев, которое я видела, может, даже самое большое в этой части Канады. Здесь все в порядке с материальным достатком. В большинстве поселений ушельцев есть производственные лаборатории. Никто вам не запретит пользоваться ими, однако если все, что вы делаете, – это опустошаете водородные элементы и сырье, то все решат, что вы попросту уроды.

Ребята аккуратно раскладывали вещи в своих корзинах.

– Я не должна обменивать одни вещи на другие, это ведь является подарком, как на коммунистических праздниках. Это я понимаю. Однако, когда мы организовываем наши праздники, то без разницы, сколько ты взял, ведь в любую минуту могут нагрянуть копы, выгнать нас и уничтожить все, что останется, поэтому стоит брать только то, что сможешь унести с собой. Здесь же ты хочешь, чтобы люди каким-то волшебным образом не брали слишком много и в то же время не зарабатывали право взять больше в счет своей более усердной работы, а также работали только потому, что это дар, а не потому что они получают что-то взамен?

Все посмотрели на Лимпопо. Та пожала плечами:

– Это дилемма всех ушельцев. Если ты можешь только брать, не отдавая, ты халявщик. Если ты ведешь учет, сколько берут и отдают другие, ты мелочный бухгалтер. Это наша версия христианской вины – неблагочестиво думать о своем благочестии. Ты должен хотеть стать хорошим, а не чувствовать себя хорошо из-за того, насколько ты хороший. Самое худшее – это переживать, что там делает кто-то еще, так как это никак не связано с тем, правильно ли живешь ты сам. – Она пожала плечами: – Если бы все было так просто, все бы так жили. Это ведь проект, а не достижение.

Итак далее потянулся так, что у него захрустело в спине. Его балахон распахнулся, на что все обратили внимание, несмотря на то, что еще совсем недавно он ходил перед ними совершенно голым. Он смущенно подоткнул одежду, а потом заговорил:

– Очень трудно со всем этим совладать, потому что все кажется таким незнакомым. Там, в дефолтном мире, – и снова она услышала эти кавычки, – вы должны делать что-то, потому что так правильно. «Ты хочешь, чтобы я отдал свою грязную зарплату, потому что на пути ее

формирования произошло что-то нехорошее? Что-то вы не выстраиваетесь в очередь желающих оплатить мои счета». Щедрость – это сказание о том, что случается, когда люди блюдут свои интересы. Мы должны «просто знать», что эгоизм является естественным.

Здесь же мы рассматриваем щедрость, как основополагающее состояние. Странное, отвратительное чувство корыстолюбия говорит нам о том, что мы ведем себя как засранцы. Мы не должны прощать людей за их корыстолюбие. Мы не должны ждать, что другие простят нас за наше корыстолюбие. Нет ничего благородного в том, что ты делаешь что-то хорошее в надежде на вознаграждение. И очень трудно не стать жертвой такого образа взаимоотношений, потому что взяточничество действительно работает.

Когда я рос, у моих родителей постоянно возникала эта проблема. У папы всегда были наготове длинные объяснения, почему я могу делать то, что захочу, только после того, как сделаю что-то скучное, и каким образом это не является взяткой. Он говорил: «Тебе нужно сбалансированно питаться, чтобы быть здоровым. Если ты ешь десерт, но не поел овощей и протеины, то твое питание не сбалансировано. Поэтому ты не получишь десерта, пока не опустошишь свою тарелку». Мама закатывала глаза, а когда он не слышал, то шептала мне: «Делай как он сказал, и я дам тебе кусок торта». Взятничество – что так, что эдак.

Хохмач захихикал:

– Я видел твоих предков. Они оба пытаются дать тебе взятку, но папа просто пытается улучшить свое самочувствие.

Итак далее покачал головой:

– Все гораздо сложнее. Папа хотел, чтобы я совершал правильные поступки по правильной причине. Мама просто хотела, чтобы я совершал правильные поступки. Я понимаю отца. Но проще побудить людей делать что-либо, если тебе все равно, зачем все это делать.

Лимпопо оглядела корзинки мальчиков, стопки вещей в которых заметно уменьшились. Она одобряюще кивнула.

– Как правило, такое обсуждение заканчивается воспитанием и дружбой. Здесь все соглашаются, что щедрость – это добродетель. Ваш список обязанностей нужен для того, чтобы вы смогли все успеть. Ребенок, который тратит свое время на проверку списка своих сестер, чтобы у них было не меньше домашних обязанностей, или пытается обмануть других, или сам очень сильно обманывается. Пусть это и звучит заезженно, но быть ушельцем – значит относиться ко всем, как к своей семье.

Девушка вздрогнула. Лимпопо подумала, что нашла ее слабую сторону.

– Хорошо, придерживаться такого же отношения к другим, какое вы хотели бы видеть в своей семье.

– Христианство, по сути, – сказал хохмач, вытянул руки крестом и уронил голову набок, закатив глаза.

– Христианство, да, если бы оно зародилось в материальном достатке, – ответила Лимпопо. – Вы здесь не первые, кто пытается сделать подобное сравнение. Во многих из наших мест поселяются аспиранты политеха, социологии, антропологии, и все они пытаются выяснить, кто мы: фабианские социалисты эпохи пост-дефицита или светские христианские коммунисты, а может, кто-либо еще. Большинство из них финансируется богачами из частного сектора, которые хотят знать, когда мы спалим их офисы и можно ли нам что-нибудь продать. Треть этих аспирантов становится ушельцами... Ну ладно, теперь мы готовы приступить к замерам и выбору стиля?

Они были готовы. Камеры в конюшнях сняли их изображения, после чего они проверили геометрию, снятую алгоритмами. Системы отрисовали их в новых одеждах, дав им возможность поиграть с цветами и узорами. Они хорошо знали, что все это было и в дефолтном мире: потребительские трансформации от щелчков мыши за компьютером во время непрерывного шоппинга.

Они быстро прокрутили разные возможности, применили свои конфигурации и посмотрели на таймер.

– Шесть часов, – сказала девушка. – Серьезно?

– Можно и меньше, – ответила Лимпопо, – но такая скорость позволяет нам использовать сырье с меньшими дефектами, добавляя дополнительные проходы для устранения ошибок. Посмотрите, – она показала на своем рукаве место, где шов был повторно пройден во время производства. – Никто не говорит, что избыток – это так просто.

[IV]

Когда Итакдалее наконец решился приударить за ней, она, к своему удивлению, сказала «Да».

Эти трое уже долгое время жили в «Б и Б» с тех пор, как получили все необходимое, чтобы отправиться в дальнейший путь. И это ее не удивило. Они хорошо прижились. Хохмач, продолжавший называть себя Гизмо фон Пудльдакс, – а все остальные начали звать его просто «Даки», здорово рассказывал всякие интересные истории, и с ним было весело играть в разные настольные игры. Оба этих навыка ценились в общем зале «Б и Б», поэтому он стал здесь постоянным завсегдатаем. Девушка присоединилась к разведгруппе, исследовавшей отдаленные, содержащие сырье объекты, которые предварительно разведывались парком дронов. Она возвращалась после тяжелого дня в очередном городе-призраке, стойкая, гибкая, вымазанная с ног до головы грязью, одетая в безрукавку и рабочие ботинки, ведя за собой целую вереницу рабочих, которые изможденно падали в конюшне, сбрасывая с плеч грузы ткани, металлов и пластика – удручающих остатков умершей промышленности и образа жизни тех людей, которые по-рабски на нее пахали.

А Итакдалее не прижился нигде, несмотря на все свои попытки. Ничего не увлекало его. Никакой досуг не вызвал в нем интереса. У него не было стопок книг, которые он хотел бы прочитать; он не обнаружил какие-либо навыки, которые мог бы развить; не выбрал никакого проекта, в котором смог бы поучаствовать. Он был или слабаком и лузером, или мастером, познавшим истинный дзен.

При всем при том он не был паразитом. Итакдалее выполнял поденную работу, подсчитывал запасы в конюшне, проводил техобслуживание, смеялся над шутками Даки, ходил в составе разведгруппы под руководством девушки, которую звал Натали, а та, в свою очередь, сменила свое имя с «Стабильные стратегии» на «Ласку». Однако ему до всего этого действительно не было никакого дела.

Как-то вечером на восходе солнца она пошла в онсэн и обнаружила его там, лежащего в бассейне под открытым небом и выставившего над водой только нос и рот. Клубы пара поднимались в воздух при каждом его выдохе. Она соскользнула в воду рядом с ним, желая поскорее согреть ноги, ставшие ледяными от хождения по холодным камням. Он поднял голову, приоткрыл глаза, нехотя кивнул и погрузился обратно в воду. Она кивнула в ответ в сторону пара от его дыхания и также ушла под воду. Тут же к ней подплыли рыбки и начали легонько пощипывать кожу. Она закрыла глаза, медленно погружая лицо в воду, пока на поверхности не остался только рот и нос.

Рыбка коснулась ее руки, потом еще раз. Лимпопо поняла, что это вовсе не рыбка, а его рука, случайно вытянутая вдоль ее руки, мизинец к мизинцу. Она сверилась со своими внутренними инструментами и решила, что это даже приятно. Она приподняла руку и положила ее поверх его руки.

Они лежали неподвижно в течение некоторого времени, пока их пощипывали рыбки. Конечно, присутствие рыбок делало все несколько странным. Она и Итакдалее были основным блюдом чьей-то еще оргии, что делало соприкосновение их тел практически целомудрен-

ным. Их пальцы едва двигались, расслаблялись и переплетались. Возможно, на это понадобилось около получаса. Каждое движение руки словно вопрошало: «Так можно, все в порядке?» в ожидании ответного движения: «Да, в порядке», что давало повод к новому движению. Они как будто слали друг другу импульсы синхронизации/подтверждения/синхронизации по подтверждению²⁶ через громоздкую, медленно работающую сеть.

Когда их пальцы окончательно сплелись, наступило секундное разочарование. *Теперь что?* Пробный подводный физический контакт был своего рода магическим действием, однако они не собирались заниматься мастурбацией в бассейне. Ну, Итакдалее, это было романтично, а теперь что?

Ей надоело угадывать, что будет дальше, она освободила свою руку, вылезла из бассейна и пошла внутрь. Лимпопо редко вставала так рано, а когда все-таки поднималась, то шла в онсэн, так как могла побыть здесь наедине с собой. Здесь было пусто. Она стояла у самого горячего бассейна, уже успев остыть после прогулки по морозному воздуху до двери парилки. Дверь за ней открылась, и вошел Итакдалее, смущенно улыбаясь. Он подчерпнул ведро воды, практически кипятка, смочил в нем свое полотенце и выжал его, так что пошел пар.

Она улыбнулась в ответ, радуясь тому, как все развивается. Повернулась к нему спиной, посмотрела на него поверх плеча и позвала его, едва кивнув головой. Этого было достаточно. Он робко тер ее спину горячим, обжигающим полотенцем, а она пыталась давить на него всей массой своего тела. Он тер сильнее, смочив полотенце. Он наклонился, чтобы достать до ее ягодиц и ног, она повернулась, когда он достиг ее щиколоток и начал двигаться вверх. Когда он снова встал на ноги, она уже приготовила свое полотенце, все еще испускавшее пар после ведра, и начала тереть его грудь и плечи. Они снова взялись за руки и зашли в самый горячий бассейн. Вода была настолько обжигающей, что проняла их насквозь, кроме крепко сжатых ладоней. Они опустили в воду, сжимая руки так, что побелели костяшки пальцев. Также рука об руку они зашли в самый холодный бассейн, взяли полотенца и омыли друг друга с головы до пят.

Перемещаясь вперед и назад, его левая рука в ее правой, они мыли друг друга, прижимаясь телами, погружались в онсэн, сливаясь в одно то холодное, то обжигающе горячее тело, один сгусток нервов. Закончив, они сидели в душе и натирали друг друга мылом, брызгая друг на друга водяными струями. Они ушли в раздевалку, облеклись в балахоны, на миг разлучившись. В это время они чувствовали касания призрачных рук. Когда они снова переплели пальцы, то им показалось, что наконец вернулось нечто родное и потерянное.

Рука об руку они шли слабо освещенными коридорами. Они обошли общий зал, укрывшись от тех людей, чьи голоса были слышны за журчанием кофий. Они медленно взойшли по лестнице, шаг в шаг, слыша, как под ногами на стыках скрипел грубый ламинат. Когда достигли первого пролета, она свободной рукой коснулась сенсорной поверхности, запросив сведения о свободных комнатах, нашла одну на верхнем четвертом этаже, где размещались самые маленькие комнаты, размером практически с гроб.

Не говоря ни слова и тяжело дыша, они поднялись наверх, прислушиваясь ко всем звукам в здании: плакал ребенок, кто-то спустил воду в туалете, кто-то принимал душ. Еще один пролет, несколько крутых поворотов по небольшому извивающемуся лабиринту четвертого этажа, и вот он уже кладет свою ладонь на табличку на двери, после чего дверь откатывается в сторону. Включилась лампа, осветив пустую комнатку с кроватью-чердаком, аккуратно заправленной свежим бельем. Под кроватью стояли стол и стул, вещи были расставлены в неуклюжей попытке создать обстановку домашнего уюта: несколько книг, несколько скульптурных отпечатков геометрических твердых тел. Какая-то часть сознания Лимпопо вспомнила, как она расставляла эти вещи когда-то, завершая отделку комнаты. Она уже год не поднималась сюда

²⁶ Компьютерный термин SYN/ACK/SYNACK обозначает «алгоритм установки подключения в сетевой среде».

и была очень довольна, что система «Б и Б» поддерживала комнату в порядке. Или ее жители были достаточно сознательными, или система «Б и Б» отмечала, что комната становится неухоженной, и вносила ее в список неотложных дел, после чего ее кто-то прибирал.

Теперь они зашли в эту комнату, и дверь захлопнулась за ними до щелчка. Он протянул руку, чтобы приглушить свет, однако она снова включила свет на полную мощность. Лимпопо поняла, что ей нравится смотреть ему в лицо при хорошем освещении. Смотреть в лицо практически незнакомцу при ярком освещении, не притворяясь, что ты смотришь куда-то еще, ощущая при этом на себе взгляд этого незнакомца – такая возможность ей редко выпадала. Это было по-своему интимным переживанием, как и любой физический контакт.

Он сконфуженно улыбался. А ей нравилось, как изгибаются его губы.

– Все хорошо? То есть я хотел сказать...

– Мне просто хотелось посмотреть на тебя.

Ей нравилось то, насколько быстро он ее понял, нравилось, как он отвечает взаимностью, как блестят его глаза, когда он откровенно рассматривает ее лицо, быстро переводя взгляд с глаз на лоб, на нос, на уши. Эта откровенность напомнила ей, как они переплели пальцы и крепко держали друг друга за руки.

Именно это и нравилось ей в жизни ушельцев. В дефолтном мире она нередко соблазняла и поддавалась соблазну, но ее никогда не оставляло ощущение, что это все пустая трата времени. Лучше закончить эти романтические шашни и от души потрахаться, ведь скоро собрание, работа, протесты, приготовление пищи или какие-нибудь обязанности по дому. Даже в «Б и Б» трудно было избавиться от этих ощущений. Но сейчас она радовалась, пребывая в этом бесконечном забытии. Она вспомнила нежелание Итакдалее выполнять рутинную работу в «Б и Б», его неспособность подобрать себе работу или определенную роль. Это означало, что они могли быть вместе настолько долго, насколько сами пожелают.

Она поддела его балахон большими пальцами и медленно провела ими между тканью и плотью, обнажая с мучительной медлительностью его кожу, которую уже видела, которой касалась в онсэне, любуясь тем, насколько привлекательной может быть частично скрытая человеческая нагота. Он положил руки на ее балахон, распахнул его, чтобы высвободить ее груди: одну, затем вторую. В дефолтном мире она бы переживала из-за них: не та форма, не тот размер; явно завышенные требования к своей неидеальной плоти. Жизнь ушельцев освободила ее от этой еще только зарождавшейся нервозности, – и самое главное: ожоги полностью устранили ее, заняв собой все ее сознание.

Балахон сползал вниз, открывая ее ожог. Он провел рукой по шраму. Она вздрогнула, и он одернул руку, сказав «Извини», однако она взяла его руку и положила обратно на шрам. Шрам не болел, а, скорее, тянул кожу и мышцы, а когда она занималась йогой, то чувствовала, как кожа на туловище закручивалась вокруг практически неподвижного шрама. Она очень долго не могла касаться этого инородного нароста, возникшего там, где когда-то была ее гладкая кожа, только мыла его губкой. Во сне она касалась шрама рукой, а затем просыпалась с частичками коллагена²⁷ на кончиках пальцев. Но в конце концов она смирилась с ним, больше не ощущая шрам как нечто чужеродное.

Его руки теперь лежали на ее шраме, ощущая все его выпуклости и углубления. Его глаза не ошупывали, а словно смотрели сквозь нее, а дыхание почти не ощущалось. Она неровно дышала и чувствовала его слабое дыхание, ведь они были настолько близки. Однако до поцелуя дело еще не дошло. Она стянула балахон с его плеч и отбросила в сторону, так что ему на секунду даже пришлось оторваться от нее. Он снова положил на нее свои руки. В движении он приблизился к ней настолько, что мог дотянуться до ее лопаток, позвоночника, более мелких ожогов на спине, которые напоминали следы разрушений после падения метеорита.

²⁷ Белок, составляющий основу соединительной ткани организма и обеспечивающий ее плотность.

Он приблизился настолько близко, что она почувствовала на своем бедре его эрекцию: теплое, эластичное касание, заставившее ее улыбнуться. Он улыбнулся в ответ, и она поняла, что он знает, почему она улыбается.

Его ладони коснулись ее ягодиц. Она накрыла своими ладонями его ладони, привлекая Итакдалее к себе, обняла его и коснулась своей грудью его груди. Ее губы сложились для поцелуя и нашли его ключицу. Она прикусила кость зубами, затем оттянула кожу. Он застонал и еще сильнее притянул ее к себе. Потом закинул голову назад, открыв шею, и она целовала ее, наслаждаясь прикосновением его щетины к губам, словно ласкала кожу подростка. Ее губы настойчиво присасывались к его сонной артерии, чувствуя его пульс. Она как будто провоцировала его оттолкнуть себя, прежде чем она оставит на его шее большой засос, но он шумно выдохнул, а его напряженный пенис терся в такт пульсу о ее живот.

Он вытянулся, взгромоздив свои бедра на ее. Она раздвинула ноги, позволив его бедрам соскользнуть вниз к ее вульве, обхватила бедрами его ногу, защемив волосы. Сначала все внизу было раздражающе сухим, но потом с каждым приятным моментом становилось все влажнее и влажнее. Ее ноздри стали раздуваться. Она вдыхала запах секса, исходящий от его подмышками и пахом. Она с наслаждением присасывалась к его самому уязвимому месту, где соединились шея, челюсть и ухо.

Они все еще не целовались.

Своими сильными руками он притянул к себе ее зад. Она вспомнила, как его рука сжимала ее ладонь в бассейне. Он поднял ее на цыпочки, а затем опустил ее промежность на свою ногу. Она почувствовала его квадрицепс и стала касаться его клитором, слегка отпуская и откидываясь назад, чувствуя, как напрягаются его мышцы в попытке поддержать ее. Она изогнулась так, что ее руки коснулись стены, затем оттолкнулась от нее, и они немного позабавились игрой мышц и силой притяжения, затем он притянул ее к себе, чуть пошатнувшись.

Снова встав на ноги, она потянула его к кровати, поставила ногу на лестницу и забралась наверх. Он последовал за ней.

И они все еще медлили с поцелуями. Она изогнулась, взяла его за щиколотку, поймала ртом палец на его ноге и прикусила, когда он попытался вырваться. Она слегка царапала ногтями свод его стопы, а другой рукой поймала его напряженный орган и сжала ладонь в кулак так, что снова почувствовала его пульс. Его бедра дернулись, но она смогла его удержать, затем повернулась, накрыв его своим телом. Она поймала его руки и силой своих накачанных на стройке мышц потянула его запястья вверх, скрестив их над его головой и прижав к матрасу. Его подмышки пахли свежим потом. Она чувствовала его дыхание на своем лице. Чувствовала, как ее дыхание обдувает его лицо.

Она снова сложила губы для поцелуя и застыла так, а потом быстро подалась назад, когда он попытался ее поцеловать. Она хотела, чтобы эта игра длилась бесконечно. Потом коснулась его губ сперва одной губой, потом обеими. Потом языком. Его рот приоткрылся. Его лицо приблизилось к ней, но она снова дернулась назад, чтобы все начать сначала. Он все понял правильно и лежал, позволяя ей контролировать себя, принимать решения, когда они все-таки сольются в поцелуе. Она делала все очень медленно.

Это было чудесно, и это длилось и длилось...

Рты слились, он взял ее за ягодицы, а она в ответ прижала их к его рукам, давая понять, что желает большей активности. Он случайно провел своим членом по ее шраму, чего раньше не случалось. Она едва обратила на это внимание, поощрив его стоном. Он застонал в ответ.

Она снова прижалась промежностью к его ноге, зажав его член между телами. Его пальцы ощупывали ее пах, там, где волосы становились гладкими. Он, ритмично надавливая, прошелся по всей длине ее промежности, задержавшись у самого устья. Она застонала в его открытый рот. Мурашки пробежали по ее спине и животу. Взрывное чувство нарастало, и она подалась назад, призывая его двигаться глубже и быстрее, а он в ответ с силой приблизился к ней. Она

не была с мужчиной уже больше года. Это пробудило в ней некий ностальгический эротизм, и странным образом вспомнились все мужчины, с кем она была ранее, ее содрогания, каждый пронзительный оргазм. Эти образы проплывали перед ее закрытыми глазами с каждым движением. Кровь теплой знакомой волной прилила к шее.

Он удивил ее, внезапно оборвав движение. Жар между их телами заставил ее испытать сладостные конвульсии, завершившиеся громкими звуками, которые когда-то так ее смущали.

Она наполовину скатилась с него, нечаянно ударив в солнечное сплетение, так что он сказал *уф*, достала рукой и притянула наверх его балахон, лежавший снизу на столе, и вытерлась им.

– Ох, ничего себе, – сказала она.

– Еще.

Она посмотрела вниз, не веря своим ушам.

– Что, уже?

Он облизал губы.

Он был хорошим любовником. Это чувствовалось по бешеному сердцебиению после так долго ожидаемого соития. Она не сразу сообразила, в чем дело, но, когда кончила еще раз, сжимая бедрами его уши, поняла: отсутствие спешки. Даже после долгих лет жизни ушельца она делила время на тонкие, как рисовая бумага, полоски, каждая из которых знаменовала одно дискретное событие или дело, которое нужно было завершить, прежде чем перейти к следующему. В большинстве случаев она спешила закончить текущее дело, прежде чем в дверь постучится следующее. Каждый знакомый ей взрослый человек жил в таком же ритме: чтобы заняться следующим неотложным делом, нужно было в спешке закончить текущее.

Итак далее делил свое время на более крупные отрезки. Он вытянулся вдоль ее тела и уткнулся своим лицом в ее груди, и долго так лежал, прежде чем приступил к легким покусываниям. Это продолжалось дольше, чем она ожидала. Это было гораздо лучше, чем просто «хорошо». Ее внутренние часы синхронизировались, метроном тихонько тикал, замедляясь до томного сердцебиения, в котором, казалось, теперь было сосредоточено все время этого мира. И это чувство угасания поражало больше, чем липкие соки на ее пальцах, серовато-синий засос на левой груди, разбухший мужской сосок, который она катала своими пальцами.

Когда все закончилось, она не знала, сколько сейчас времени. Возможно, уже закат, а может быть, и ночь, хотя они зашли в эту комнату с восходом. Она провела рукой по интерфейсной поверхности на стене и вывела часы, удивившись, что сейчас всего лишь полдень. Неспешное времяпровождение не означало, что время невозможно было терять впустую. Разница между восхитительной томностью и бесконечной суетой заключалась в одном-двух часах. Ей казалось, что она провела здесь целый день.

Она поцеловала его там, где мочка уха соединялась с телом, и не спеша добралась до его губ. Он без суеты обнял ее, облекая в уже надетый на него балахон.

– Мне было очень хорошо, – сказала она.

– Мне тоже.

Они переплели пальцы. Они сняли белье с кровати, застелили новое, протерли все поверхности и включили воздухоочистители. Зеленая галочка загорелась на двери, подтверждая надлежащую уборку комнаты и адекватное ее состояние. Они ушли, держась за руки и неся в свободных руках мокрые простыни. Они спустили их в желоб для грязного белья, а потом отправились в конюшню, чтобы сделать себе новую одежду.

[V]

Хорошо, что совокупление не выбило их отношения из привычной колеи. В общем зале он обнимал ее и целовал в щеку вместо того, чтобы просто пожимать руку, а его друзья, кото-

рые, как ей казалось, состояли примерно в таких же отношениях, что и Лимпопо с Итакдалее, бросали на нее понимающие взгляды. Он не старался сделать так, чтобы все ее внимание при каждой встрече уделялось только ему, но и не относился к ней с намеренным пренебрежением. Спустя неделю они случайно встретились в коридоре и остановились поболтать. Он прислонился к стене и приложил к стене свою ладонь. Она поместила свою ладонь рядом, и он правильно понял намек, после чего они отправились на четвертый этаж, чтобы еще раз провести время в неспешных играх и удовольствии.

– Как тебе здесь? – спросила она во время одной из пауз.

Оказалось, что ему, если оценивать ситуацию в целом, неудобно.

– Если честно, я думаю, что это не мое. Мы ушли из дефолтного мира, потому что я хотел стать важной частью чего-то, а не просто неудобной избыточной трудовой единицей. Я понимаю, что могу здесь работать и на самом деле здесь много дел, но остается ощущение чего-то неестественного. На днях я полностью облажался с обработкой льна и испортил тридцать простыней. Система просто назначила кого-то еще на изготовление новых, а испорченные пропустила через обработчик сырья. Все настолько продуманно и безопасно, что совершенно не важно, чем именно я занимаюсь. Если бы я занимался полезным умственным трудом или же вообще ничего не делал – не было бы никакой разницы, как это видится здешней системе. Я знаю, что все это звучит эгоцентрично и упорото, но я хочу знать, что лично я являюсь важной частью этого мира. Если я завтра уйду, здесь совершенно ничего не поменяется.

Она непрерывно кусала себе губу, билась с этой привычкой в течение долгих лет и признала, наконец, что это дурной вкус. Каждый говорил об особенных снежинках, о том, что хочет быть не таким, как все, но подобные заявления звучали как оскорбление только от незнакомцев, а не от друзей. Вовсе не нужно было быть особенной снежинкой, потому что объективная реальность такова: несмотря на твою важность для самого себя и для твоего ближайшего окружения, маловероятно, что все твои поступки и дела были незаменимыми. Как только ты начинал считать себя особенной снежинкой, ты вставал на верную дорогу самообмана, которая доводила до абсолютной уверенности в том, что тебе положено больше, чем кому-либо еще из-за вот этой твоей исключительности. Если и было среди ушельцев классически позорное качество, так это как раз самообман.

– Ты знаешь, что это «та любовь, что о себе молчит»²⁸, в этих краях? В течение веков на планете жило около ста миллиардов человек, и большинство из них совершенно ничего не изменили. Антропоцен – это коллективная, а не индивидуальная деятельность. Именно поэтому климатические изменения происходят с такой долбаной стремительностью. В дефолтном мире говорят, что в конечном счете все сводится к индивидуальному выбору и ответственности, однако реальность такова, что ты не можешь откупиться от изменений климата. Если в твоём городе повторно используют стеклянные бутылки – это одно. Если перерабатывают – это совершенно другое. Закапывают в землю – третье. Никакие твои личные поступки на это не повлияют, если только ты не соберешь *большое число* единомышленников и вы не измените все к лучшему.

– Однако трудно притворяться, что ты не являешься главным героем в фильме о своей жизни. Обычно на это действительно наплевать, однако пребывание здесь заставляет обо всем задуматься.

– У всего есть свои противоречия. Иногда я думаю, может, кто-нибудь и улучшает все вокруг только потому, что я написала нужную строку кода. Чтобы действительно здесь преуспеть, нужно желание менять все к лучшему и твердая уверенность в том, что ты являешься полностью заменимым.

²⁸ Строчка из стихотворения «Две любви» британского поэта Альфреда Дугласа.

– Конечно, это лучше, чем в дефолтном мире. Там ты совершенно не должен ничего менять и являешься при этом на все сто процентов излишней штатной единицей.

Это обсуждение убило в ней всю похоть. Мысль, что ее ощущения ничем не отличаются от ощущений бесконечного числа людей, которые чувствовали то же самое до, во время и после этого момента, дала ей понять, что ее ощущения – это какой-то дешевый обман, способ обвести вокруг пальца свою внутреннюю систему вознаграждений с целью получить кучку ерунды или банку фигни. Как правило, после секса она чувствовала, что вся вселенная вращается вокруг ее ощущений. Теперь они казались ей никому не нужным блеском в совершенно безразличной пустоте.

Она села и оделась. И так далее не казался расстроенным, что успокаивало, но вместе с тем вызывало какое-то ощущение беспокойства.

– Все в порядке?

– В порядке, – сказала она. – Просто не в настроении.

– Извини. – Он надел трусы и штаны, вывернул свою рубашку наизнанку. – Несмотря на некие ортодоксальные взгляды, которые я должен целиком и полностью поддерживать, и несмотря на то, насколько это может быть некруто, я могу сказать, что действительно считаю тебя особенной. Лучше даже, чем особенной. Восхитительной, если быть честным. И красивой. Но, в основном, восхитительной.

Ее сердце бешено забилося.

– Послушай, друг...

– Не беспокойся. Я не сделаюсь изъеденным любовью нытиком. С тех пор, как я стал ушельцем, я встретил десятки людей, но ты первая, кто приняла меня со всем радушием, – и не потому, что ты затрахала меня до мозга костей, хотя и это тоже было признаком радушия. А потому что с тобой я могу говорить об этом, и ты не закатываешь глаза, как будто я задаю самые идиотские вопросы на свете, а также потому, что ты совсем не являешься доктринером с широко распахнутыми глазами. Ты, наверное, единственный человек здесь, кто хочет быть ушельцем и пытается быть ушельцем. Без тебя я бы ушел. Это место потрясающее, но оно слишком завершенное, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Она натянула платье, что заняло у нее всего лишь мгновение. Но когда из прорези показалась ее голова, она поймала его откровенный взгляд. У него были красивые глаза, приятная улыбка. Немного робкая, но ей это нравилось.

– Я думаю, что ты тоже замечательный.

– Нам нужно пойти в конюшню и напечатать удостоверения членов общества взаимной симпатии.

– Ты будешь смеяться, но я уверен, что их прототипы уже существуют во вселенной вещей ушельцев.

– Что ж, это здорово, – сказал он.

Они засмеялись, и какая-то далекая, бдительная часть ее сознания сообщила, что это любовный смех и что она влюбилась.

[VI]

Ощущение влюбленности было просто чудом. Когда она целиком и полностью отдалась своему чувству, то начала находить новые способы выражения своей симпатии к И так далее: сделала ему куртку той расцветки и кроя, которые лучше всего ему шли и вообще были гораздо лучше, чем то, что он обычно носил; будила его кофе и тащила его наверх, чтобы сделать все по-быстрому, пока кофий все еще бурлит в их венах; нежно терла ему спину в онсэнэ.

В свою очередь, он тоже мог найти сотни галантных ответов: занять ей место в общем зале; встретить ее после похода чаем со льдом и охлажденным полотенцем, взять ее за руку под столом или над столом, когда они болтали под вечер с другими ушельцами.

Старые жители «Б и Б» быстро это заметили, но были слишком вежливыми, чтобы спросить напрямую. Вместо этого они говорили: «О, тебе это подарил Итакдалее»? (Да, он. Это был венок из зимних веток в форме нелепой короны феи, который она носила до тех пор, пока он не рассыпался, однако долго после этого еще ценила его подарок.) Были и другие пары ушельцев, даже семьи ушельцев с детьми и одним или несколькими родителями, но она с ними никогда не общалась. Совместная жизнь казалась артефактом дефолтного мира, и ее частью она не хотела становиться из-за целого клубка проблем, в том числе ревности и необходимости постоянной координации.

Их отношения были другими. Чувства переполняли ее разум, чувства гораздо более сильные и нежные, чем то, что она когда-либо испытывала. Лежа рядом с ним, даже когда они просто держали друг друга в объятиях, она любовалась его губами, ямочкой на щеке, и какое-то теплое чувство наполняло ее грудь и живот.

Они совершали длительные прогулки, практически не разговаривая, а лишь слушая пение птиц и хруст своих шагов по снегу. Далеко в лесах жили олени, и однажды к ним подошла лань, да так близко, что ее можно было погладить. Она стояла и смотрела на них с очарывающей животной доверчивостью.

Однажды они отправились в путь с первыми лучами солнца, наевшись досыта каши и напившись кофия так, что тот начал капать из ушей. Они следовали маршруту, которым недавно пролетел дрон «Б и Б», нашедший запасы электроники, из которой можно было получить много промышленных производных колтана, на брошенном нелегальном полигоне электронных отходов. Они взяли с собой мулобота, однако ему нужно было постоянно помогать отыскивать дорогу, что очень замедлило их движение. Она позже вспоминала, что тогда они слегка повздорили.

К складу невозможно было подойти. Земля замерзла буквально за ночь, превратив недавнюю слякоть в предательски опасный лед. Даже в шиповках они не чувствовали под ногами достаточной опоры, а мулобот застрял недалеко от базы, так как ему не хватало трения, чтобы выбраться по скользкому льду. После никчемных попыток тащить его на аркане они отправились назад в прескверном настроении.

И одновременно со сбоем в сети ушельцев получили предупредительный сигнал о выходе в оффлайн²⁹. Ей сразу стало это понятно, потому что они одновременно остановились как вкопанные.

– И часто это происходит? – спросил Итакдалее.

– Это вообще не должно происходить. В сети есть избыточные узлы, включая аэростат. А сейчас небо чистое.

Она достала экран и поводила по нему пальцами в перчатках, пытаясь что-то рассмотреть через клубы паров своих выдыхов. Она нечасто использовала диагностику, поэтому понатрудилось некоторое время, чтобы вывести на экран нужные средства.

– Это странно, – сказала она. – Даже если все накрылось, сбой должен быть каскадным. Узел А отключается, узел Б не справляется с перенаправляемым на него трафиком, отрабатывает отказ, затем узел В получает двойную порцию нагрузки, не справляется и так далее. Но смотри, связь потеряна одновременно со всеми узлами. Похоже на отключение электричества, но все узлы питаются от независимых элементов.

– И что, ты думаешь, это такое?

– Я думаю, что это очень серьезно. Пойдем.

²⁹ Компьютерный термин, означающий отсутствие подключения к общей сети.

У Итакдалее было хорошее качество: когда дела принимали серьезный оборот, становился серьезным и он. Она увидела его с новой стороны: бдительным и на взводе. Это успокоило ее. Подсознательно ее не переставала удручать необходимость заботиться о своем возлюбленном.

Двигаясь бесшумно, будто два призрака, они поспешили по заснеженным утрамбованным тропинкам. Она услышала жужжание и, когда заметила дрона «Б и Б», ей стало немного спокойнее. Однако потом она поняла, что это не их модель.

– Черт, – сказала она, рассматривая дрон, делавший над ними второй заход. Она показала ему средний палец, когда дрон пролетел буквально в метрах над их головами. – Лети отсюда! Пойдем.

Они побежали.

Путь был хорошо обихожен, здесь имелась пара неглупых с тактической точки зрения поворотов и стратегически важно поваленных деревьев, которые хорошо скрывали ряд разбросанных строений и ветряных мельниц. Прежде чем их обнаружили, она планировала пробраться по лесу к другой стороне, проложив по кустам новую тропу. Но сейчас в этом уже не было смысла.

Они вышли на открытую местность и увидели стоявшую вокруг главного входа группу массивных фигур в устрашающего вида тактической ерунде. Они были перепоясаны штурмовыми поясами, увешаны штуковинами, выглядевшими как самое смертоносное оружие, которое им даже не нужно было брать в руки, чтобы показать свое полное превосходство.

– Привет-привет, – сказал один. У него даже были усы крутого парня, вроде тех, что носят профессиональные борцы. – Добро пожаловать в «Бандаж и Брекеты».

– Да, спасибо! – сказала она.

– Я Джимми, – сказал он. – Вы двое хотите здесь разместиться?

– Предположим, что хотим, – сказала Лимпопо.

Он лениво, по-волчьи, ухмыльнулся, потом пристально посмотрел на нее.

– А, – сказал он. – Это ведь ты?

Она также пристально посмотрела на него, что-то вспоминая.

– Да, это я, – она вздохнула.

– Что ж, Лимпопо, сегодня твой счастливый день.

Она кивнула. Когда она вышвырнула его из «Б и Б», он еще не называл себя «Джимми». А как? Качок? Чучело? Что-то в этом роде. Прошло столько лет.

– Я точно уверен, что ты совсем не ожидала меня здесь увидеть, – он повернулся к своим друзьям. – Вот эта дама написала для этого места больше строк кода, чем кто-либо еще. Она сделала больше для этого места, чем все остальные. Это место переполнено кровью и знаниями этой девушки. – Он повернулся обратно к ней. – Сегодня твой самый счастливый день.

– Неужели? – она понимала, к чему это все идет.

– Отныне это место управляется по принципу «кви про кво», услуга за услугу. Каждый получает то, что сюда вложил. Ты вложила сюда столько, что можешь жить здесь годами, не шевеля и пальцем. У тебя такой репутационный капитал, что можно прожигать его долгие годы.

– Обалдеть, – сказала она.

* * *

Каждый ушелец рано или поздно сталкивался с фриками, которые ценили репутационную экономику больше всего на свете. Сначала она абстрактно ненавидела их. Но потом появился этот парень, который дал ей чертовски хорошие *конкретные* причины их ненавидеть. «Б и Б» уже прошли третью сборку, когда появился он и попытался установить повсюду таблички лидеров. Он уже фактически их ввел, потом проверил код и пришел к ней, – а ее руки

были перемазаны уплотняющим герметиком, – чтобы узнать, почему она отменила его нововведения.

– Это не то, что нам нужно.

– Что ты имеешь в виду? У тебя нет таких прав, я проверил.

– Нам это не нужно. Этот вопрос обсуждался, и большинством голосов принято решение, что нам не нужны таблицы лидеров. Довольно дерьмовая система поощрений. – Она держала поднятыми вверх свои испачканные руки. – Я тут вообще-то делом занята. Почему бы тебе не разместить это в вики³⁰?

– Это такое правило?

– Нет, – сказала она.

– Зачем мне тогда это делать?

– Потому что это работало раньше.

– Может, мне тогда отменять твои отмены?

– Надеюсь, ты не будешь этого делать, – она знала, как выиграть этот спор, и смотрела ему в глаза, не мигая. Он был еще юным, совсем недавно стал ушельцем, затаенный псих внутри него жаждал своей территории. И не было никакой пользы в том, чтобы спустить сейчас на этого бедолагу своего затаенного психа.

– Почему нет?

– Это неконструктивно. Наша цель – найти что-то такое, что будет доставлять нам радость. Войны по отмене сделанного к этому совершенно точно не приведут. В лучшем случае, все наше время будет уходить на отмену полезного труда друг друга. В худшем случае, все начнут делать базовый код более трудным для исправления другими.

Она закончила с сотовой изоляцией на своем верстаке, и комковатый герметик начал неровно высыхать. Она взяла губку и разгладила шероховатости.

– Хочешь, чтобы мы достроили это место? И я хочу. Давай вместе решим, как это сделать. Ты можешь начать с изучения старых обсуждений на форумах и узнать, наконец, как было принято это решение. Потом предоставить свои обоснованные возражения. Я обещаю с ними ознакомиться.

Это, конечно, было стандартной мантрой, но она пыталась быть искренней. Он был скользким типом. И она просто не хотела вывести его из себя. Она даже не хотела с ним разговаривать.

За ужином он подошел к ней, уверенный в себе, как морской лев. Это было еще до того, как достроили кухню, и они питались примитивными переработанными протеинами по технологии, разработанной УВКБ. Протеиновая каша на палочке, содержащая все, что вам нужно для жизни, с большим разнообразием вкусов, но никто никогда не считал это едой. Оно отодвинулась, чтобы он присел на скамью рядом с ней, и передала ему кружку с водой. Они использовали пастеризаторы на солнечных батареях: большие черные бочки с теплообменным покрытием, в которых вода нагревалась до температуры, убивающей патогенные культуры. Жидкость после них была безвкусной. Она бросала в чашку веточки мяты, чтобы придать хоть какой-то вкус. Предложила немного мяты ему, собранной лично ею незадолго до того, как прозвучал звонок на обед.

Он помешал веточкой у нее в стакане и принялся за свой протеин, который на этот раз был в форме трудно разжевываемого брикета, напоминавшего по виду кукурузные чипсы с сыром, а пах так резко, что почти заглушал исходящий от него вонючий запах пота. Конечно, в те дни у них были трудности с ваннами, но далеко не критичные. Она пыталась придумать вежливый способ сказать ему, насколько полезным бывает иногда мыться, чтобы не давать повод трактовать это как приглашение к сексуальному времяпровождению.

³⁰ Система упорядоченного хранения знаний, пример: Википедия.

– Ты уже все прочитал?

Он кивнул и продолжил жевать.

– Да, – наконец сказал он, – я подсчитал статистику по репозиториям. Ты вожак стаи, на порядок превосходящий всех в округе по крутой экспоненциальной кривой. Я даже понятия не имел. Серьезно, большой респект.

– Я не слежу за статистикой. И в этом-то все дело. Я не смогла бы полностью написать весь код, а если бы и смогла, то попросту не захотела бы, так как это место было бы отстойным, если бы мы постоянно проводили конкурсы, кто добавит больше строк в код или кирпичей в конструкцию. Это как соревнование на создание самого тяжелого в мире самолета. Какие выводы мы сделаем, если узнаем, кто из нас внес больше кода или правок, чем все остальные? Что мы должны работать усерднее? Что мы идиоты? Что мы медлительные? Кому какое дело? Большинство фиксаций в нашем базовом коде являются историческими, внесенные теми, кто писал библиотеки, отлаживал, оптимизировал, исправлял их. Наибольшее число фиксаций в этом здании делали те, кто обрабатывал сырье, придумывал, как обрабатывать сырье, добывал сырье и...

Он поднял обе руки вверх:

– Хорошо. Может, и не ты сделала всю работу, но ты делаешь гораздо больше, чем кто-либо еще. Почему бы сообществу это не признать?

– Если ты делаешь что-то только для того, чтобы другие похлопали тебя по плечу, то работаешь гораздо хуже другого человека, который старается для своего внутреннего удовлетворения. Нам нужно наиболее оптимальное здание. Если мы настроим систему таким образом, чтобы люди соревновались за признание себя в числе лидеров, мы способствуем всяческим играм и манипуляции со статистикой, даже таким нездоровым вещам, как бессмысленная сверхурочная работа, с одной лишь целью: победить всех остальных. Мы становимся командой, состоящей из несчастных людей, делающих работу субстандартного качества. Если мы создаем системы, в которых люди уделяют все внимание развитию своих навыков, совместной работе и оптимизации производительности, мы построим прекрасную гостиницу, где живут счастливые, дружно работающие люди.

Он кивнул, но это его совершенно не убедило. Она хотела сказать: «Я вложила сюда больше труда, чем кто-либо еще, поэтому по твоей идеологии я должна здесь командовать. И как главная здесь, я говорю, что человек, который сделал больше всего, не должен быть здесь главным. Вот так». Это заставило ее улыбнуться, и она представила его смущенным и осуждаемым, так как вспомнила себя салагой, не знавшей, что она делала и вообще должна ли она это делать.

– Не верь мне на слово, – сказала она, – лучше повторно открой обсуждение на форуме, обоснуй свое мнение и посмотри, убедишь ли ты остальных. Привлеку людей на свою сторону.

– Я подумаю над этим.

Она точно знала, что этого он делать не будет. Отсутствие лидеров в гонке создания общества без руководства оскорбляло его настолько, что он сам не мог осознать границ этого оскорбления.

Через три недели завязалась война отмен фиксаций, которая потрясла «Б и Б» до их фундамента в прямом смысле этого слова.

Чучело тщательно изучил каждый проект совместного строительства в сети на наличие модулей игрофикации³¹. Их было множество: значки и золотые звезды, работы новичков-прохиндеев убеждали, что можно построить идеальное общество точно так же, как можно приучить младенца к горшку: повесить на стене график, помечая наклейкой-смайликом каждый день, когда младенец какал в горшок, а не в памперс.

³¹ Применение подходов, характерных для компьютерных игр, в неигровых процессах.

Результаты этих экспериментов были потрясающими. Если требовалось смотивировать людей на их самом инфантильном уровне, все, что нужно было сделать, это раздавать сладости для хороших мальчиков и девочек, а плохих заставлять стоять в углу. Он собрал вместе ссылки на видео и аналитические отчеты по самым успешным проектам.

Сначала Лимпопо старалась сдерживать свои возражения и контрдоводы и подходить к его идеям добросовестно и без злобы, что всегда было главным козырем в спорах ушельцев. Она аккуратно игнорировала эмоциональность его слов, прочитывала его записи по три раза, чтобы понять каждую деталь в его многословии, отвечала кратко, исчерпывающе и без оттенка неуважения.

Он не понял, когда она полностью уложила его на лопатки. Это как спорить с чат-ботом³², чьи цепи Маркова³³ запутались в патерналистском жаргоне тюремного начальства и нелицензированных работников детских садов. Ежедневно с понедельника по пятницу она спокойно разбивала все его аргументы, а субботним утром он снова использовал понедельничные аргументы, как будто надеялся, что она ничего не заметит.

Это все происходило в комментариях к коду и отменам, что делало такой спор еще более глупым. Аудитория этих дебатов росла по мере того, как распространялись новости. Внимание было глобальным, и не только от ушельцев. В дефолтном мире некоторые люди следили за сетями ушельцев, относясь к происходящему как к некому экзотическому зрелищу, будто слушали шабааби, жалующихся на какую-то затруднительную процедуру компенсации, уставленной их начальниками-ваххабитами.

Имея такую глобальную аудиторию халявщиков и кибитцеров³⁴, Лимпопо выставила Чучело полным ничтожеством. Она показывала, что любая его мысль оказывалась дерьмовой, находила полностью провальные проекты, где игрофикация выходила из-под контроля, уходя настолько в материальную и финансовую сферы, что заканчивалась воистину титаническим мошенничеством, которое попросту оставляло от здания одни прогнившие и проржавевшие руины. Они были прекрасным свидетельством того ужаса, который скрывался за вынашиваемыми им идеями. Она показала, что вдохновлять людей «делать то, что нужно», стимулируя их побеждать и подавлять друг друга, было по меньшей мере идиотизмом. Она нашла видеоролики, где были запечатлены дрессированные пройдохами голуби, которых с помощью сухого корма научили играть на пианино, и показала, что те, кому понравились эти видеоролики, представляли себя в роли экспериментаторов, а не голубей.

Это было слишком жестоким уроком. Она была по его эгоцентризму, давала отпор его снисходительному тону, наглядно показывая всем, как дерьмово он к ней относится, и отвечала ему тем же, но в гораздо меньшей степени. Он проиграл. Полностью загнанный в угол, он ушел в отрицание.

Вся проблема была в вагине Лимпопо. Из-за нее Лимпопо не могла понять пламя конкуренции, которая была единственной мотивацией всех людей во все времена. Конкуренция создала газель – идеальное дополнение к леопарду. Конкуренция вырезала из клыков и изгибов леопарда их противоположности, которые можно увидеть в газели. Конкуренция отделила эффективных исполнителей от потребителей. Она позволила визионерам превратить свои проекты в шедевры.

Женственность Лимпопо делала ее слабой, а слабость не давала понять этот простой факт. Она тратила время на пустые разговоры о том, что все должны быть счастливы, когда правильный ответ можно было увидеть прямо в данных, и этот ответ объективно показывал, каким путем следовало двигаться дальше. Он писал о ее «слабости», как будто это было пси-

³² Программный робот, способный поддерживать разговор в чате.

³³ Последовательность случайных событий с конечным или счетным числом исходов.

³⁴ Жаргонное слово немецкого происхождения, означающее наблюдателя или болельщика.

хиатрическим заболеванием, он призывал вымышленных «четырёхсигменных хакеров», которые не будут ни за что вносить свой вклад в «Б и Б», если им не дадут опубликовать производственную статистику.

Причину этой дисфункции он связывал с полом Лимпопо. У нее была хватка «альфа-сучек», которые всегда пытались контролировать свои группы. Ее руководство было под стать лидеру культа и зиждилось на контроле менструальных циклов своих подчиненных, которые несомненно находились под влиянием мощных маточных сигналов, исходивших из неназываемых влажных мест Лимпопо.

Читая все это, Лимпопо гордилась собой. Она явственно ощущала, как во время ознакомления с этими злобными атаками ее сознание делилось надвое. Одна половина – «Лимбическая Лимпопо», сверхжесткая, без фильтров и преград, ошерившаяся как волк. Такое отношение заставляло ее сердце выпрыгивать из груди, она до хруста сжимала кулаки и челюсти. Когда она осознанно превзошла это состояние, то почувствовала резкую боль в шее. Лимбическая Лимпопо хотела напинать Чучелу по яйцам. Она хотела викифицировать каждую злобную строчку и добавить теги [необходимо привести цитату и указать источник] к каждому оскорблению, обозначая все знаками «личный выпад, не по существу», с которыми невозможно было бы поспорить. Лимбическая Лимпопо хотела вытащить Чучело из его постели, – из той постели, что она собрала и покрасила своими руками, – и вышвырнуть его вон, совершенно голого, а потом закрыть дверь и сжечь его вонючий рюкзак со снаряжением.

Но это было только половиной ее отношения. Долгопланирующая Лимпопо была не менее настойчивой в этом ее внутреннем хоре. И это давало ей повод гордиться собой. Долгопланирующая Лимпопо всегда была рядом, но, как правило, Лимбическая Лимпопо кричала настолько громко, что Долгопланирующую Лимпопо просто невозможно было услышать, пока Лимбическая Лимпопо не совершала какую-нибудь глупость.

Долгопланирующая Лимпопо показала, что это обсуждение – необоснованная трата времени, так как поднятые проблемы были сложными и скучными. Сделать так, чтобы люди, желавшие построить гостиницу, переживали из-за философии стратегии вознаграждения, было сродни тому, чтобы заставить людей, которые были счастливы, поев нормальный ужин, переживать по поводу покраски комнаты акриловыми или масляными красками. Ужин, а не его упаковка, был главной ценностью.

В этом состояла вся разница. Трудно было заставить людей переживать из-за предметно-материальных вещей, процедурные вопросы казались значительно более простыми. Какой бы эзотерической ни казалась тема обсуждения, форма обсуждения – открытое женоненавистничество, грубые оскорбления – была очевидна, даже на самый поверхностный взгляд. Когда они спорили о прикладной мотивационной психологии, трудно было встать на чью-либо сторону. Когда он проявил себя как полный урод, вопрос разрешился предельно просто.

Долгопланирующая Лимпопо отметила про себя, что она уже выиграла. Все, что ей нужно было сделать, это не опускаться до уровня Чучела. Даже если Лимбическая Лимпопо жаждала крови, она все равно уступила бразды правления Долгопланирующей Лимпопо, которая показала, что этот способ не подходит для ведения технических обсуждений.

Реакция была молниеносной. Даже те люди, которые ранее принимали сторону Чучела, быстро от него дистанцировались. Вслед за этим последовало осуждение, и в течение часа кто-то собрал экстренную встречу «лицом к лицу» для исполнителей и соисполнителей «Б и Б», находившихся на объекте. Лимпопо наблюдала из своего окна, как люди молча возводили большой открытый шатер, который использовался для хранения сырья, в то время как другая группа по цепочке передавала стулья из наполовину построенных «Б и Б».

Один из инновационных инструментов «Б и Б» назывался «Любосебнегов», он был импортирован из давно несуществующего коллективного проекта *-ликс³⁵, который развалился, когда его руководство сбежало, взяв деньги с конгломерата СМИ за предпочтительный доступ к историям. Руководство было ужасным, однако оно внедрило хорошую систему разрешения споров с помощью средства «Любосебнегов».

Ключевая идея заключалась в том, что радикальные или трудные для осмысления идеи должны были оставаться под спудом тайны, так как считалось, что их больше ни у кого не может быть. Страх оказаться в изоляции вел людей к тому, что они не хотели выносить на обсуждение свои идеи, делая из них ту самую «Любовь, что о себе не говорит». В сокращении это средство называли «Любосебнегов», и оно предоставляло способ определить, имел ли ты единомышленников, без принудительного раскрытия своих мыслей.

Любой мог спросить у «Любосебнегов» что-то вроде: «А не вышвырнуть ли нам этого урода-сексиста?» Люди, втайне соглашавшиеся с этим вопросом, ставили подпись одноразовым ключом, который им не нужно было раскрывать, если только не следовало набрать предварительно заданное количество голосов. Затем система отправляла широкоэвентальное сообщение, оповещая подписантов о необходимости собраться с их ключами подписей и раскрыть себя, не раскрывая результаты, пока критическое количество подписантов не укажет свои личности. Стоило тебе сказать: «Я Спартак», как в системе уже устанавливался консенсус.

Бедный Чучело не знал, откуда придет удар. «Любосебнегов» широко использовалось в «Б и Б», но Чучело из-за отсутствия скромности не мог понять, зачем оно вообще нужно, разве только чтобы обвинить во всем Большую идиотскую идею и не призвать всех на баррикады. Из-за отсутствия скромности Чучело вообще многое не мог понять. Он принадлежал к числу тех людей (практически все – молодежь), которые были настолько умны, что не способны были оценить всей своей глупости.

Она надела чистую одежду (новый принтер/резак гортекса уже функционировал), порадовавшись возможности надеть в любой момент что-то сухое, дышащее, идеально подходящее по фигуре. Она пошла на собрание.

Ей не пришлось вообще ничего говорить.

Через десять минут фыркающему и брызгающему слюной Чучелу указали на дверь и вежливо попросили не возвращаться. Они наполнили его рюкзак под завязку, выделили два комплекта верхней и нижней одежды из гортекса. Дать ему что-то меньше этого было бы уж совсем не по-добрососедски.

[V]

У Лимпопо был грязный маленький секрет: она очищала производственные журналы «Б и Б», предварительно передав данные из них в аналитическую систему собственного изготовления, которую собрала по частям, как Франкенштейна из материалов, посвященных игрофикации и мотивации. Иногда она просматривала журналы сама, чтобы оценить, насколько она оторвалась по всем показателям от остальных. Особенно она обращала внимание на статистические графики, имевшие отношение к тем вопросам о возможных способах исполнения и достижения результатов, споры о которых она проигрывала.

И делала это не затем, чтобы удовлетворить свое самолюбие. Все было гораздо более странным. Когда Лимпопо проигрывала спор, сам факт, что она сделала гораздо больше того человека, кому она проиграла, делал ее настроение просто *великолепным*. Быть ушельцем означало ценить вклад всех окружающих тебя личностей и избегать заблуждений о собственной уникальности. Поэтому проигрывать человеку, над которым в дефолтном мире она была бы

³⁵ Намек на Викиликс.

начальником, делало ее, черт возьми, просто *святой*. Здесь не было никаких «особенных снежинок», но ей удавалось не быть уникальной личностью гораздо лучше, чем всем остальным.

Вид этих графиков вселял в нее то же чувство стыда и то же удовольствие, которое доставлял ей просмотр порнографии. Это было потворство своим желаниям в чистом виде, то, что давало пищу исключительно самым детским и эгоистичным побуждениям. Для Лимбической Лимпопо это было сродни валерьянки для кошки, чем больше она кормила эту жадную свою половину, тем чаще она могла ее затыкать и давать поругать Долгопланирующей Лимпопо. Во всяком случае, она себя именно так в этом убеждала.

* * *

Теперь его звали Джимми. Он был одет в такую униформу, на фоне которой гортекс смотрелся как разорванные лохмотья, наскоро заштопанные пучками травы. Он наслаждался собой.

– Вам обязательно нужно увидеть показатели, – сказал он своим спутникам. В отличие от «Б и Б», где обитали представители всех рас, его друзья были беленькими, кроме одного парня, который, похоже, был корейцем. – Она *королева* этого места, – он покачал головой, покоившейся на бычьей шее, которая прекрасно дополняла его словно слепленные из папье-маше бицепсы. – Ну, Лимпопо, согласись, что ты действительно королева. С этого момента ты и твой гость можете жить, где пожелаете, в любой комнате нашего дома. Полные привилегии на кухне и в мастерских. Я бы хотел видеть тебя в совете правления. Нам нужны такие люди, как ты.

Итак далее держался позади и с начала разговора быстро дышал от волнения, но затем начал успокаиваться. Она начала переживать, не выкинет ли он что-нибудь идиотское, что приведет к насилию. Это было бы пустой тратой времени и сил.

Был план, в котором ей отводилась определенная роль: яма, в которую ее хотел загнать Джимми. Или она свяжет с ним свою судьбу и придаст легитимность его мятежу (а она сомневалась, что он вообще рассчитывал на это), или она будет стоять на своем, даст ему себя унижить так, как, по его мнению, она когда-то унизила его. Единственным способом победить было совсем отказаться от этой игры.

Она стояла неподвижно, как статуя.

Он попытался расшевелить ее, заговорив о том, какие новые возможности будут внедрены, как они отделят пиявок от лидеров, избавятся от любителей дешевизны, сдавая некоторые койки ежемесячно под благотворительные нужды. Она стояла, не говоря ни слова.

Чем дольше длилось ее молчание, тем больше психовал Джимми. Чем дольше она молчала, тем больше людей выходило на улицу, чтобы узнать, что происходит. Это в точности напоминало первое шоу с его изгнанием, которое транслировалось по всей сети.

– Он просто пришел и заявил, что все уже решено, – сказала Лиззи, которая жила в «Б и Б» с самого начала, расставляя камеры наблюдения там, где было указано в сети. – Никто ведь не хотел драться? У него была какая-то идиотская презентация по нашей статистике, которую он набрал в общедоступных репозиториях. Там было показано, что все сохраняют за собой имеющиеся привилегии, так как мы достаточно хорошо работаем.

– Да, – сказал Гранди, приземистый странный старикан, который нравился Лимпопо, так как умел внимательно слушать. Что-то внутри него было сломано, и она никогда не спрашивала его о прежней жизни, однако чувствовала необходимость в опеке и присмотре. – Он говорил о толпах новых ушельцев, которые идут сюда, о массовом приходе, который попросту сметет нас, если мы не выработаем какую-то систему распределения ресурсов. Он козырял видеороликами о тех местах, где такое уже произошло.

Она кивнула. Да, она слышала о таких местах, где показатели росли быстрее, чем анализировались; хорошо построенные таверны становились заполненными, потом переполненными, потом случалась катастрофа. Там редко, но все же происходили акты насилия, которые сенсационно освещались в прессе дефолтного мира, и, следовательно, об этом потихоньку становилось известно в мире ушельцев. Было ли это сенсационным или нет – не важно, главное, что это было омерзительным. Случился поджог, лишь чудом обошедшийся без жертв (фотографии заставили Лимпопо уведомить своих читателей о необходимости фильтрации всех последующих отчетов об этом событии).

– Хорошо, – наконец сказала Лимпопо. На улицу вышло еще несколько людей.

Было холодно. Клубившиеся пары их дыхания напомнили ей испарения онсэна.

За спиной Лимпопо росла толпа. Как будто был включен невидимый переключатель, поэтому тот, кто не стоял с группой Лимпопо, неявным образом становился против нее, не просто присоединялся к группе Джимми, потому что это было проще (да и вообще, какая разница, с кем быть), но фактически становился врагом группы Лимпопо и всех тех идеалов, которые эта группа исповедовала.

В рюкзаке Лимпопо лежало снаряжение, которое позволило бы ей в самом экстремальном случае прожить один день в лесу. Она разожгла огонь под своей печкой, подкладывая туда ветки, пока воздух не начал нагреваться от их сгорания и динамо-машина, от которой запитывался аккумулятор, не начала жужжать, включая эту идиотскую лампочку, оповещая о том, что печка не нуждается в дополнительном топливе.

Она сделала чай. У нее была книга складных чайных чашек, содержащая листы полужесткой пластмассы, которую можно было согнуть по трафарету в кружки с ручками различной геометрической формы. Они ей очень нравились, так как напоминали компьютерную отрисовку чашки в низком разрешении, как будто ее перенесли с допотопного экрана в физический мир. Чайник представлял собой выдвижной цилиндр, который она заполнила снегом, дойдя до нетронутого заснеженного места на краю открытой местности. Все это время Джимми и его команда подозрительно наблюдали за ней, а ее люди смотрели с легким недоумением.

После того, как чай был заварен, она налила его в кружки и раздала по кругу. Оказалось, что складывающиеся чашки имелись и у других людей. У некоторых оказались даже кружки из сверхплотных казнаков, склеенные медом с пасеки «Б и Б», прочные как камень и твердые как античные солнца – восхитительный домашний вкус для любого, кто жил в «Б и Б».

Почему люди подобно белкам держали у себя эти вещи? Потому что как только кто-то начинал говорить о нормировании продуктов, стремление делать запасы становилось непреодолимым.

Как только она начала делиться чаем, тяга к накоплению запасов начала пропадать. Можно было жить в мире, соответствующем твоим надеждам, или жить в мире, которого ты боялся – окружающий мир всегда соответствовал твоим надеждам или страхам. Она вытряхнула все из своего рюкзака, нашла одеяла и раздала их людям без курток. Она сняла свою куртку, чтобы добраться до жилетки с начесом, сняла ее и отдала дрожащей от холода беременной женщине, которая пришла к ним совсем недавно и имени которой она еще не успела узнать. Затем, предупреждая холод, надела куртку обратно. Куртки было достаточно, даже если просто стоять на месте. Аккумуляторов в ней хватало на несколько дней и при более сильных холодах.

После этого все начали нормализацию своей верхней одежды: тихая всеобщая проверка как минимум пятидесяти человек, практически всех давних обитателей «Б и Б». Проверив одежду, они начали осматривать снаряжение. Этот стихийный ритуал начался с неспешной торжественности, а закончился смехом в лицо Джимми и его боевым, жадным качкам.

Они растерялись, понятия не имея, как все это воспринимать. Джимми был похож на загнанного в ловушку зверя. Лимпопо вспомнила этот взгляд человека, готового сорваться в истерику, и это ей совсем не понравилось. Пришло время делать ответный ход.

– Хорошо, – и хотя она говорила тихо, голос ее был слышен всем. Если кто-то негромко разговаривал, на него шипели, пока не устанавливалась полная тишина. – Где начнем строить? У кого какие идеи?

– Строить *что*? – требовательно спросил Джимми.

– «Бандаж и брекеты II», – ответила она. – Но надо будет подобрать название получше. Сиквелы – отстой.

– Что вообще ты *несешь*? – совершенно определенно, у него начиналась истерика.

– Ты отобрал у нас этот дом. Мы построим себе получше.

– Издеваешься? Ты готова сдаться вот так, просто опустив руки?

– Нас называют *ушельцами*, потому что мы уходим, – она не добавила: *понятно тебе, недоумок*. Этого и не нужно было говорить. – Это большой мир. Мы можем построить что-то гораздо лучшее с учетом всех сделанных здесь ошибок.

Она смотрела на него. Его рот приоткрылся от удивления. Она знала его как облупленного. Еще секунда, и он заговорит...

– Но это...

– Конечно, – она начала вдавливать его в землю, как асфальтоукладочный каток, – высока вероятность того, что ты со своими друзьями просто разрушишь это славное место. Когда вы уйдете отсюда, мы вернемся и используем развалины для получения сырья, – она снова сделала трюк с паузой, выжидая.

– Ты не...

– Если, конечно, ты не сожжешь здесь все дотла и ничего не разграбишь.

Поведется ли он на это третий раз? Да, поведется...

– Я не поведусь на твои...

– Ты, наверное, планируешь забрать у нас личные вещи, раз уж национализировал наш дома в пользу Народной Республики Меритопия?

Если придерживать сарказм при каждом его проявлении, впоследствии он становится более изощренным. Слова Лимпопо ударили прямо по его умственной мошонке, и она явственно это почувствовала. Четыре раза она не давала ему ничего сказать, а потом ударила наотмашь. Это было так прекрасно и так неприлично. Но сейчас-то уж наплевать. Этот гад отобрал у нее дом.

– Ну смотри, – на этот раз он *сам* все сделал за нее, не веря, что ему удастся вставить слово, а когда она его не перебила, он замолчал, как будто язык проглотил. Тут уже заржали его спутники-дебилы. Он был всесторонне опущен и стоял там со спущенными метафорическими штанами. Лицо его стало пунцово-красным. – Нам вовсе не нужно этого делать...

– А мне кажется, что нужно. Ты четко дал понять, что настолько одержим этим местом, что хочешь получить его в свое полное подчинение. Ты проявил себя как монстр. А когда мы встречаемся с монстром, то просто тихо отходим в сторону и даем ему обглодать желанную кость. Однако мы знаем, что в мире можно найти и другие кости. Мы знаем, как делать кости. Мы можем жить так, как будто настали первые дни лучшего мира, а не как будто мы герои начальных страниц романа Энн Рэнд³⁶. Забирай это место, но нас здесь не будет. Мы все уходим отсюда.

Было видно, что его вдруг посетила блестящая идея.

– Я думал, что у вас здесь нет лидера. Что это еще за «мы»? Разве вы все не видите, что она просто манипулирует вами...

³⁶ Американская писательница и философ родом из России, создательница философии объективизма.

Она подняла руку, и он тут же замолчал. Она ничего не сказала, просто держала руку поднятой. И так далее, спасибо ему, поднял руку следующим. Через несколько мгновений вокруг вырос целый лес рук.

– Мы проголосовали, – сказала она, – и ты проиграл.

Один из его амбалов (она вдруг подумала, что же он такого пообещал им в этом месте) в сердцах сказал: «Че-е-о-о-рт».

Она всегда выигрывала.

– Джимми, нам можно забрать вещи?

Джимми, да будут благословенны пальцы и щиколотки его ног, сказал:

– Нет, – стиснул зубы и мятежно поднял подбородок. – Нет. Пошли вы все.

Ночью будет холодно, но не смертельно. Они знали, где еще остались полуразрушенные строения, которые дадут им временный приют и где можно найти много полезных вещей. Когда они снова попадут в радиус действия сети ушельцев, они смогут рассказать, что с ними произошло, и выложить видеоролики, снятые с десятка поблескивающих объективов (все, что она смогла насчитать), а потом полагаться только на доброту незнакомых людей. Они отстроятся заново.

Все очевидно, ей даже не пришлось об этом упоминать. Несмотря на те ужасы, которые произойдут этой ночью. Несмотря на всю работу, которую им предстоит проделать в несколько ближайших лет. Несмотря на боль в мышцах и волдыри на руках, на сбитые ноги, все они запомнят Джимми на всю жизнь. Запомнят, что происходит, когда «болезнь особенной снежинки» развивается без лечения и купирования. Они построят нечто большее, более прекрасное. Они будут избегать тех ошибок, которые допустили в прошлый раз, а потом допустят много новых, совершенно восхитительных ошибок. Онсэн будет просто потрясающим. Первоначальный план здания разветвлялся десятки раз с того момента, как он попал к ним в руки; некоторые из добавлений были просто прекрасны. Как только она начала делать первые шаги по мерзлой земле, эти мысли целиком заняли ее голову и планы начали принимать определенные очертания.

Тут внезапно возникла эта девушка, Ласка. Они шли по лесу, глухо ступая по тропинкам и шелкая ветками.

– Лимпопо!

– Что такое?

– Не пойми меня неправильно, но ты что, совсем с ума сдурела?

– Нет.

– Но это сумасшествие! Ты построила это место. И дала ему так просто его забрать!

– Оно не было моим, я его не строила. Я не давала ему ничего забрать.

Она практически услышала, с каким артистизмом закатываются глаза ее спутницы, имевшей все: родословную, деньги и соответствующие всему этому привилегии. Такие люди, как Ласка, никогда не уходили от того, на что имели свои права и претензии. Их охраняли орды юристов и вооруженной охраны. Для нее это было путешествием, расширяющим горизонты ее сознания. Хорошее дело, если честно. Лимпопо зевнула, чтобы скрыть улыбку, которая могла привести Ласку в замешательство.

– Мы с тобой знаем, что твой вклад в это место был гораздо большим, чем у всех остальных.

Та пожала плечами:

– И почему это делает это место моим?

– Да ладно. Пусть оно не твое на все сто процентов, но в любом случае *твое*. Твое и всех остальных, или как там ортодоксальная высокая церковь ушельцев настаивает на трактовке собственности. Но не надо придуриваться! Тот отморозок пальцем не пошевелил во благо этого места, а вы, ребята, сделали все, и так просто все отдали, совершенно без борьбы.

– Почему борьба предпочтительнее строительства чего-то вроде «Бандажа и Брекето», только гораздо лучше?

– Лимпопо, это самый идиотский в мире сократический диалог. Ну хорошо: вы бы поборолись за это место и сохранили за собой «Бандаж и Брекеты». Затем, если бы захотели построить где-то что-то лучшее, то и построили бы в дополнение.

Лимпопо посмотрела на нее через плечо. За разговором они значительно оторвались, оставив далеко за собой остальных беженцев. Она остановилась, развернула теплоизолированное сиденье своей куртки и села на заснеженный камень, разложив гибкий пенокартон так, чтобы он закрывал ее ягодицы и ноги, защищая их от снега. Ласка с завидной ловкостью последовала ее примеру. Лимпопо нравилось смотреть на людей, которые делали все хорошо, которые наблюдали, учились и практиковались, а больше ничего в этом мире и не требовалось.

– Я не пытаюсь чудить, – сказала она. Она достала вейпер и зарядила его декофеинированным крэком, который даст ей силы пройти еще три часа до следующего поселения ушельцев. Ласка сделала две затяжки, затем еще одну, несмотря на то, что после первой затяжки все стало инертным, и это не привело бы ни к чему хорошему, только сделало бы мочу непрозрачно оранжевого цвета. Психологический эффект вдыхания дыма из трубки очень успокаивал. Она сделала еще одну затяжку.

– Я не пытаюсь чудить, – повторила Лимпопо, любуясь быстро индевеющими облачками тумана, которые проплывали мимо ее лица, и радуясь, что сбросила с плеч тяжелый груз, ощущая теперь всю имеющуюся в организме энергию. Они обе рассмеялись под кайфом, осознавая комедийность сложившейся ситуации. – Ты должна понимать, что я помещу это в твою систему координат, в ту систему координат, в которую ты хочешь, чтобы я поместила это... что-то вообще ничего не понятно.

– Единственное, что может иметь разумное обоснование, – это если я буду настаивать на невозможности наличия нескольких «Б и Б». Единственная заявка на право решения, которая у меня может быть, – это то, что я поступаю правильно, оставаясь там, и наоборот. Что хорошего я сделаю для «Б и Б» после того, как уйду? Что хорошего это место сделает для меня? Если мне есть, где остановиться, то я в порядке.

– Ну да, ну да. А как насчет других людей, которые хотят остаться в «Б и Б», но должны иметь дело с капитаном Уродовым и его Лигой дефективных, чтобы только получить право на ночлег?

– Я планирую построить все в другом месте. Надеюсь, что остальные люди мне помогут. Надеюсь также, что ты останешься и поможешь.

– Конечно. Мы все построим его. Но когда они придут, чтобы забрать у нас наше новое место...

– Наверное, я вернусь обратно в «Б и Б». Это не имеет значения. Главное – убеждать людей делать полезные вещи и делиться с другими. Драки с жадными кретинами, которые ни с кем не делятся, не должны быть жизненным приоритетом. Приоритет заключается в повышении производства, в жизни в условиях избытка.

Тот взгляд, которым одарила ее девушка, был настолько жестким, что заставил ее мгновенно протрезветь. Или, может, все дело было в крэке.

– Согласна. Я считала, что «Б и Б» были «моими», как будто моя работа давала мне на это право. Но правда заключается в том, что если я права и действительно сделала больше других, это вовсе не значит, что я могла бы все построить без посторонней помощи. «Б и Б» – это больше, чем сможет построить один человек даже в течение всей своей жизни. Строительство «Б и Б», управление системой – это все задачи для *суперчеловека*, непосильные для одиночки. Однако есть множество способов быть суперчеловеком. Можно заставить других верить, что, если они не будут делать то, что ты им скажешь, они все умрут с голода. Можно ввести людей

в заблуждение, чтобы они боялись богов или полицейских, чтобы они чувствовали вину или злость и делали то, что ты им скажешь.

Самый лучший способ быть суперчеловеком – это делать то, что тебе нравится, вместе с другими людьми, которым это тоже нравится. А единственный путь – это признать, что ты работаешь, потому что тебе это нравится, и если ты работаешь гораздо эффективнее других, то только по своему собственному выбору.

Ласка смотрела на свои перчатки, иногда сгибая пальцы, и Лимпопо тоже захотелось так поделать – симпатическая нервозность.

– Разве тебя это не приводит в уныние? Вся эта работа?

– Немного. Но это же здорово. Если начинаешь с нуля, то можешь наблюдать, как все растет и развивается поэтапно. После того, как все построено, единственное, что нужно делать, – это подстройка мелочей, новая покраска, незначительные перестановки, изменение интерьера. Когда видишь, как разоренная и истощенная земля и груда обломков преобразуются, растут и становятся *местом*, когда начинаешь чувствовать единение с работающим здесь программным обеспечением и ощущаешь, что где бы ты ни находилась, что бы ты ни делала, всегда найдется что-то, что можно улучшить, вот именно тогда жизнь становится действительно *потрясающей*.

Крэк шипел, и, как всегда, она чувствовала, как ее оставляет меланхолия и машет на прощание рукой.

– Не хочется менять тему, но...

Подходила остальная группа. Через минуту-другую нужно было вставать и идти.

– Тебе знакомо это чувство, – сказала Лимпопо, покачивая в руке свой вейпер, который ей вернула Ласка, затянулась еще раз и выпустила облачко ароматного пара с запахом сосновой смолы и жженого пластика, запахом дома. – Чувство счастья и напряженной готовности к работе? Ты не думала, что нам было предназначено испытывать это чувство гораздо чаще и не так мимолетно? Оргазмы, к примеру. Если бы у тебя был один непрекращающийся оргазм, это было бы жестоко. Согласна, с технической точки зрения это могло бы быть восхитительно, но сам опыт был бы ужасным. Теперь возьмем счастье, – то чувство, когда ты создал свой мир, довел его до совершенства. Представь, что такое чувство было бы непрекращающимся? Мы бы никогда не поднимали свой зад. Думаю, что нам дано испытывать только мимолетное счастье, потому что все наши предки, которым было дано испытывать его чаще, жили в блаженстве, пока не умерли от голода или не были съедены какими-нибудь тиграми.

– Ты все еще под кайфом, – сказала Ласка.

Лимпопо прислушалась к себе, будто что-то проверяя.

– Точно.

К ним подошла отставшая группа.

– Однако он уходит. Пойдем.

Они присоединились к походной колонне и пошли.

3 Взлет

[I]

Ласка стояла посреди пепла и развалин Университета ушельцев. Погода была неустойчивая, постоянно меняющаяся, откуда ни возьмись набегали рваные облака, опрыскивали землю то здесь, то там водой и так же внезапно исчезали, оставляя людей наедине с палящим солнцем и назойливо писклявыми комарами. Развалины пропитались влагой и запеклись в кирпичный шлак с нитями оптоволоконной изоляции и теплопоглотителями, строительным гипсокартоном из длинноцепных молекул, от которого исходили неприятные испарения, и однообразной черной от сажи массой вещей, которые нагрелись настолько, что уже невозможно было понять, что они представляли из себя в недавнем прошлом.

В этом шлаке жили люди. Сеть датчиков в Университете ушельцев оставалась работоспособной достаточно долго, чтобы зарегистрировать оповещения о потерявших сознание людях, находившихся среди развалин, путь к которым преграждало пламя и скопившиеся газы. Не удержавшись, Ласка упала прямо в груды обломков, и среди бесформенных предметов, внезапно оказавшихся вокруг ее маски, попалась обожженная кость, так что вся маска пропахла изнутри сожженным тостом. Ее бы вырвало, если бы не мета, которую она напечатала перед тем, как отправиться в путь.

Здание «Банана и Бонго» было гораздо больше «Бандажа и Брекетов»: семь этажей, три мастерских, настоящие конюшни для разного рода транспортных средств – от трехколесных мотовездеходов до шагающих механоидов и дирижаблей, которые заполнили жизнь Итакдалее более чем на два года, в течение которых он бороздил небо над континентом, пытаясь найти лагерь и поселения других ушельцев. Ласка думала отправиться к Университету на механоиде, потому что прогулка по пустошам в механоиде была сродни увлекательному приключению, средства поиска пути и лазерный дальномер этой машины позволяли находить подходящее место для шага его мощной стопы, гиросистема и балласт двигались в изящном гравитационном танце, позволяя механизму держать равновесие в течение всего своего многокилометрового пути.

Но у механоидов не было грузового отсека, поэтому она уехала на трехколесном вездеходе с шинами-баллонами, волоча за собой целый поезд внедорожных грузовых контейнеров с упакованным снаряжением для экстренных случаев. Дорога до Университета заняла четыре часа, за это время выжившие разбрелись по окрестностям. Она подняла сетевые узлы на воздушных шарах так, чтобы обеспечить максимальную зону покрытия и обнаружить радиосигналы выживших. Шары надувались самостоятельно, однако приходилось здорово попотеть, чтобы выпустить их из контейнеров в воздух, и хотя она работала быстро и точно, во многом благодаря мете, почти как морской пехотинец, собирающий с закрытыми глазами штурмовую винтовку, к тому времени, как шары поднимались в воздух, они уже были окружены взмывающим вверх пеплом и сажой.

– Да пошло это все, – сказала она в свою дыхательную маску и повернула свой мотовездеход так, чтобы прицепные тележки сформировали кольцо. Выжившие должны быть поблизости, в стороне, противоположной потихоньку сдуваемой ветром шапке пепла, и вдали от жары, которая поднялась, когда территория Университета сторала дотла. Наглядная демонстрация того, что происходит с охваченным огнем зданием. Это было поистине ужасающе. Чисто теоретически пропитанные графеном стены отводили жар к поверхности земли, что позволяло

удерживать область вокруг пожара ниже точки возгорания. Теплопоглотитель сам по себе воспламенялся гораздо хуже, чем любые другие строительные материалы, которые они использовали в строительстве, поэтому если пожар продолжался слишком долго, теплопоглотители накалялись до точки возгорания стен и все здание практически в одно мгновение со страшным шумом вспыхивало огнем. Теоретически невозможно было даже приблизиться к таким температурам, если только все восемь контрмер не дали одновременный сбой, а это, строго говоря, пахло поджогом, который могли устроить только государственные службы.

Она старалась не думать про эти службы и о том, зачем им понадобилось спалить до углей весь комплекс Университета ушелейцев на Ниагарском полуострове.

Пришел отчет от сетевых узлов на воздушных шарах. Что-то пыталось использовать их для подключения к сети ушелейцев в нескольких километрах в сторону против ветра, как она и думала. Если ей повезет, это окажутся беженцы, а не другие спасатели или того хуже – упивающиеся чужим горем мародеры.

Воздушные шары задействовали свои маломощные вертушки и балласт, чтобы выстроиться над нужной областью в виде устойчивого треугольника, затем использовали согласованные по времени сигналы для определения координат. Они прислали фотографии, но все, что на них можно было разглядеть, – это крону леса, находившегося на приличном расстоянии от пожарища. Трудно было что-то сказать по снимкам, но ей показалось, что там были просеки, служившие противопожарными полосами.

Она завела вездеход и, облизав языком губы, чтобы избавиться от горького вкуса, направилась к лесу.

Однако вскоре пришлось слезать с машины. Кусты были слишком густыми, чтобы через них мог пробраться мотовездеход, даже без своих грузовых тележек. Она нагнулась, достала кончиками пальцев до ступней, помахала руками. От поездки болел зад и ныла спина. Ее руки устали держать рукоятки руля. Она подумала о том, как здорово было бы сейчас присосаться к вейперу, может, покурить немного крэка, однако, когда она на миллиметр сдвинула маску, нос и рот сразу же наполнились горьким воздухом, испорченным нависающим над полями дымом и пеплом. Ну и ладно. Меты должно быть достаточно, несмотря на то, что ее стало отпускать после дозы. Нужно было сделать ее в виде плоского прямоугольника, чтобы можно было вставить в маску большее количество и не дышать токсичной смесью пластика, углерода и жареной человеческой плоти.

Прогулка по лесу позволила отдохнуть ее мышцам и разуму. Птицы тревожно, но успокаивающе чирикали, осматривая последствия пожарища. Ей нравилось залезать на крышу того места, где жил отец, и слушать, как перекликаются птицы в долине Дона. Да, это чириканье, скорее, успокаивало.

Приблизившись, она вслушивалась и всматривалась, пытаясь обнаружить следы человеческой активности, однако все вокруг имело на удивление первозданный вид. Она уже готовилась вернуться к своему трехколесному вездеходу, чтобы перенастроить задачи для воздушных шаров, так как подумала, что они дали сбой, когда заметила антенну.

Это было искусственное дерево, довольно никудышного качества, но и такой поделки было достаточно, чтобы скрыть его среди других деревьев, сделав практически незаметным. Это была сосна, напоминавшая пластмассовую рождественскую елку. Среды ее ветвей виднелись характерные выступы фазированной решетки, точно такие же окружали «Банан и Бонго». Она пнула место, куда должны были уходить корни, и увидела, что дерево прочно сидит в земле.

– Эй! – там, где были антенны, должны были быть и камеры, хотя бы для того, чтобы регистрировать изображение при возникновении экстренных ситуаций. Размером с булавочную головку, их необходимо было разместить поблизости, однако она ничего не видела.

– Эй, аллэ! – уже громче сказала она.

– Сюда, – ответила женщина. Она была стройная, вся в морщинах, кожа цвета тикового дерева и седые волосы, убранные в косматый пучок. Она вышла из леса на противоположной стороне от антенны, на ней была дыхательная маска, но женщина казалась вполне дружелюбной. Но, может, это был просто эффект меты.

Она прошла рядом с Лаской и углубилась в кусты. Ласка последовала за ней. Они подошли к гранитному выступу канадского щита, торчащего из-под почвы. Женщина толкнула плиту, которая отъехала в сторону. Плита двигалась бесшумно, что свидетельствовало о довольно талантливой инженерной работе. Она весила целую тонну, убедилась Ласка, когда вовремя не убралась с дороги и едва не была сбита с ног.

– Заходи, – сказала пожилая женщина. За скальной плитой шел узкий коридор с землебитными стенами, которые освещались светодиодными полусферами, вделанными прямо в грязь, так что вокруг каждого фонаря виднелись углубления от проделанных работ. Женщина остановилась, затем протиснулась рядом с ней в противоположном направлении, и Ласка увидела, что в ее морщины вьелся пепел и сажа, сделав их еще темнее. Женщина захлопнула дверь, и грохот прокатился по туннелю, резонируя даже в подошвах ботинок Ласки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.